Скажи: Он – Аллах – един, Аллах вечный. (Коран, 112:1;2)

АТ-ТАВХИД

Русский журнал исламской перспективы

ان الله
لا يغير ما بقوم حتى يغيروا
ما بانفسهم

ат-ТАВХИД

РУССКИЙ ЖУРНАЛ
ИСЛАМСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ

1 '94

ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Русский выбор (от редакции) ... 3
Гейдар Джемаль «Ислам как цивилизация» ... 7
Выступление Сейида Ахмада Хомейни по случаю 14-летия исламской революции в Иране ... 13
Ахмадкади Ахтаев «Суфий должен быть политиком!» ... 15

АНКЕТА: ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАМУ

Александр Проханов, *главный редактор газеты «Завтра»* ... 17
Константин Боровой, *известный российский предприниматель, сопредседатель Партии экономической свободы* ... 45

РОССИЯ И ИСЛАМ

Вадим Кожинов «Ислам в русской культуре» ... 18

ИСЛАМСКИЙ СИМВОЛИЗМ

Роберт Стойкерс «Ислам в трудах Л. Ф. Клаусса» ... 20

ИСЛАМСКИЙ ЭЗОТЕРИЗМ

Мартин Линкс «СЕРДЦЕ» *Глава из книги «Что такое суфизм»* ... 22
Фарид-уд-дин 'Аттар «Изречения шейха Мансура Халладжа» *Глава из книги «Мемориал святых»* ... 27

ИСЛАМОФОБИЯ

Сергей Дунаев «С ними оружие, но с нами Бог» ... 30

КОНСПИРОЛОГИЯ

Гейдар Джемаль «Заговор модернизаторов» ... 32

ГЕОПОЛИТИКА

Мартин Индейк «Иранская и иракская угроза на востоке и арабо-израильские переговоры на западе» ... 42
Якуб Заки «Давнишний союз Великобритании с Югославией бросает свет на текущую политику» ... 46
Грозит ли Азербайджану судьба арабов?
Интервью с Джелялем аль-Машта, главой корпункта лондонской газеты «Аль-Хаят» в Москве ... 50

ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА

Рене Генон «Вырождение денежной системы» *Глава из книги «Царство количества и знаки времени»* ... 53

ИСЛАМ-РЕВЮ

Ахмад Зайад Абадинеджид «Босния и Герцеговина — истоки кризиса» ... 56
Ахмад Зайад Абадинеджид «Афганистан и борьба за власть» ... 59
Алексей Василевецкий «Ислам Каримов против «Адолата» ... 62

Учредитель и издатель журнала — **НИЦ «Тавхид»**. Главный редактор: **Гейдар Джемаль.**
Редакционная коллегия: **Ахмадкади Ахтаев, Эльшад Мамедов, Ирина Павликова, Андрей Писарев.**
Технический редактор: **Татьяна Агеева**. Художественный редактор: **Гюльнар Джемаль.**
Дизайн и вёрстка: студия **«ВЛАДОР».**

Адрес редакции: Москва, 117321 а/я 107 телефон: 310-40-51

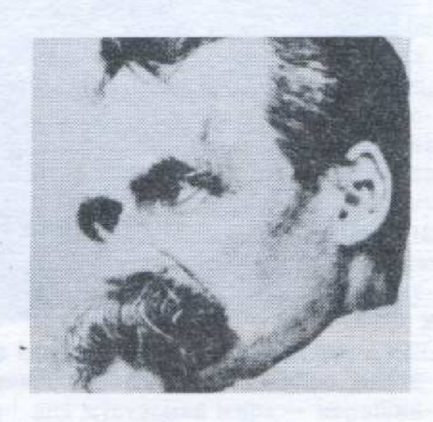

Русский выбор

Любая оппозиция, обусловленная «человеческим измерением», сомнительна как в своих целях, так и в своей политической искренности. То, что сейчас переживает Россия, это не просто очередной изгиб ее трагической, но частной судьбы. Это — аспект кризиса планетарного масштаба, кризиса, в который по-разному вовлечены все страны на географической карте. Мы полагаем, что есть основания говорить не только о кризисе западной цивилизации — это было бы повторением уже утративших свежую интеллектуальную энергию утверждений — речь сегодня идет о фундаментальном кризисе человечества как такового, который затрагивает все слои человеческой реальности, условно говоря, «дух», «душу» и «тело».

Есть ли основания для столь «крайнего» заявления? Главное основание в том, что любая реалия, независимо от своего масштаба, несет в себе возможность кризиса. Эта возможность становится действительной, как только данная реалия теряет смысл существования. Современное человечество не имеет смысловой перспективы: после того, как Бог «умер» (Ницше), «смерть» человека стала вопросом времени.

Мондиалистская политическая действительность есть лишь административное оформление этой «смерти». Истинная суть мондиализма в том, что он сознательно отрицает за человечеством какой-либо смысл, который отличался бы от самого факта существования под контролем мирового правительства. Иными словами, мондиализм отрицает наличие «Проблемы» и заявляет о конце истории (Фукуяма).

С вызовом, брошенным либеральному гуманизму автором «Заратустры», солидарны сегодня и многие исламские революционеры

«Конец истории» и мировые войны

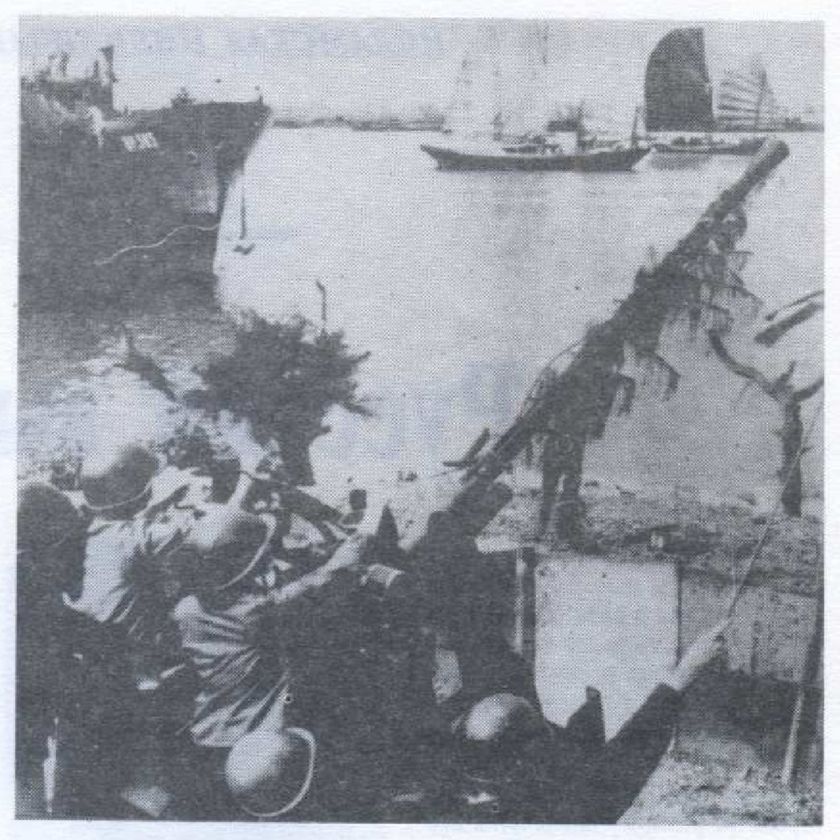
В определенном смысле Фукуяма прав. Мондиалистское видение действительности, в принципе, исходит из эсхатологических посылок, только вывернутых наизнанку. Там, где метафизическая доктрина подразумевает «вечность» (отсутствие времени), мондиалистское сознание имеет в виду «остановившееся время». Мондиализм не обладал бы никакой энергией, не представлял собой столь серьезной угрозы, если бы он не был одержим жаждой «Золотого века», стремлением к раю. Разумеется, это не «рай» Традиции. Это инфантильная космистская греза о всемогущем человечестве, для которого объективная действительность превратилась наконец-то в управляемый сон. Поэтому такое сознание принципиально антикатастрофично, оно декларирует либеральный гуманизм, не выносит идеи сбоя, взрыва, трагедии. Именно поэтому мондиалистское сознание является тоталитарно-террористическим, и естественным проявлением его антикатастрофизма оказывается мировая война. По сути дела, остановка истории может проявляться только как непрерывная мировая война. Первая и Вторая мировые войны на самом деле лишь две фазы одного конфликта. Без лишнего шума человечество вошло в третью фазу — третью мировую войну.

Против кого ведется мировая война? Разумеется, против сил самой истории, против тех энергетических очагов,которые способны ввести в контролируемое пространство новые неожиданные измерения. С точки зрения мондиализма то, что выходит за рамки его контроля, есть катастрофа. Чтобы не допустить этого, мондиализм идет на перманентную катастрофу.

В начале века очагом непредсказуемости была континентальная Европа — Германская и Австро-Венгерская империи, которые вступили в союз с Османским Халифатом. Союз Европы с исламским миром — это постоянно брезжущая на грани реализации возможность, которая всегда была источником кошмара у властителей христианского Запада. Испания, южная Франция, Сицилия, Балканы — зоны исламского присутствия, духовная почва, на которой произрастали самые глубокие и плодотворные идеи западной культуры. Первая мировая война была войной за единое атлантическое пространство «от Дублина до Владивостока» (которое в наши дни активно пропагандировал покойный Тириар). Задачи, поставленные тогда, были в целом решены: На месте Германии — Веймарская республика, на месте Австро-Венгрии —конгломерат мелких национал-масонских государств, на месте неоднозначной Российской империи — СССР, как

стратегический союзник Соединенных Штатов, на месте Османского Халифата —раздробленные по «национальным квартирам» арабские и турецкие секуляристы, полностью контролируемые атлантическими державами. Но такой катастрофы с ее десятью миллионами погибших (плюс 25 млн. в результате гражданской войны в России) оказалось недостаточно, чтобы полностью подавить способность человечества к сопротивлению. Потребовалась Вторая мировая война, во время которой мондиалисты применили сплошные ковровые бомбардировки центральной Европы (Лейпциг — 300 тыс. погибших в течении суток), атомное оружие, а также глобальный психологический террор через мобилизацию так называемого мирового общественного мнения. Мир завис в ялтинской статике между двумя псевдополюсами. Правда, для того, чтобы поддерживать эту статику — благодатное отсутствие макрокатастрофы! — был введен режим вялотекущих малых катастроф: Корея, Вьетнам, Алжир, опять Вьетнам, Африка... Десять миллионов погибших в локальных войнах, суть которых принято определять, как американо-советское соперничество. Поскольку за этим соперничеством стоял ялтинский сговор (и в целом, стратегическое сотрудничесво СССР — США), можно сказать, что эти миллионы погибли в порядке медицинской профилактики — как ставят пиявки, чтобы снизить давление. Таков циничный гуманизм «борцов за мир».

Они создали «вьетнамский синдром» Америки, от которого «сверхдержава номер один» не освободилась по сей день

Третья мировая война ведется против Ислама. Иран (руками Саддама Хусейна), Афганистан, Ирак, Босния, Таджикистан... Снова сегодня идет подготовка к военным акциям против Афганистана и Ирана. Не прекращается террористический произвол американских вооруженных сил, направленный против мусульман Ирака. В Алжире, Египте, Индонезии прозападные тирании ведут явную или тайную гражданскую войну против своих народов. С 1980 года — нападения Саддама на Иран и Брежнева на Афганистан — во всем мире убито свыше 5млн.мусульман.

Однако, это лишь начало. Третья мировая война еще далеко не в полном разгаре. И Первой мировой предшествовали Балканские войны, итало-турецкая война в Ливии, российские военные авантюры в Афганистане (1913)... Военными конфликтами был заполнен период двадцатых-тридцатых годов. Сегодняшний расклад во многом повторяет политическую ситуацию этих глобальных конфликтов. Главными характеристиками и тогда и теперь являются кризисное положение Америки и России и стремительный рост политического потенциала центральной Европы.

С Россией ситуация достаточно бесспорная. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что период с 1904 по 1913 был самым проблемным в

Месопотамия, 1918. Индийские солдаты британской армии отражают турецкий воздушный налет

истории царствования Романовых; 1937-40 — самым проблемным в довоенной истории советской власти. По поводу сегодняшнего дня и говорить не приходится.

С Америкой сложнее. В 1914 году эта страна была на грани социального взрыва: колоссальные долги, дезинтеграция общества, отсутствие внешнего рынка. В конце 30-ых «Новый Курс» Рузвельта был спасен от явного провала лишь началом боевых действий в Европе. Клинтоновская Америка также стоит перед дилеммой: либо форсировать широкомасштабные военные действия в Европе и Азии, либо утратить роль первой и единственной сверхдержавы, возможно, даже прекратить существование в качестве единого государства.

Центральная Европа — этот вечный резервуар неукротимой человеческой энергии — вновь пытается выйти из-под мондиалистского диктата. Именно поэтому на Германию обрушиваются организованные ЦРУ провокации: 2 млн. турецких рабочих — удобная мишень для инспирированных «правых» маргиналов. Цель — вбить клин между Германией и исламским миром, подорвать в корне возможность повторения того геополитического союза, который существовал во время двух мировых войн.

«Миф XX века»

Содержанием непрекращающейся мировой войны является «борьба за мир». Эту цель следует понимать двояко: «мир» как состояние покоя и «мир» как глобальная империя (pax atlantica). Мондиализм пытается раздавить тех, кто органически не способен смириться ни с этим покоем, ни с охваченным им политическим пространством. Кто же эти носители бунта?

XX век — это битва меньшинств против мирового большинства. Ортодоксия духа опирается на «немногих избранных», противостоящих «речному песку» сынов погибели. Под «немногими избранными» мы имеем в виду не социальные элиты и не секты, бравирующие малочисленностью. Меньшинство в данном случае — понятие интегральное. Оно имеет внутри себя свои социальные низы и верхи. Меньшинство — это цивилизация, остров, окруженный стихией человеческого ничто. Меньшинство не исключает наличия масс: когда большевики поставили во главу угла мессианизм пролетариата, они эксплуатировали как раз энергию идеи меньшинства. 160 млн. мусульман в Индии — это гонимое и преследуемое меньшинство, 2 млн. боснийцев — меньшинство, миллиард мусульман мира — меньшинство... Немцы в Европе — тоже меньшинство.

Мы говорим об ортодоксии духа. Это означает прежде всего вертикально ориентированный импульс, волю к надчеловеческому идеалу. Интуитивная вертикальная ориентация, рождающаяся из провиденциальной предназначенности, важнее в непосредственной исторической гуще событий, чем формальная ортодоксия доктрин. Меньшинства противостоят горизонтально ориентированному конформизму того, что мастера суфийского пути в свое время определили как «пустыню, состоящую из множеств». Эта пустыня — человечество. Эти «множества» — узкие круги элиты и широкие слои буржуазии, преуспевающие рабочие и последователи экстравагантных новоизобретенных культов. Истеблишмент и маргиналы, Бильдербергский клуб и панки, все это — большинство, слившееся в безумном экстатическом хороводе молчания и сна, инерции и гибели. Они думают, что их хоровод — это ликующий праздник жизни, в то время как речь идет всего лишь о торжестве космического льда. Немцы, палестинцы, иранцы, боснийцы — вот великие вехи огненного сопротивления «мировому льду», энтропии, шкурному конформизму плебса, сговору мафий, фарисейству жрецов, высокомерию мирового истеблишмента.

Ларчик пресловутого «масонского заговора» открывается просто: это закон «больших батальонов». Социальная сущность этого закона по сути дела есть модификация закона всемирного тяготения: малая масса стремится к большим, большие стягиваются в суперсистему. Маленький человек хочет быть на стороне «закона и порядка», для него закон и порядок совпадают с ритмом «больших

Мастер ложи «Великий Восток»: один из французских хозяев сегодняшней алжирской военной хунты

Мать провожает добровольно идущего на смерть иранского юношу: «И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел». (Коран, 3:169)

батальонов». Естественное желание слабой жизни, угасающей энергии — войти в выигрывающую команду; они не понимают, что нет победителя, кроме Бога, Единственного, Который не умирает.

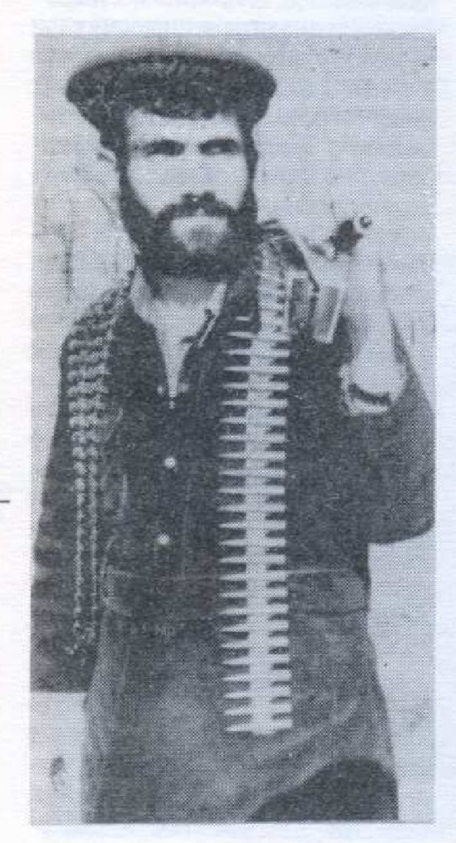
Страх смерти и жажда выиграть с помощью мистического очарования количества — вот и весь секрет консенсуса и разгадка успехов политического масонства, этого всемирного союза клерков.

Итак, с одной стороны, глобальная агрессия планетарного большинства, единого во лжи; с другой стороны, восстание меньшинства, истинной аристократии, для которой «смерть» и «победа» — это синонимы в восходящей динамике жертвенного служения Духу.

«Поистине, те, которые говорят: «Господь наш — Аллах»,— а потом стоят прямо,—нет страха над ними, не будут они опечалены».
(Коран, 46:13)

Явная доктрина

Пока меньшинство не преобразится, пока его восстание будет питаться лишь инстинктивным возмущением, оно обречено оставаться жертвенным, страдающим, гонимым. Меньшинство должно из жертв стать мучениками, свидетелями; из общности гонимых стать цивилизацией героев. Подлинной идеологией такого мирового меньшинства может быть лишь Ислам, чистый Ислам Мухаммада (М), доктрина Пророков, единственных подлинных революционеров. Их революция направлена против «абсолютного рока», который представляет собой высшую реальность для языческого сознания. *Дахр* ., упоминаемый в Коране (Х45, 24), *Зерван* древних иранцев, *Уран* эллинов, *Брахман* индуистов — разные названия одного и того же. Это бесконечная тяжесть всерастворяющего негатива, вечное повторение равного, метафизическая диктатура ничто, спасителем от которой выступает лишь абсолютный Субъект, личный Бог, именно поэтому называемый в Коране «Милостивым, Милосердным». Это Вседержитель, личная верность которому есть священная основа аристократизма, принцип духовной избранности, тайный и последний смысл истинного рыцарства как на Западе, так и на Востоке. Султан Салахеддин и Ричард Львиное Сердце, шах Исмаил Хатаи и Фридрих Барбаросса, все они носители этого благородного и страшного в своем нездешнем сиянии архетипа: вассал Единственного Сюзерена. Совершенное воплощение этот архетип обрел в нашем господине Мухаммаде (М), Посланнике, воине, основоположнике новой мировой политики, названной идеологами Халифата *ас-сийаса аль-илахийа* — божественная политика.

«Выступайте легкими и тяжелыми и боритесь своими имуществами и душами на пути Аллаха!» (Коран, 9:41)

Призвание России

Россия сегодня оказалась перед искушением присоединиться к «большим батальонам»: мировой лед — конформизм, демагогия, апатия — затягивает политическое пространство одной из самых страстных и неукротимых стран в истории человечества.

Альтернативы мондиализму, превратившему Россию в своего пособника или жандарма на Ближнем Востоке, в Средней Азии, а теперь планирующему использовать ее в очередной раз и против Европы, не могут быть взяты из старого набора средств, уже исторически доказавших свою непригодность. Церковь не станет опорой сопротивления «горизонтальному консенсусу» большинства хотя бы уже потому, что она есть организация жрецов, а жрецы всегда были, есть и будут врагами Пророков, упраздняющих их посреднические прерогативы. Посланничество Христа (М) было вопреки жречеству. Православная церковь со времен Петра I демонстрирует сервильный конформизм последовательно с цезаропапистской, коммунистической и посткоммунистической властями России, каковые—все три—в свою очередь служили и служат Даджалу-Антихристу.

Национал-патриотизм выявил свою убогую маргинальную сущность — это разменная монета в противоборстве двух мафий: «левомондиалистской» мафии Горбачева и «правомондиалистской» — Ельцина. Национал-патриотические лидеры — ставленники структур, управляющих общим политическим процессом в стране; они, а за ними и публицисты, вскрываются как агенты-провокаторы, сотрудничающие или готовые сотрудничать с «большими батальонами». Идейный арсенал «русской правой» базируется на ряде тонко проведенных интеллектуальных «подставок», недоразумений или заведомо тупиковых ориентаций, таких, как пресловутый космизм, языческий культ государства-Левиафана или туземные по своей сути этноцентризм и культ предков...

Но есть люди — среди них русские, арабы, германцы, персы, тюрки,славяне, которым действительно нужна «великая Россия», Россия, свободная от политических и исторических иллюзий, Россия, побеждающая огненным дыханием мировой лед. Эта Россия вместе со сражающимся меньшинством планеты может создать новый истинный центр силы — Империю Бога, которая находится ни на Востоке, ни на Западе, ни на Юге, но на высшем полюсе верности и веры.

От редакции

Гейдар Джемаль

ИСЛАМ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Архаичное и «общечеловеческое»

После неудачной попытки «правого путча», окончательно разрушившей союзную структуру, возникла (и продолжается по сей день) интенсивная дискуссия вокруг проблемы, куда пойдут так называемые «исламские республики бывшего Советского Союза».

Несмотря на доминирование во всех этих республиках мафиозных партократических структур, которые имеют не больше отношения к религии и к традиционной цивилизации, чем брежневская социалистическая структура имела к западной христианской цивилизации, в определенный период считалось, что есть «опасность» соскальзывания к исламскому фундаментализму.

Утверждения эти базируются на принципиальном непонимании, что такое Ислам, и какая пропасть отделяет исламскую цивилизацию от автохтонных колониальных структур бывшего Советского Союза. Поэтому возникает насущная необходимость определить, что же представляет собой Ислам как цивилизация изнутри. Тем более, что и в массовом сознании, и у подавляющего большинства интеллигентной публики существует четко зафиксированное предубеждение против Ислама. На чем оно основано?

Прежде всего, Ислам воспринимается как категорическая противоположность инстинктивно определяемой цивилизации. Под цивилизацией рядовой западный человек понимает отсутствие границ, фиксаций, квалификаций, которые делают данное конкретное общество частным случаем. Иными словами, «цивилизация» есть нечто мировое, универсальное, внеэтническое, вненациональное, имеющее значимость для людей всех рас, всех типов сознания — общечеловеческий консенсус на основе «сверхценного» гуманизма. В настоящее время очевидно, что цивилизация определяет себя как западноцентричный универсализм с акцентом на светское общество, в котором реальная метафизическая проблематика заменена консенсусной культурой.

Поистине, те, которые не уверовали, — все равно им, увещевал ты их или не увещевал, — они не веруют.

(Коран, 2:6)

Этот «сверхценный» гуманизм, якобы, безусловно противоположен тому, что инстинктивно определяется западной публикой как туземный архаизм — будь то туземный архаизм брутально-шаманистского типа, или частно-религиозный случай. Предубежденное против Ислама общество воспринимает его не как реальное продолжение великой столбовой традиции сакральной цивилизации, а как конкретный «туземный» случай архаично-религиозного сознания, связанного с конкретным бытом, конкретной ритуалистикой и конкретными этнородовыми структурами. Такой подход в корне не верен прежде всего потому, что эти штампы не имеют к Исламу никакого отношения.

Два типа универсализма

Противопоставлять друг другу туземную архаику и профанический «универсализм» (к чему, отчасти, склонен М. Элиаде) — просто неверно. Универсализм — это методологический подход, содержание которого определяется изначальной фундаментальной духовной склонностью.

Якобинцы поклоняются «богинеРазума» в соборе Нотр-Дам: модернизм возвращается к язычеству

И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю на земле наместника». Они сказали: «Разве ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу тебе и святим тебя? Он сказал: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!»

(Коран, 2:30)

Удерживает людей уверовать, когда пришло к ним водительство, только то, что они говорят: «Неужели же послал Аллах человека посланником?»

(Коран, 17:94)

Рассмотрим два полярно ориентированных типа универсализма — универсализм светско-профанического типа и сакрально-религиозный универсализм. Оба они представляют собой консенсус на основе сверхценности, но их духовная наполненность противоположна.

Что имеется в виду под профаническим универсализмом? Некая внехрамовость, то есть эмансипация человеческого сознания, глубинных мотиваций культуры от внечеловеческой божественной инспирации. Существует четкая установка на то, что содержание культуры есть продукт человеческого саморазвития, итог внутренней диалектики самостановящегося человеческого духа. Консенсусная культура стремится поглотить и присвоить себе внечеловеческие объективные элементы сознания. Например, божественное Откровение в контексте религии воспринимается как слово Бога, данное через посредство Пророка, нечто, приходящее в человеческий опыт извне. Культура же интерпретирует Откровение как явление имманентного духа, которое в момент своего возникновения переживает себя как извне данное, в действительности же возникает из глубин коллективного сознания.

Концепция светского профанического универсализма создана просветителями XVIII века. Им предшествовала работа протестантских реформаторов и гуманистов, которые поставили под сомнение объективность сакрального. Это привело к переоценке сакрального в терминах этики, к переоценке религии из учения об онтологии, о животворящих основах бытия — в кодекс нравственности, этическую систему, учение о «плохом» и «хорошем». Такая переоценка привела, естественно, к вопросу почему «плохое» плохо, а «хорошее» хорошо.

Сакральный универсализм — вещь легко понятная представителям монотеистической традиции, будь они мусульмане, иудеи или христиане. Это идея того, что за всем многообразием человеческих возможностей стоит универсальный архетип человека, который создан Богом и имеет определенную миссию, возложенную на него Творцом, архетип, безмерно превосходящий свои конкретные проявления в историческом времени.

До появления просветителей существовало представление о сакральном универсализме, которое в силу некой интеллектуальной энтропии теряло свою энергетику и становилось неактуальным. Идет диалектический процесс: Существует приливная волна Божественного Откровения в человеческом времени, где верхней пиковой точкой является прорыв Божественного ноуменального в сферу сознания как Откровение Пророку. Среда отвечает на это. Возникает цивилизация, которая понемногу теряет онтологический привкус Откровения, его жестокую, чувственно непосредственную бытийность. Откровение внутри рожденного им же цивилизационного пространства становится все более и более социальным. Неизбежно у «социального», облекающего живую религию, появляется свое отдельное самосознание в лице теологов, искажающих внечеловеческую истину в угоду теократической касте. В конечном счете, фундаментальная связь Откровения с ноуменальным внечеловеческим источником в сознании представителей данной традиции прерывается. Таков путь духовного вырождения.

Откровение, введенное в человеческое пространство, можно сравнить с песчинкой, попавшей в раковину моллюска. Моллюск реагирует на внешний раздражитель так же, как человек реагирует на духовный раздражитель Откровения. Он начинает обволакивать его секрецией, которая превращает песчинку в жемчужину. Жемчужина уже не раздражает ткани моллюска и оказывается прекрасным продуктом культуры, который можно извлечь и поместить в музей. Но человечество, независимо от своих желаний и иллюзий, реально связано с онтологией, с сакральными вопросами «жизнь — смерть», «да — нет», «быть или не быть». Поэтому когда оно скатывается к предельному солипсизму и начинает смешивать бытие и собственное представление о бытии, последнее отвечает жестоким контрударом. Онтология входит внутрь этой солипсической барокамеры общечеловеческой культуры, вводит туда очередную «песчинку»-импульс, вновь рождая некий духовный всплеск и реорганизацию пространства. И опять в вершинных слоях человечества возникает ощущение живого непосредственного бытия.

Однако буква сакрального универсализма, несмотря на растущее количество культурологических интерпретаций сохраняется. Если мы

обратимся к сакральным текстам предшествующих традиций, то обнаружим ноуменальную подоплеку Откровения, которое всегда утверждает свою внечеловеческую природу.

Язычество старое и новое

Постулировав, что существует два типа универсализма, профанический и сакральный, подчеркнем, что язычество тоже имело два полюса. Один полюс — родоплеменной. Космизм, неотъемлемый от поклонения предкам. Это язычество характеризовало арабов доисламского периода.

Но у язычества есть другой полюс — это Левиафан. Это великое государственное образование как вещь в себе, самоценность гигантской пирамиды государственной власти. В эпоху Пророка Мухаммада (М) были две таких «пирамиды»: номинально христианская Восточно-Римская империя (Византия) и зороастрийский Иран, находящийся в упадке, но тем более обожествляющий свою государственность. Это другой полюс язычества, полюс государственного самоустроения, который выдает себя за последнее слово организованного бытия.

И когда скажут им: «Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!» — они говорят: «Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов». А если бы их отцы ничего не понимали и не шли бы прямым путем?

(Коран, 2:170)

Если мы обратимся к таким недавним примерам, как гегелевская философия, то увидим, что искушение Левиафана действует даже на уровне современного изощренного сознания, казалось бы, испытанного и христианством, и платоновско-аристотелевской философией, и знакомого с английскими теоретиками феномена государства (Гоббсон). Тем не менее гегелевская философия не смогла устоять против искушения выдать конкретное государство в лице тогдашней Пруссии за последнюю инстанцию абсолютной идеи. Абсолютная идея есть нечто, во-первых, объективное, во-вторых, независимое, в-третьих, никаких альтернатив не признающее и не имеющее. Мы с некоторым недоумением обнаруживаем, что эта последняя безальтернативная реальность оказывается прусской монархией. Но если Гегель не избежал искушения Левиафана, то что говорить о римских философах права, — понятно, что для них человекобожие было в порядке вещей. В самом государственническом идолопоклонстве опять-таки есть два лика. Один — авторитарный, то-есть цезарепоклонство, с тем особым человекобожеским подтекстом, в результате которого возник цезаропапизм. Другой лик в «религии» Левиафана — это культ права, который делает акцент на объективной самодостаточности, якобы лежащей в основе государственного строительства, то есть интерпретирует государство, как внеперсонального, анонимного бога. За всем этим стоит страх человека перед энтропией, природа человеческого сознания, ненавидящего ничто, диссолюцию, смерть и стремящегося заручится связью с жизнеспасающим принципом.

Синдром «чечевичной похлебки»

Этнографы давно и глубоко исследовали феномен «деметафизации» религиозного сознания на примере архаического социума. В общих чертах он сводится к «вынесению за скобки» верховного принципа, единого сверхкосмического Творца и актуализации малых, «относительных», космических божеств, стоящих как бы ближе к человеку в его повседневных заботах. Такое вынесение за скобки нередко идет вплоть до совершенного забвения Верховного Бога, который исчезает из данной традиции, оставляя в лучшем случае некий след в пластах коллективного бессознательного. О подобных процессах внутри самой Авраамической традиции свидетельствует Ветхий Завет: это отход иудеев от монотеизма в поклонение Ваалам и Астартам, кончавшийся очередным катаклизмом, возвращавшим народ к завету.

А среди людей есть такие, которые берут, помимо Аллаха, равных; они любят их, как любят Аллаха. А те, которые уверовали, сильнее любят Аллаха. И если бы увидели те, которые нечестивцы, когда они увидят наказание, что сила принадлежит целиком Аллаху и что Аллах силен в наказании!...

(Коран, 2:165)

Итальянские этнографы, изучавшие с середины прошлого века народное религиозное сознание на сицилийском материале, обнаружили, что иерархия значимости в повседневной религии зеркально обратна метафизической: Христос важнее Бога — Отца, мать Христа важнее их обоих, святой Иосиф важнее Бога, Христа и девы Марии, местный святой — покровитель данной деревни —важнее святого Иосифа; он является главной фигурой в религиозной практике сицилийцев, но это отнюдь не означает, что он окружен пиететом. Не редко этого святого ругают, «наказывают», если он не выполняет своих сакральных функций.

В этой перевернутой шкале приоритетов отражается жажда человека контролировать «духовный» или точнее «тонкий» мир, магический

Сколько ангелов в небесах, заступничество которых ни от чего не избавит.

(Коран, 53:26)

мир причин. Здесь бесспорно идет речь о реализации инстинкта свободы, но такой, где происходит, как всегда при впадении в язычество, фундаментальная подмена сущностей: воля к свободе отождествляется с волей к контролю. По сути, в этом отождествлении заключен весь механизм перманентного воспроизведения языческой модели сознания, которая синонимична «архаике»: «ближнее» получает безусловный (религиозный, культурный, гносеологический) приоритет перед «дальним», становится центральным, осевым мотивом коллективной жизни. Очевидно, что процесс «архаизации», «объязычивания» идет и сейчас, причем с началом XX века он становится практически столбовой дорогой западной цивилизации. Парадоксально, но именно воспроизведением наиболее архаических форм сознания оказывается в итоге то, что называют «модернизацией».

Свобода как фундаментальная ориентация духа

Сегодня, как и 1000 лет назад (как, впрочем, и 2000 — во времена Христа!), свобода остается той величайшей ставкой, вокруг которой разыгрывается титаническое противоборство основных сил истории. Мы намеренно употребили слово «свобода» без каких-либо конкретизирующих предикатов: политическая, экономическая, этническая, религиозная, наконец, просто «человеческая». Даже в последнем случае то особое измерение трагической мистерии, которое подразумевается под словом «свобода», остается непокрытым. В самом деле, «свобода» есть нечто глубоко интимное, переживаемое инстинктом, открытое сердцу каждого, но вместе с тем неуловимое, ускользающее от определений, нечто, о чем почти невозможно говорить академически. «Свобода» сокровенно присутствует в мифотворческом импульсе, в потребности философствовать, в шаманской воле к экстазу, в жажде художественного самовыражения. Вместе с тем, ее же парадоксальная энергия обслуживает политику, поднимает огромные массы людей. «Свобода» понимается как «право», но иной раз, и как триумф над «правом»... Известно даже определение свободы как познанной необходимости!

Во всех этих противоречивых аспектах остается неизменным нечто фундаментальное, затрагивающее все слои как единичного существа, так и социального существования. Человек стоит перед лицом смерти, он связан родовыми, психическими и материальными узами с себе подобными, наконец, он погружен в пространственно-временной континуум, определяющий его телесное бытие физическими законами. Все эти планы связаны воедино, интегрированы для него через очевидную истину предела. Предел, граница, исчерпание, эта тема присутствует во всем, подводит итог всему. Обнаружение предела и есть суть той травмы, которая выводит человека из «райского безвременья» и открывает его истории и судьбе.

В основе всех традиций, инспирированных из объективного духовного источника, стоит принципиальное противостояние человека энтропии, стихии убывания, свирепствующей вокруг пока еще живого, но обреченного на смерть **свидетеля**. Биологическая старость, порча природы, иссякание родовых сил, развеивание плодов труда, преходимость всех и всяческих учреждений, даже таких, как великие мировые империи, — все это всегда являлось естественным фоном для обращенности человека к священному, тому, что альтернативно энтропии, неуязвимо для стихии убывания. В основе священного лежит откровение о преодолимости предела, о том, что внутри негатива, разрушения, зла скрыто содержится некий принцип компенсации, приобщение к которому упраздняет гибель. Собственно, здесь и заключена тайна этой невыразимой свободы. Бремя дольней жизни, ее рабская цикличность, то, что в исламской традиции называется *ад-дуниййа аль-фена* («мир уничтожения», приблизительно соответствующий библейскому «юдоль человеческая»), это на самом деле пестрая изнанка ничто. Мир катится к пределу; предел — это та цепь, та темница, к которой приговорено все сотворенное. Свобода, в истинно человеческом смысле, внятном во все времена для всех культур, есть ничто иное, как именно свобода от этого предела и ничто иное.

Цивилизационная, историческая проблема в том, что человек, погруженный в стихию времени, в социальное, политическое, материальное

То, что у вас, иссякает, а то, что у Аллаха, остается. И воздадим Мы тем, которые терпели, награду их еще лучшим, чем то, что они делали.

(Коран, 16:96)

Во имя Аллаха милостливого, милосердного! Клянусь предвечерним временем, поистине, человек ведь в убытке, кроме тех, которые уверовали, и творили добрые дела, и заповедовали между собой истину, и заповедовали между собой терпение!

(Коран, 103)

делание, лишь в малой степени способен удерживать в поле своего духовного зрения сугубо метафизическую перспективу. Эта проблема глобальна потому, что как только человек перестает быть метафизиком и становится реалистом, прагматиком и т.п., он тут же превращается в заложника энтропии, становится игрушкой социальных и космических стихий, вступает в эпоху кризиса, который разрешается обычно новым пробуждением интеллектуальной интуиции, возвращением метафизики. Только в эти моменты его жизнь обретает вертикальное, метаисторическое измерение, становится не условно, а подлинно духовной.

Вековая «блокированность» диалога между Северной Атлантикой и Передней Азией основана на фундаментальном различии в проявлениях инстинкта свободы. Запад — за исключением, может быть, лишь своей интеллектуальной элиты — сконцентрирован на контроле над тем, что непосредственно открыто, прямо сопряжено с «биосферой». Поэтому в центре проблемы свободы для западной цивилизации стоит судьба производительного труда и его результатов. Это означает, что политическая раскрепощенность или же порабощенность производителей разного уровня, статус инициативы, соотношение труда и власти, философия налогообложения и — самое главное в последние века — кредит на производство и проценты, выплачиваемые ростовщику, это и есть для западного человека та область, где определяется быть или не быть свободе. Такой подход есть не что иное, как ближний, рукопашный бой с энтропией, затяжная непосредственная конфронтация с косной стихией, в которой поколения за поколениями берутся на измор.

Разве не навело их на прямой путь то, сколько Мы погубили до них поколений, по жилищам которых они ходят: ведь в этом — знамения для обладателей рассудка!

(Коран, 20:128)

Когда, наконец, принесением в жертву всех духовных ориентиров решается вопрос социальной и трудовой организации, оказывается, что высшее право и высший авторитет в таком обществе принадлежит институтам кредита. Никто, кроме абсолютных конформистов, раз и навсегда отрекшихся от Духа, не думает, что это и есть триумф человека над историей. Наоборот, все инстинкты не одних только интеллектуалов, но просто живых людей подсказывают: на Западе совершилась грандиозная победа истории над человеком. Существуют могучие силы униформизма, силы, мыслящие и действующие глобально, которые решили любой ценой распространить эту победу на весь мир.

Исламская альтернатива

Ислам — это в наиболее общей форме заявка на примат сакрального универсализма. Он интерпретирует себя не как отдельная религия, не как нечто добавленное или возобновленное, но просто как Религию с большой буквы. Это не претензия на узурпацию общего внутрь частного, в Исламе совершенно четко говорится, что его пророками являются все пророки от Адама до Мухаммада (мир им).

Ислам — это окончательное, решающее возобновление связи между универсальным в человеке и онтологическим вне человека в наиболее рационализированную и профаническую эпоху.

Трудно писать об исламской альтернативе сегодня, когда громадные материальные и моральные силы так называемого «мирового сообщества» брошены на шельмование и подавление всего, что связано с Исламом, на дискредитацию Ислама в общественном мнении и нанесении ему физического ущерба вооруженным путем...

Обращаться с исламским призывом к западному сознанию, задействуя западные же интеллектуальные ориентиры и ценности, — означает бросать вызов не только бесчисленным антиисламским теоретикам, не только вездесущим расхожим шаблонам, препятствующим адекватному пониманию вопроса; такое обращение сталкивается с колоссальной безликой силой инерции, составляющей суть профанического коллективного сознания, с тяготением профанов к консенсусу, гарантированному от любого оспаривания, от возможного идейного кризиса. Именно эта инерция в форме консенсуса оказывается при ближайшем рассмотрении базой того, что принято называть «общечеловеческим»; она есть та питательная среда, в которой масс медиа вкупе с академическими культуртрегерами выращивают «флору» банальности, тавтологии и прописных истин.

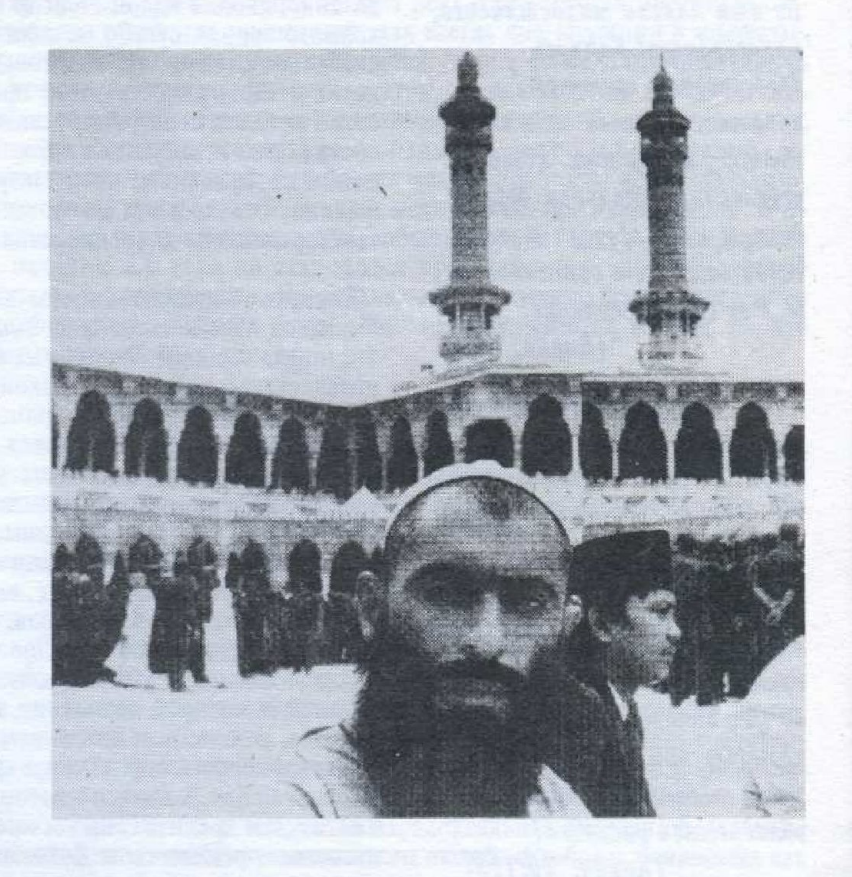
Скажи: «О обладатели писания! Неужели вы мстите нам только за то, что мы уверовали в Аллаха и в то, что было низведено нам, и что было низведено раньше, и за то, что большая часть вас — распутники?»

(Коран, 5:59)

В этой ситуации выступление с исламским призывом, оспаривающим,

Сказали те, которые превозносились: «Поистине, мы не веруем в то, во что вы уверовали!»

(Коран, 7:76)

«Для всякого народа Мы устроили обряд поклонения, которым они поклоняются». (Коран 22:67)

И когда говорят им: «Что же ниспослал ваш Господь?» —они отвечают: «Сказки древних».

(Коран, 16:24)

как раз, вышеупомянутый консенсус, становится сугубо нонконформистской акцией.

Проблема, отчасти, в том, что Ислам как религиозная традиция метафизическая доктрина и — в самое последнее время — подспудно накапливающаяся геополитическая ориентация представляет собой чистейший, внутри себя абсолютно обоснованный нонконформизм, но это неочевидно тем, кто находится вне исламской традиции, кто привык или кому удобно рассматривать Ислам как феномен темной и косной архаики, антиперсонализма, своего рода «религиозной казармы». И даже преодолев это предубеждение, продемонстрировав обратное, рискуешь обнаружить, что сам нонконформизм-то и нежелателен, более того, что оппозиция к Исламу есть бессознательная неприязнь не к его искаженному «имиджу», а как раз к тому, что он подлинно собой представляет

В самом деле, новейшая история знает немало косности, обскурантизма, духовного и этического «оказармливания» жизни, но не один из этих прискорбных феноменов не возбуждал против себя и сотой доли подобного негатива. Более того, именно последнее столетие характеризуется поворотом к архаике, новым благожелательным вниманием к так называемому «первобытному» сознанию, вообще к сфере темного, нижнего, стихийного, в котором современное культурное внимание усматривает первичный источник «человеческого фактора». Это засвидетельствовано в широчайшем спектре научных инициатив — от психанализа до исследований фольклора и этнографов новой школы. Постмодернистское сознание, бесспорно, чувствует свое родство с архаикой, ищет аналогий, стремится к восстановлению «первичного» внутри своей собственной основы.

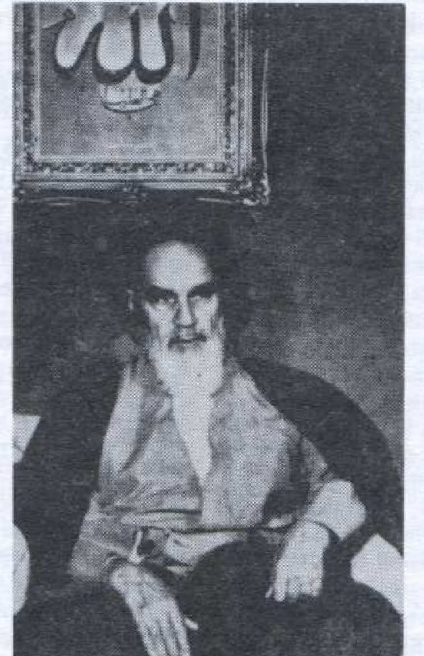
Но именно это сознание испытывает глубокое недоверие к Исламу, доходящее до полного неприятия. Не напрашивается ли мысль, что неоархаизм современности таким образом реагирует на антиархаизм монотеистической традиции?

ВЫСТУПЛЕНИЕ СЕЙИДА АХМЕДА ХОМЕЙНИ

ПО СЛУЧАЮ 14-ЛЕТИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ

...Посмотрим, чего же смогла достичь революция за 14 лет с момента ее свершения. Ее первоначальный курс, намеченный Имамом, сохраняется неизменно. Соратники Имама неуклонно следуют его пути, и никакой нажим в политической, экономической и военной областях не может вынудить нас отклониться от цели исламской революции. Исламская система в Иране — знамя и символ для всех тех мусульман мира, которые стоят на революционных позициях. Всюду, где идет борьба под исламскими лозунгами, наш опыт служит примером и идеи Имама являются ориентиром и методологией всех революционных сил. Чтобы уточнить этот вопрос, процитирую самого Имама: «Чтобы добиться поставленных революцией задач, люди должны преобразиться, вернуться к своей изначальной сути. только после этого можно говорить об установлении в исламских государствах и во всем мире законов Бога». Главное, что требовал Имам, это познание мусульманами своей подлинной сущности... Его мучило сознание того, что все наши беды исходят от нас самих, от нашего комплекса неполноценности перед лицом сытого и торжествующего Запада. В этой связи Имам говорил: «Мы не пойдем на соглашения со сверхдержавами, мы предпочитаем независимость достатку. Нам не нужна такая цивилизация и такой прогресс, которые были бы обносками с чужого плеча. Сверхдержавы хотят определять, какими надлежит быть людям; мы же, мусульмане, должны противостоять им. Наша бескомпромиссность — это огромный труд и подвиг, ибо великие державы располагают крайне разнообразным арсеналом средств, масс медиа,они и вкладывают колоссальные средства, чтобы деисламизировать мусульманские народы. Самая тяжелая потеря, которую мы понесли в столкновении со сверхдержавами — это унижение нашего достоинства. Они стремились изменить нашу природу на прозападный или прокоммунистический лад, в то время, как она является иранской и исламской». Имам считал главной опасностью зловещий заговор сверхдержав против духовной сути мусульман, против их человеческого достоинства. Так что первоочередной задачей революционных народов должна быть оппозиция в сфере столкновения идеологий и культур. В одном из выступлений Имам заявил: «Я вновь настаиваю на том, что все руководители нашего режима и иранский народ должны понять: Запад и Восток не успокоятся до тех пор, пока вы не откажетесь от своей исламской сущности. Не радуйтесь установлению отношений с ними, не сожалейте и о разрыве этих отношений. Внимательно следите эа врагами и не давайте им передышки ибо если они завладеют инициативой, то уже от вас не отвяжутся... Если угнетенные поймут корни собственной природы и, не вдаваясь в отчаяние и пессимизм, не будут уповать на чужеземцев, то в дальней перспективе они добьются всего, чего хотят»...

Вождь исламской революции: «Ислам пришел для того чтобы объединить все народы мира»

Во всем, что мы говорили и говорим нет ни малейшей риторики, ни малейшей неискренности. Да, мы 8 лет вели джихад, священную войну против великих держав, стоявших за спиной иракского режима. Все это делалось исключительно нашими собственными усилиями в условиях политической и военной изоляции. Сегодня наши предприятия управляются исключительно иранскими специалистами. Иран, его народ, дела Исламской революции целиком контролируются изнутри без малейшей зависимости от внешних сил. Это и есть реальное доказательство того,что мы идем путем Имама.

В своем послании, обращенном к иранским паломникам перед началом хаджа, Имам говорил о целях сверхдержав: «Иранский народ хранит драгоценное наследие великого Пророка (мир ему и его роду) и непорочных Имамов (мир им), если он отступится от этого наследия, то, возможно, ему и позволят существовать в качестве второсортного бессильного народа прислужников. Но в таком случае мы уже будем не иранцы и не мусульмане. Это будет Иран с удостоверением личности, полученным от великих держав. Разве исламские государства, водящие дружбу с Америкой, обладают хоть крупицей независимости ?. Большинство правителей исламских государств выказали себя марионетками и лакеями США. Когда сегодня Америка приказывает арабам сесть за один стол с Израилем и пойти на соглашение с ним, они все как один отрекаются от своей прежней риторики и смиренно идут на компромисс. Все правительства, говорящие, что они, дескать, защищают права палестинцев, на самом деле поддерживают отношения с сионистским режимом на высшем уровне и эти встречи и соглашения вызывают у исламских революционеров такое чувство, что их подло предали. Иран с первых дней революции обратился ко всем исламским государствам и ряду организаций с призывом занять действительно жесткую позицию. Увы, события пошли по другому пути. Ни одно из арабских государств не смеет ослушаться Америки и уклониться от контактов с Израилем».

Что касается нас, то мы никогда не пойдем на измену нашим высшим задачам. Сегодня мы доводим до сведения всего мира послание Имама: «Мы всегда будем заклятыми врагами для тех, кто враждебен Исламу».

Когда между интересами народа и интересам Ислама возникает противоречие, люди склонны блюсти человеческий интерес, вставать на сторону прагматических потребностей страны, закрывая глаза на религиозные соображения. Однако Имам говорил: «Если

мы столкнемся с противоречиями страны и требованиями нашей идеологии, мы не отступимся от идеологии... До тех пор, пока жива ересь, живо идолопоклонство, будет вестись борьба, а пока идет борьба, существуем и мы. Нам не нужна чужая земля, мы стремимся вознести знамя с лозунгом : «Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммад посланник Аллаха» на высочайшие вершины благородства и великодушия».

Мир жаждет подлинного Ислама Мухаммада. Об этом свидетельствуют жертвы революционного народа Египта, борящегося против своей домашней тирании. Об этом свидетельствует то, как марроканцы противостоят своему королю, этому подлому лакею Запада. Разве алжирские мусульмане или суданцы хотят чего-то кроме подлинного Ислама? Есть Ислам, подлинный, чистый, непримиримый, и есть соглашательский продажный «ислам»... Если мы позволим себе хоть краешком рта улыбнуться Америке, это будет политический провал. Как осмелимся мы пойти на сделку со своей совестью, как отступимся от революционных идеалов, во имя которых сотни тысяч молодых полных надежд людей пошли на смерть? Как можем мы отказаться от первоначальных целей под предлогом практической выгоды типа получения передовых технологий? Начать с того, что никто и никогда нам эту технологию не даст. И на такую низость мы не пойдем ни при каких обстоятельствах.

...Каковы политические методы Имама? Прежде всего, он призывает нас вернуть свою утраченную сущность, затем указывает, что мир жаждет подлинного Ислама, и в-третьих, ставит вопрос, как довести до этих людей, которые не были под нашим влиянием, новые для них идеи. Имам отвечает: «Надо срывать замыслы правящей миром дипломатии. Нельзя позволить, чтобы она определяла курс, по которому бы мы двигались. Мы с самого начала заявили, что будем действовать только так, как того требуют интересы Ислама, страны и народа, даже если нас осудят все международные организации!»... Мы намерены внедрять практические законы Ислама, невзирая на мнения лицемерного Запада и агрессивного Востока. Тут не может быть ссылок на дипломатические соображения. Должны быть установлены законы Бога, осуществление которых даст понять всему миру, что всякие уступки исключены. Некоторые говорят, что теперь, после войны, настало время сообразовываться с нормами мировой дипломатии. Дескать, все мы теперь живем в единой общечеловеческой семье, и как член этой семьи, не должны расстраивать царящую в ней атмосферу дружбы. Есть люди, которые верят во все это и считают, что мы должны пересмотреть свои политические принципы, что наши резкие и недвусмысленные лозунги вызывают отчуждение великих держав от нас и проводят к изоляции страны. Мол, действуй мы реалистичнее, и к нам бы относились гуманнее, с должным уважением. Увы, эти люди глубоко заблуждаются! Возьмем, как пример, дело Салмана Ружди. Оно показывает, как организуется провокация против Пророка Ислама, и весь мир становится на сторону оскорбителя. Что же нам остается делать, если мы не желаем следовать правилам игры, установленным господствующей дипломатией? Духовенство, народ и, в особенности, семьи мучеников не должны позволить, чтобы эта либерально-гуманистическая демагогия оскорбляла пролитую нами кровь. Ведь те, кто болтает об «общечеловеческом» сегодня, могут лет через 10 заявить, что фетва о казни Салмана Ружди не соответствует принципам международного права, и, чтобы не оскорблять Общий рынок, лучше уж простить оскорбителей имени священного имени Пророка (благословление Аллаха ему и его роду).

Я хочу процитировать мнение Имама о том, что такое исламская наступательная политика: «Великие державы возмущенно упрекают нас в том, что мы стремимся расширить влияние Ислама в мире и подорвать позиции гегемонистов. Так мы этого и не скрываем! Если же приспешники Америки называют нашу политику экспансионизмом, направленным на создание великой исламской империи, то мы этих обвинений не страшимся и даже приветствуем. Мы намерены подрубить корни прогнившего сионизма, капитализма и коммунизма. Мы приняли решение с божьей милостью уничтожить режимы, основанные на этих трех началах, и распространить в империалистическом мире власть подлинного Ислама Мухаммада... Мы не допустим соглашательства с Америкой, Советским Союзом[1] и мировой ересью [2], которая избрала своей трибуной Ка'абу, эту высочайшую святыню, откуда должен исходить призыв к единобожию. Я молю Аллаха наделить нас такой силой, чтобы не только с высоты минаретов, но и в церквях зазвенели колокола, возвещая о смерти Америки и Советского Союза. К другим государствам у нас нет претензий, кроме того, мы не подразумеваем совершения военных походов и осуществления этого плана при помощи танков и пушек. Мы не делали этого раньше и не будем поступать так и впредь. Мы не заримся ни на одну пядь исламской или неисламской территории. Наше сердце чисто, наши помыслы чисты».

Наш мужественный народ с первых же дней своей борьбы знал, что ему придется противоборствовать всем мировым силам и сверхдержавам, и что все внутренние и зарубежные приспешники сверхдержав (в особенности, преступной Америки) употребят все свои возможности на подавление нашей воли. Что же нам оставалось делать? Вся эта гора тягот и невзгод — ничто перед нашим исламским достоинством, нашей иранской честью, и нашему народу следует подготовиться к беззаветной борьбе, подобно борьбе Имама Хусейна, до окончательной победы. Ибо лучше один час прожить свободными, чем сто лет жить в рабстве. Мы жаждем мученической гибели за веру, чтобы наши сыновья и потомки могли высоко держать голову перед лицом мировой ереси и стойко выносить на своих плечах бремя подлинной независимости во всех ее проявлениях, чтобы мы могли гордо провозглашать в этом мире призыв к освобождению обездоленных народов.

Что же это? Неужели наши невзгоды и наши беды тяжелее невзгод и бедствий Пророка и его соратников? Разве сподвижники Пророка оставили его в одиночестве в тяжкую минуту? Разве они не вытерпели все тяготы, разве они не сжигали в доме Абу-Талиба верблюжью шкуру, не ели золу, разве они согласились отречься от всего того, что им преподнес Пророк в виде исламского учения? Разве невзгоды нашего народа были тяжелей невзгод соратников Имама Хусейна (да будет мир с ним), которые все как один принесли свою жизнь в жертву во имя Ислама?...

(печатается с сокращениями)

Ахмадкади Ахтаев

СУФИЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОЛИТИКОМ!

Ахмадкади Ахтаев (1942), уроженец Гуниба, происходит из семьи потомственных религиозных ученых. По образованию — врач, до 1990 года заведовал больницей. В настоящее время возглавляет Исламскую партию Возрождения. Имя А. Ахтаева широко известно в мусульманской научной среде, он — активный участник международных семинаров и конференций.

Редакция «Тавхида» обратилась к г-ну Ахтаеву с рядом вопросов на наиболее общие и вместе с тем существенные темы.

Бисмилляхир-рахманир-рахим.

Граница между верующими, находящимися «внутри традиции», и *профанами* [1], даже если последние считают себя религиозными, проходит через литургическую практику *ибадат*... Литургия включает человека в надчеловеческое измерение, реализует связь между человеком и Аллахом. *Ибадат*-это преданность и поклонение Творцу. Такое поклонение не может руководствоваться человеческой фантазией. Аллах сам определяет в Откровении канонические формы служения Себе. В Коране есть аят, в котором Аллах обращается к людям еще до сотворения мира: «Не Я ли ваш Господь?» Они отвечают: «Да!» Это означает, что еще до своего появления на свет люди заключают завет с Творцом, о том, что они поклоняются только Ему. Подчинение Творцу предполагает, что от Него исходят повеления и запреты. Следование им и образует тот самый «прямой путь», на который наставлены Творцом его посланники. Как сказано в Коране: «Я лишь следую за тем, что мне внушено». *Ибадат* означает запрет на«сотворение себе кумиров». В Коране сказано на этот счет: «А если бы они придали Ему сотоварищей, то тщетным бы для них оказалось то, что они делают». В целом, *ибадат* - метафизическое понятие. Аллах утверждает его, как «мотив» творения: «Я не создал людей и джинов, кроме как чтобы они поклонялись Мне».

Ислам утверждает о себе, что он — религия всех Пророков, начиная с Ноя (Мир ему). Но это не значит, что каноны поклонения, данные предыдущим Пророкам, такие же, как в Исламе Мухаммада (М). Литургические формы могли меняться, но предметом поклонения был только Аллах и никто кроме Него.

Коран — основа для возврата к первоисточнику

Ислам признает боговдохновенность Торы и Евангелия. Однако, боговдохновенность не тождественна Слову Самого Аллаха в Его, так сказать, первозданном оригинале. Ныне известные Тора и Евангелие — это позднейшие версии, подвергшиеся человеческому воздействию. В то же время, Господь говорит в Коране: «Мы ниспослали этот Коран, и Мы его сохраним». Пророк указывал, что в традиции неизбежно накопление искажений. Это ничто иное, как воздействие человеческого фактора. Но в Исламе есть основа для возврата — неизменный Коран. А в других авраамических традициях не существует оригиналов Писания, к которым можно было бы вернуться. Например, по отношению к хадисам существует хорошо известная цепь передатчиков. Изучены их биографии, возможности того, что они слышали именно этот хадис именно от такого-то человека. В то же время Ветхий Завет был восстановлен после Вавилонского плена по памяти Ездрой, а после второго разрушения Храма заново восстановлен по греческим переводам. Говорить об этом писании, что оно идентично оригиналу, существовавшему до Навуходоносора, не приходится. Да раввинские учителя и не утверждают этого. Что касается Евангелий, то они были записаны не во времена Апостолов, имена которых они носят, а несколькими поколениями позже, и цепь передатчиков — анонимна. Известно лишь, что канонические Евангелия составлялись в условиях победы линии Апостола Павла, в то время, как между ним и учениками, лично знавшими Иисуса (М), существовали большие разногласия. Стало быть, методология определения достоверности предания, применяемая в Исламе, отсутствует и в христианстве, и в иудаизме.

Что для мусульман «Бог»?

Когда мусульманин произносит формулу веры «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха», он говорит о совершенно конкретном определенном Боге — Аллахе, на что указывает определенный артикль «ал..».. Он поклоняется Аллаху, которого он знает через посланничество Пророка (М). Для мусульманина существует два полюса: его собственное личное бытие, созданное Аллахом, и то, как Аллах дает о себе знать в Откровении. Аллах — это личный , конкретный и единственныйБог, который однако же ни в чем не подобен творению и является безусловно трансцендентным. Познание Аллаха возможно только апофатическим путем: через отрицание всякого подобия чему бы то ни было. Вместе с тем, Аллах есть конкретная личность. Именно как Личность Аллах открывает себя в Откровении через Своих Пророков. В Коране есть аят: «Мы ближе человеку, чем его яремная вена». Действительно, Творец знает о человеке все и является самим принципом его

внутренней и внешней жизни. Поэтому, человек не может «дистанцироваться» от Аллаха. В Коране есть аят, где Аллах назван «Светом небес и земли». Существует много уровней понимания этого аята —от классической теологии до эзотерических толкований... *Нур* — незримый свет — пронизывает все бытие. Это — проявление вездесущности Аллаха. Модус присутствия Аллаха во всем есть пронизанность бытия незримым светом, единым вверху и внизу. Последователи суфийской школы «Ишрак» понимают под «светом» в данном случае свет чистого знания, гнозиса.

Суфий должен быть политиком!

В теологических вопросах суфии позволяли себе больше свободы и из-за этого между ними и мазхабистскими теологами, в особенности ханбалитами, бывали серьезные конфликты. Впрочем, основоположники мазхабов в своих воззрениях были гораздо шире, чем позднейшие улемы — их последователи. Надо заметить, что первые два века Ислама вообще не было организованного суфизма, орденов. Были *зухада*, люди, отвернувшиеся от мира для служения Богу. Среди них были и активные политические нонконформисты. Например, Абу Зарр Гифари, критиковавший Османа, Муавию... Большинство суфийских орденов возводит свою *сильсиля* (преемственность) к *Джа'фар ас-Садыку*[2]. Для суфизма Коран дает основания в следующем аяте: «Упоминай имя Твоего Господа, отключайся от всего остального и повернись к Аллаху».

Сейчас мы не видим в исламском мире выдающихся в интеллектуальном плане фигур суфизма. Кроме того, история свидетельствует, что суфийские тарикаты в XIX-XX вв. пошли на сотрудничество с антиисламскими силами — колонизаторами, западными спецслужбами или, ближе к нам, Комитетом. Возьмем историю Дагестана. Имам Шамиль, Казы-Мухаммад и ряд их сторонников были суфийскими шейхами. Они боролись против петербургского колониализма. Но позднее царскому правительству удалось повлиять на часть шейхов, которые пошли на соглашения из соображений личной власти, престижа и материальной выгоды. В дальнейшем дагестанский суфизм переродился и стал оплотом соглашательства и конформизма в исламской среде. Видимо, в этом есть некая глубокая закономерность. Согласно одному хадису, Пророк (М) сказал: «Лучшее поколение — это мое, потом следующее и то, которое будет после него. А потом будет появляться ложь». Есть у Пророка (М) еще один хадис: «В каждом столетии появится свой обновитель». А что такое столетие? Четыре поколения. Стало быть, три поколения способны сохранить без искажений духовный импульс, а на четвертом уже нужна поддержка. Надо оговориться, что обновитель здесь это тот, который очищает от человеческих нововведений реальную традицию, т.е. иными словами, восстановитель, возвращающий традицию к первоистоку. Таким образом, архетипическим исламским фундаменталистом и образцом для всех обновителей является сам Пророк (М). И вот возвращаясь к суфизму, видим, что основоположники тарикатов опираются на Коран, разрабатывают метафизику единобожия, а через несколько поколений становятся объектом поклонения позднейших последователей. Перерождаются сами школы! Видимо этот универсальный закон приложим и к профаническим идеологиям. Взять хотя бы коммунизм: от Ленина до Горбачева. А кончается-то и вообще Ельциным — антикоммунистом из коммунистической среды.

А что значит обновление в наше время? Во времена Пророка (М) власть, знания и культовое служение были тремя функциями, соединенными вместе в одном лице. Однако, после того, как власть перешла к Омейядам, возник разрыв между этими функциями. Власть стала принадлежать тем, кто *не знает*. В результате и культовое служение отпало как от власти, так и от знания: *зухада* отворачиваются от мира, становятся отшельниками. А улемы, носители знания, оказываются между молотом и наковальней: с одной стороны шантаж неправедной власти, с другой — моральное давление суфиев. В результате это приводит к интеллектуальной коррупции — религиозные ученые вырождаются в соглашателей и в традиционалистской мысли наступает застой и отход от первоисточников. Но Ислам означает единство власти, знания и культа. В противном случае мы имеем гнет, невежество и суеверие. Таким образом, чтобы суфийский шейх мог вернуться на истинный путь, он должен быть, во-первых, исламским ученым и, во-вторых обладать исламской политической волей.

А шииты не отказывались от власти. Они верны скрытому Имаму (М), это и облегчило их путь к осуществлению Исламской Революции. Шиитское духовенство не вступало в контакты со светской властью в прошлом. Авторитет же многих суннитских факихов был потерян из-за их соглашательства и конформизма перед лицом тирании. Суннитские улемы отказались от *иджтихада*[3], а шиитский *муджтахид*[4].оставался верховным правителем в принципе, невзирая ни на каких шахов.

Ибн эль-Араби — предшественник современного традиционализма

Многие европейские интеллектуалы, принимающие Ислам, делают это по суфийским каналам и в основном под влиянием доктрины ибн эль-Араби, который считается великим Учителем.

Вокруг этого имени много споров. Разумеется, в личном плане ибн эль-Араби был безупречен, пользовался огромным авторитетом и влиянием, в том числе и у так называемых «сильных мира сего». Его труды отличаются необычайным богатством, оригинальностью мысли и огромной фактической эрудицией. Не подлежит сомнению, что это — *ариф*, «гностик». У него есть такое выражение: «Народы имеют свои представления о Боге, и я согласен со всеми ними». Вероятно, поэтому Мохиэтдин ибн эль-Араби стал таким большим мэтром для европейского масонства, стремящегося сблизиться с Исламом, и заслужил столько исследований о себе со стороны западных востоковедов. Однако, не все суфии разделяют доктрину «Великого шейха» о *вахдат уль-вуджут* — единстве бытия. Существует другая суфийская доктрина *вахдат уш-шухуд* — единство свидетельствования, связанная с именем Ахмада Фаруки Сирхинди, прозванного «обновителем второго тысячелетия». Этот шейх считает, что дисциплина закона должна ограничивать «творческое воображение»

суфийских мастеров. В своем двухтомнике *«Аль-мактубат»* он замечает, что если по определенному вопросу факихи расходятся с суфийскими шейхами, то надо следовать факихам. Нельзя также согласиться с некоторыми интерпретациями Корана Эль-Араби. Например, согласно кораническому тексту, Фараон заявил людям: *«Ана раббукум аль-'аля* — «Я ваш верховный господь». Ибн Араби считает, что фараон объявляет здесь Богом не лично себя, а сам принцип Абсолютного Субъекта, т.е. оказывается как бы предшественником Халладжа. Поэтому, согласно эль-Араби, Фараон — это единобожник «высшей пробы». Резкую критику со стороны *факихов* [5] вызывает также и примирительное отношение Эль-Араби к идолопоклонникам с позиций так называемого «экуменизма», своеобразного религиозного универсализма.

Современное возрождение Ислама

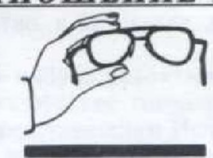
До монгольского нашествия Ислам был великой цивилизацией. Европа получила от Ислама и собственное античное наследие, и разработанную философскую мысль, и точные науки, и исследовательское экспериментаторство. Потом наступил застой, и с начала XVII века исламская цивилизация стала проигрывать своим вчерашним ученикам. А что же сегодня?

В настоящее время в Исламе проявляется мощный импульс возрождения. Исламская мысль активно вторгается в новые для себя теоретические области, осваивает социологию, политэкономию, опираясь при этом на Коран и Сунну. Во всех религиозных университетах преподаются современные дисциплины. Так что современный мусульманский теолог является одновременно сведущим в науках, до последнего времени остававшихся прерогативой западной цивилизации. Так, например, в области политики, экономики, социальных наук можно отметить такие имена, как Мохаммед аль-Газали, Юсуф аль-Кардави, Сейид Кутб, Мохаммед Рамазан аль-Бути из далеко не полного перечня... Исламские мыслители не следуют за выводами западных коллег, но активно переосмысляют их результаты на иных методологических основаниях. В первые века мусульмане овладели сутью греческой мысли, утраченной на Западе, и использовали ее в интересах комментирования и лучшего постижения Откровения. Сейчас же они поставили перед собой задачу овладеть современной западной мыслью в таком ее ракурсе и глубине, которые не открыты даже самому Западу. В политической действительности мусульмане подвергаются разгрому. В этом отношении их падение достигло предела, но в духовной области уже началась мобилизация, первые признаки грядущего контрнаступления.

---

1 — Профан — в пер. с греч. «стоящий вне храма».
2 — Джафар ас-Садык — шестой шиитский имам.
3 — Иджтихад законотворческая деятельность на основе Корана и Сунны.
4 — Муджтахид — ученый-богослов, выносящий самостоятельные решения по вопросам фикха.
5 — Факих- мусульманский правовед.
Все аяты Корана даны в переводе Крачковского.

ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАМУ

Александр Андреевич ПРОХАНОВ
главный редактор газеты «Завтра»

1. Что является значимым в Вашем актуальном восприятии Ислама (культура, религиозные отношения, религиозные стереотипы, образ жизни и быта, цивилизация, личность Пророкаи т.д.)?

Для меня, как человека, связанного с национальной политикой России, главный фактор в Исламе — политический. Для меня давно и однозначно очевидно, что народы и народности, исповедующие Ислам, пронизывают всю этническую ткань империи, и, поэтому, любое резкое, неосторожное движение совершенно недопустимо...

2. Главное «неудобство» Ислама для Вас, наиболее очевидное отличие от системы ценностей, по которой Вы живете?

Никогда никакого неудобства не испытывал. До определенного момента моей жизни я существовал достаточно цельно и органично в православной русской парадигме. Ислам же воспринимал как необходимый традиционный орнамент. Всю мощь и глубину этой религии я испытал впервые, как это ни странно, не в советских республиках Средней Азии, а во время нашего вторжения в Афганистан. Я воочию, сидя на броне БТРа, увидел столкновение двух культур, двух цивилизаций; разрушенные мечети, растоптанный уклад... естественно, ощущение Ислама было гораздо менее комфортно. Мусульмане стреляли в меня из калашниковых, — но зато куда более величественно. я был потрясен и «покорен» мистическим мироощущением многих афганцев, поразительным у современных людей отсутствием страха смерти...

3. Ваше отношение к «исламской перспективе» в России и СНГ?

У Ислама в России серьезные перспективы, но политически — в рамках православной традиции, ибо Ислам, на мой взгляд, прочно связан с этническими корнями. Я видел настоящих белокурых славян-боснийцев на Балканах — они мусульмане, но это экзотика, редчайшее исключение. Исламская энергия вряд ли прорвется даже к казахам и на мой взгляд будет генерироваться главным образом в Средней Азии. Исламская перспектива в собственно России равна нулю...

4. Ваше отношение к так называемому «исламскому фундаментализму»?

Я понимаю религиозный фундаментализ-любой, мусульманский или православный, как прорыв к стихии первоначальных религиозных архетипов. Построение такого общества, построение такой личности — очищенной магмой истинной религиозности от всех напластований профанизма и гуманизма — вот суть любого религиозного фундаментализма, в частности, исламского.

Вадим Кожинов

ИСЛАМ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Взаимоотношения Ислама и России имеют без малого тысячелетнюю историю — они начались в десятом веке и об этом будет еще речь впереди. Рассмотрим несколько уровней этих взаимоотношений. На уровне культуры проблема более всего ясна. У Пушкина, у Лермонтова, у Толстого и у десятков других представителей русской культуры мы встретим в высшей степени уважительное, а нередко и просто восхищенное отношение к ценностям мусульманского мира. В фундаменте этой культурной традиции безусловно находятся знаменитые «Подражания Корану» Пушкина. Чего стоит хотя бы следующее стихотворение:

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.
Вы победили, слава вам!
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.
Прельстясь добычей боевою
Теперь, в раскаянье своем
Рекут: — Возьмите нас с собой!
Но вы скажите: — не возьмем!
Блаженны павшие в сраженье
Теперь они вошли в Эдем
И потонули е наслажденье,
Не отравляемом ничем.

Это стихотворение — одно из самых глубоких из известных мне проникновений в пафос магометанства. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, оно вполне может конкурировать с «аутентичными» исламскими памятниками культуры. И «Подражания Корану» — далеко не единственный пример. Мне даже кажется, что если издать книгу под условным названием «Ислам в русской культуре» включив в нее соответствующие страницы из «Хаджи-Мурата», кавказской лирики русских поэтов, «Ашик-Кериба» Лермонтова — книга эта могла бы стать настольной для любого правоверного мусульманина. Так что никакой почвы для появления Салмана Рушди в России нет.

Гораздо сложнее кажутся отношения России с мусульманским миром в контексте социально-историческом. Как мы уже говорили, первый исторический контакт Руси и Ислама произошел в 10 веке в отношениях с Волжской Булгарией, которая незадолго до того приняла Ислам. Волжская Булгария подчинялась тогда могущественному Хазарскому Каганату, господствующей религией в котором был, как известно, иудаизм. Отношения с Булгарией продлились шесть столетий и носили, в основном, принципиально дружественный характер. Конечно, не обходилось и без конфликтов, но все они носили территориальный, политический, но, отнюдь, не религиозный характер... Также обстояли дела и в отношениях с другими частями исламской ойкумены на протяжении десяти последних веков русской истории. Но, тем не менее, в общественном сознании сейчас бытуют некоторые мифологемы, в которых отношения русских и мусульман изобилуют кровавыми драмами. Для понимания сути необходимо сначала пристальнее рассмотреть следующие исторические аспекты.

В истории Руси, в сущности, не было так называемого татаро-монгольского ига, а было более или менее добровольное вхождение Руси в состав Монгольской империи. К великому сожалению, на нас до сих пор лежит некий «грех» — в вопросах осмысления собственной истории мы находились и находимся под влиянием западной историософии, которая всегда крайне неодобрительно и пренебрежительно относилась ко всем неевропейским империям, ибо считала Запад единственным реальным субъектом истории. Империя монголов ничем не отличалась от империи Карла Великого или Карла Пятого. Но ни один сколь-нибудь серьезный западный историк, мыслитель не станет говорить об иге применительно к народам, входившим в эти империи. Более того, большинством признается благотворность этих образований — в их рамках развилось и укрепилось то, что принято называть Западной цивилизацией. Что же касается Монгольской империи, то к ней относились как к чему-то чудовищному и нелепому. И такое отношение, к великому сожалению, в послепетровские времена установились и в России, хотя, повторяю, никаких серьезных оснований для такого отношения к монголам не было.

У нас распространено довольно необоснованное мнение: не будь к моменту «нашествия» монголов на Руси феодальной раздробленности, «ига» можно было бы избежать. Это, конечно, полная чепуха — в то время в мире не было силы, способной противостоять воле Монгольской империи.

Но спустя несколько столетий по естественным причинам воля эта ослабла, и Россия приняла наследство Великой монгольской империи, как ранее монголы приняли наследство хазарской империи, а до этого — аварской, гуннской и т.д.

Поэтому пресловутое «завоевание Казани» было не войной с населением Казани, но войной с Чингизидами, которые правили в Казани, в Астрахани и в Крыму. Потомки Чингисхана правили булгарами. Начиналось все довольно мирно. Власть Москвы признали так называемые касимовские татары во главе со своим ханом Ших-Али, или, как его называли в России, Шигалеем. При этом он остался мусульманином — от него не требовали перехода в православие. Хотя, кстати, многие мусульмане добровольно

становились христианами и часто делали после этого головокружительную карьеру в России. Поразительно, что многие бывшие мусульмане становились выдающимися деятелями православной церкви и даже православными святыми, как например, Пафнутий Боровский, который был внуком монгольского баскака, или Петр, ордынский царевич, один из самых почитаемых на Руси святых, который был потомком Чингисхана.

А Шигалей был главнокомандующим русской армии в двух войнах шестнадцатого века, до сих пор можно видеть в Касимове построенный им минарет, при котором находится его усыпальница.

На какое-то время Шигалей стал Казанским ханом, и в Москве надеялись, что с его помощью и будет осуществлена мирная передача власти. Но это оказалось невозможно, так как Шигалей был через короткое время свергнут Чингизидами, враждебно настроенными по отношению к России.

Как бы то ни было, повторяю, — «завоевание» Казани было шагом на пути естественной передачи полномочий России от Орды. Эта точка зрения убедительно развита в трудах мыслителей и историков, в трудах так называемой евразийской школы, и особенно ярко — у Льва Николаевича Гумилева, недавно умершего. Но есть один очень важный пункт, по которому я категорически несогласен с этим выдающимся историософом. Гумилев считал, что после принятия большей частью Орды Ислама отношения с Россией крайне обострились: появились религиозные трения, острые конфликты и т.д. Я таких следов не вижу. Приведу всего один пример.

Один из величайших русских святых и одновременно один из величайших деятелей русской истории — митрополит Алексей, как известно, был в прекрасных отношениях с принявшим Ислам ханом Золотой Орды Джанибеком и с его супругой Тайдуллой, которую он даже исцелил от слепоты, — это стало одним из ярких проявлений его святости. Существует знаменитая икона гениального Дионисия «Житие митрополита Алексея». Икона с двадцатью клеймами по периметру иконы, на которых изображены наиболее важные события жития митрополита Алексея — от рождения до успения. Так вот —шесть клейм из двадцати посвящены взаимоотношениям митрополита с монголами-мусульманами! Но самое поразительное то, что икона эта была создана уже после 1480 года, когда, как известно, Иван III, считая, что монгольская империя закончила свое существование, растоптал ханскую басму и объявил о своем неподчинении Орде. То есть Русь, окончательно перестала зависеть от исламского мира, но церковное предание оценивает взаимоотношения митрополита Алексея с мусульманами,как доброжелательные, дружеские отношения, как подвиг, как безусловно правильный выбор!

И это отношение к Исламу — безусловно, глубоко доброжелательное, стало нормой в русской цивилизации всего последующего периода. Подчас русско-исламские отношения вполне можно было характеризовать известной формулой: союз креста и полумесяца.

Я пользуюсь материалами переписи 1897 года — это наиболее точные данные. Согласно этой переписи, мусульмане составляли одиннадцать процентов населения Российской империи и все их права —гражданские и религиозные неукоснительно соблюдались: в стране было огромное количество мечетей, выходило большое количество мусульманских изданий, кстати, мечети были не только в местах компактного проживания мусульман, но и в Москве и в Петербурге. Все мусульманские народы России имели представительство при императорском дворе — причем представительство, я бы сказал, даже более чем пропорциональное.

При сколько-нибудь объективном подходе к делу трудно упрекать русское государство в нетерпимом отношении к представителям Ислама. Даже такой известный своим предвзятым отношением к России и к ее истории публицист и историк как Владлен Сироткин в своей, очевидно, главной книге «Вехи отечественной истории» прямо пишет: «Русская православная церковь не навязывала свою веру инородцам огнем и мечом, как, скажем, «католическая». Действительно, принципиальная веротерпимость всегда была характерна для политики Российской империи (в чем также сказалось наследие Монгольской империи, отличающейся веротерпимостью).

Правда, для того чтобы быть вполне беспристрастным, нельзя не отметить два исключения.

Первое касалось тех, кто считался сектантами. Как известно, Россия пережила трагедию раскола. По мнению многих историков, раскол стал величайшей трагедией русской истории. На протяжении многих веков шла непримиримая борьба государства и церкви с раскольниками и другими сектантами. Повторяю, речь идет о, быть может, самой трагической странице русской истории.

Второе же исключение касалось иудаизма. Здесь, правда, нет оснований говорить о каких-либо преследованиях или разрушениях синагог (а старообрядческие храмы часто разрушались). Точка зрения, согласно которой погромы в начале века в южной части России были инспирированы государством — абсолютно нелепа и не основана ни на каких фактах: ясно, что подобные «акции» никогда, нигде, ни в каком государстве не могут инспирироваться администрацией — таким хаосом и беспорядком они грозят. Русское государство, безусловно, проводило политику, ограничивающую людей, исповедующих иудаизм. Но это имеет свое объяснение (не оправдание, ибо оправдать религиозную нетерпимость нельзя ничем).

Недавно был напечатан очень интересный документ. Речь идет о мемуарах очень яркого и интересного филолога Моисея Семеновича Альтмана, автора известных работ о семантике имен. Он провел свое детство в местечке под Витебском в иудаистской семье. Вот что пишет он в своих воспоминаниях: «Христа моя бабушка называла не иначе как Маммзер — незаконнорожденный, а когда однажды на улицах местечка был крестный ход и носили иконы, бабушка спешно закрыла меня платком — «Чтоб твои светлые глаза не видели эту нечисть». А все книжки с рассказами о Богородице, матери Христа она называла презрительно «матери-патери»... Дело в том, что в Талмуде прямо сказано, что «Христос — незаконнорожденный сын изменившей мужу». В таком духе воспитывалось огромное количество еврейских детей и это, естественно, вызывало ответную реакцию.

Так что, повторяю, тенденцию религиозной нетерпимости Российской империи можно отнести к иудаизму, но никак не к Исламу...

Кто-либо может возразить: — ведь были же столкновения, подчас кровавые, с мусульманами, например, на Кавказе. Однако, если внимательно вглядеться в суть тех или иных подобных событий, неоспоримо выяснится, что дело шло о политических и шире — геополитических столкновениях, а отнюдь не о недоброжелательстве, и, тем паче, нетерпимости к Исламу.

Роберт Стойкерс

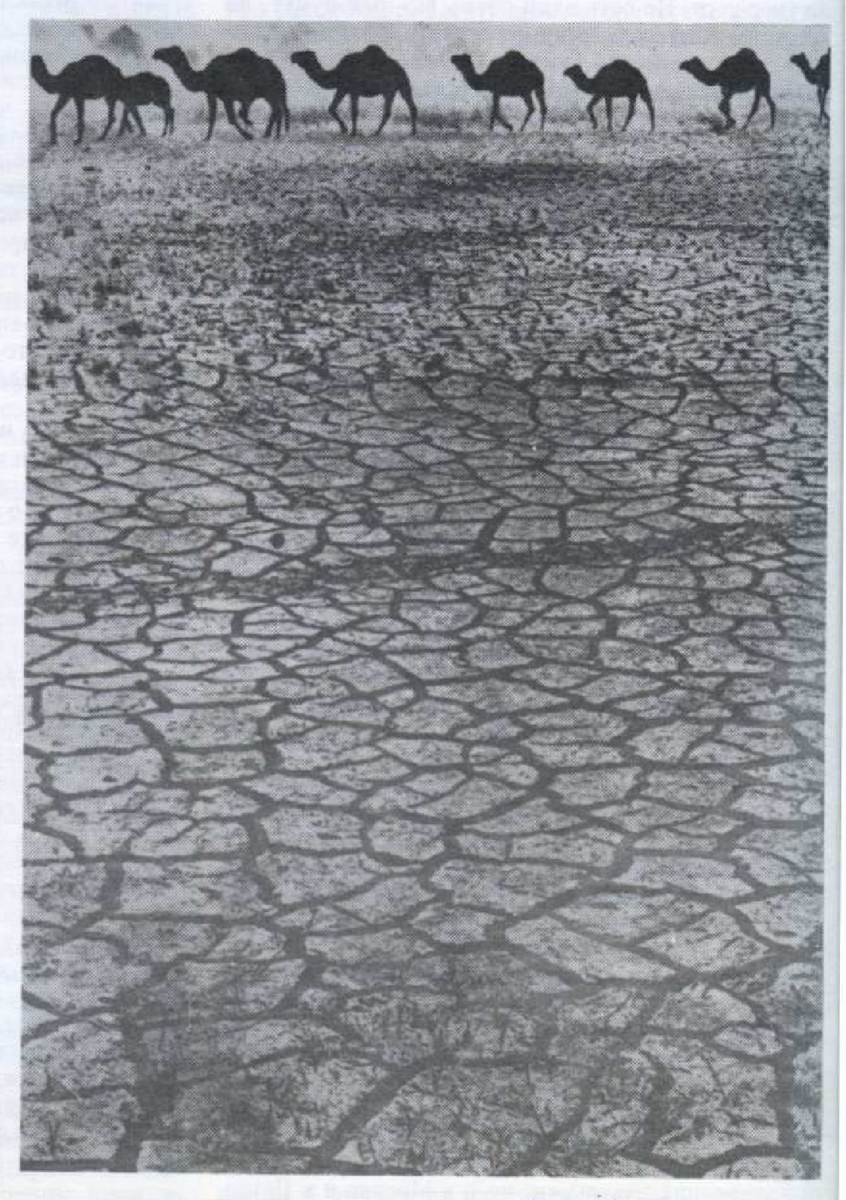
ИСЛАМ В ТРУДАХ ЛЮДВИГА ФЕРДИНАНДА КЛАУССА

Людвиг Фердинанд Клаусс родился 8 февраля 1892 года в Оффенбурге, земля Баден. Умер 13 января 1974 года в Хупперте близ Таунуса. Во время пребывания в Германии он преподавал в Берлине, много путешествовал по арабским странам. Он был заворожен величием пустыни и жил с бедуинами в тогдашней Трансиордании. Он кочевал с ними и принял имя Мохаммад Фарид эль-Алмани.

Ученик Гуссерля и последователь его феноменологии, Клаусс разработал новую антропологию, в основе которой лежит исследование психологии расы. Эта антропология отказалась от «зоологических» методов, принимая другого человека таким, каков он есть,стремясь понять его, его образ действий и его культуру. Его интересы и атмосфера времени направили Клаусса к изучению психологии нордической расы, всецело мобилизованной в сферу чистого действия. Впоследствии все его усилия сосредоточились на углубленном изучении «бедуинской расы», расы пустыни, «арабской расы», ориентированной на Абсолют и Откровения, расы, давшей миру пламенных и триумфальных пророков. Его арабо-бедуинский опыт запечатлен во многих работах: «Как бедуин у бедуинов» 1931 г., «Семиты пустыни у себя» 1937 г., «Арабы Востока» 1943 г., роман «Бегство в пустыню» 1960 г. и, наконец, «Триумфальный час Ислама» 1963 г., где он теоретически резюмировал свое видение арабизма и Ислама, стремясь передать это понимание людям Запада.

«Триумфальный час Ислама» подразделяется на 4 части, анализирующие соответственно корни арабизма, вечно живые элементы внутри исламской традиции, дух пустыни и будущее Ислама.

Ислам — это религия, которая начинается историей человека, ушедшего в пустыню, чтобы встре-

«И землю Мы разостлали». (Коран 51:48)

тить там Бога, Абсолют, Бесконечность. Это акт, совершенный отшельником, добровольно уходящим в eremos или eremia (греческие термины, обозначающие пустыню); для арабов это сознательное,а не спонтанно-естественное действие: бедуин принадлежит пустыне; он не идет туда; он приходит оттуда. Он – badawi, приходящий из badiye. Пустыня сурова, она накладывает на людей свой закон; те, кто ему следуют – выживают; те, кто неследуют – разрушают себя сами. Но эта суровость предполагает также долг покровительства, dakhala: если в своей непрестанной борьбе с пустыней человек просит покровительства и помощи у другого, говоря ему: «Я твой подопечный», – покровитель должен принять эту роль, даже если просящий – враг его племени или, даже, более того – его личный враг.Это правило не терпит исключений, даже если никакая власть не накажет его за нарушения. Бедуин свободен безо всяких условий. Он поклоняется в глубине своей души Безусловному и покоряется ему, будучи как все люди, обусловлен обстоятельствами, своими страстями, страстями других. Идеал – совершенный человек – это для бедуина тот, кто оказался способен освободиться от «условий»: обстоятельств, страстей, эмоций, корысти. Ислам как религия покоится на любви к Безусловному.

Ибо фундаментальное качество Божественного – это isitigna, полное отсутствие нужд. Бог, Безусловное ни в чем не нуждается, Он никому ничего не должен.Только тварь должна: но отвечает за то, что делает своей жизнью, полученной от Бога. Этот труд возделывания собственной жизни направлен на подавление вспышек,неумеренности, халатности и попустительства по отношению к себе, чему человек часто бывает подвержен и утрачивает при этом смирение и сознание своей антологической нищеты.

Против тех, кто упорствуют в подобном заблуждении, в этих нелепых и опасных претензиях, Ислам призывает к джихаду. Ибо эти претенциозные безумцы управляются исключительно своими страстями, действуют только в своих интересах, противопоставляют себя своим, не уважают чужих, измышляют аргументы, защищающие их ма-

териальную корысть. Они – мушрики, «предающие сотоварищей». Когда мир управляется такого рода «непокорными», теми, кто не подчиняется законам реального, законам Ислама, то этот мир должен неизбежно сорваться в вырождение и хаос. Джихад есть борьба против хаоса, против «предающих сотоварищей», распространяющих хаос, вместо того, чтобы подчиниться неизменному и справедливому порядку, который защищает их как и всякого человека и дает им все необходимое.

Разумеется Европа и европейцы, носители отличных расовых характеристик, не имеют опыта пустыни. Они происходят, объясняет Л. Ф. Клаусс, из страны лесов. Это ставит на них не менее глубокую печать, чем та, которой пустыня отмечает арабов Индо-Иранцы привыкали к пустыне в ряде множества поколений. Любопытно отметить, что, когда история Иисуса, пребывающего в пустыне 40 дней впервые была опубликована на германском языке в «Heliand»по приказу Людовика Святого, автор не перевел слово пустыня германским эквивалентом, обозначающим неплодородное и заброшенное пространство, покрытое песком. Он написал sinweldi, что означает «лес без границ». Для сосредоточенного размышления, для обращения к Богу, к изначальной девственности бытия,европеец: кельт, германец или славянин идет не в пустыню, а в первобытный лес. Лес – защитник, и выйти из него – равнозначно возврату в«незащищенное пространство». Идея защищающего леса фундаментально отлична от идеи пустыни, открытой абсолюту; лес предполагает плюральное миросозерцание, поклонение множеству различных сущностей, множество, согласованное в органическом целом. Но homo europeus (человек европейский) не успел создать абсолютную духовность леса, и сегодня у него, не знающего пустыни изнутри, нет больше леса, чтобы войти в контакт с Безусловным. Когда же Эрнст Юнгер призывает «прибегнуть к лесу», принять путь Valdgaenger («Идущего лесом»), он формулирует абстракцию, правда, прекрасную,но тем не менее, только лишь абстракцию, поскольку леса-то больше нет.

Потомки людей леса изобрели технику, механику. В свое время крестоносцы дрогнули перед беспощадностью пустыни. Но вот вопрос, который стоит уже несколько десятилетий перед арабо-мусульманским миром (его актуальность резко обострилась во время войны в Персидском заливе): дрогнет ли пустыня, беспощадная и безусловная перед техникой, созданной потомками человека леса, у которых этого леса не осталось? Техника производит, главным образом ,«обладание», в чем и заключается ее главная бытийная слабость; западный человек, оперируя своей техникой, изготавливает предметы обладания, коллекционирования, накапливания, не в силах при этом, однако, укрепить свое существо, ограничить свою бытийную нищету, свести свои потребности к минимуму, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к Божественному, которое не нуждается ни в чем. Восточный же человек, мусульманин или не мусульманин, с обескураживающей легкостью впадает в соблазн «иметь», отвергая очистительный смысл смирения перед Безусловным, который всегда составлял его силу, как вектор исламской цивилизации. В Западной Европе соблазны царства обладания опустошают ряды людей пустыни, иммигрировавших в страну леса, сведенного под корень. Можно сказать, что во многих случаях они не являются больше людьми Ислама, людьми, служащими Творцу в смирении и аскезе.

Вне зависимости от происхождения, будущее принадлежит тем, кто не соблазнится приходящим, тем, кто будут крепить свое истинное существо. Именно они возвестят установление царства *хакихата* (истинного бытия)

Мартин Линкс

СЕРДЦЕ

Глава из книги «Что такое суфизм»

«Сегодняшний суфизм (tasawwuf) — это имя без реальности.Когда-то это была реальность без имени».[1] Комментируя это высказывание в следующем столетии, Худжвири добавляет: «Во времена сподвижников Пророка и их непосредственных последователей это слово не существовало, но обозначаемая им реальность была в каждом. Сейчас слово есть, а реальности нет».[2]

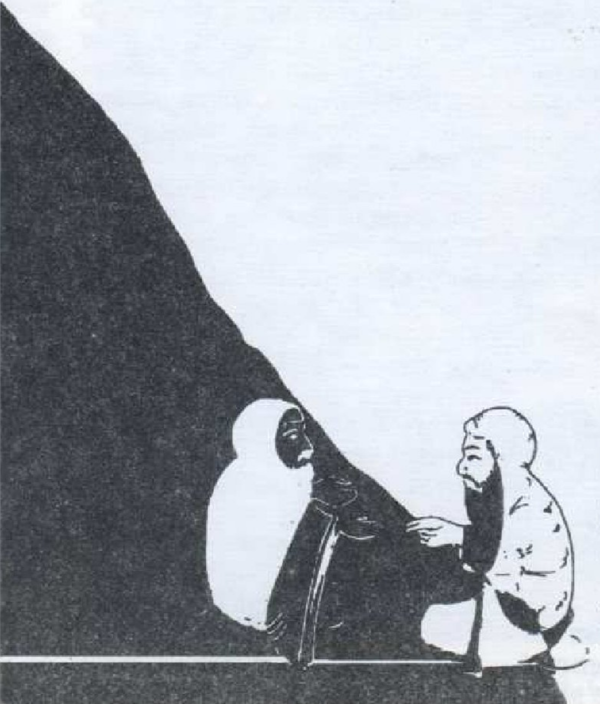
Подобным образом, хотя не столь категорично, Ибн Халдун отмечает, что у первых трех поколений мусульман мистицизм был слишком всеохватывающим, чтобы давать ему специальное название. Но, «когда распространилось обмирщение, и люди стали все более запутываться в сетях этой жизни, те, кто посвятили себя только Богу, в отличие от остальных, стали именоваться суфиями».[3]

Слово sufi буквально обозначает «шерстяной», а в расширительном смысле — носитель шерстяной одежды. Нет сомнения, что шерстяная одежда была символом духовности уже в доисламские времена. Иначе Пророк вряд ли бы специально упомянул, что Моисей был одет полностью в шерстяную одежду, когда Бог говорил с ним. Тем не менее, ношение шерсти не было всеобщей практикой среди мистиков Ислама. Скорее всего, вначале этот термин прилагался лишь к небольшой группе, а затем, распространился на всех мистиков исламской общины. Затруднения в объяснении этого слова вызваны, возможно, тем, что для большинства суфизм — загадка, которая требует не менее загадочного названия. В то же самое время, это название должно иметь благородные ассоциации и глубокий смысл: арабский корень, состоящий из трех букв — sad — waw — fa — с основным значением «шерсть», согласно науке букв, имеет тайное тождество с корнем sad — fa — waw — с основным значением «чистота» (имеется в виду результат отделения, просеивания, как зерно очищается от плевел). Глагольная форма этого корня дает написание, идентичное в арабском языке слову, которое обозначает «избранный в наперсники». Подразумевается, что избравший — Бог, а избранный, приближенный — al-Mustafa (одно из имен Пророка).

Помимо имени, связанного с чистотой и избранностью, мистики говорят о себе, как о «нищих» (по-арабски faqir, по-персидски darvish). Бедность, которая здесь имеется в виду, та же самая, что упоминается в Евангелии: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное». Исламский термин берет начало в аяте Корана: «Поистине, Аллах богат, а вы бедны!» (XLVII, 38) В отличие от евангельского высказывания, этот аят обращается к человечеству в целом, выражая факт, безусловный для всех. Суфии применяют этот стих к себе, потому что лишь они одни делают из него окончательные выводы. Действительно, суфизм можно определить, как практическое использование этой двуипостасной истины — богатство Бога и бедности человека. Имя faqir (нищий) ценно своим постоянным напоминанием, и, завершая письмо, например, суфий часто ставит перед своей подписью «от нищего в Господе.»..

Коран не выделяет особым образом суфиев в словах «Вы бедны», он имеет в виду святых, то есть полностью реализовавшихся суфиев, *как рабов Божьих*. В некоторых контекстах, где отмечается не только сам факт «рабства» (касающийся всех), но также и полное осознание этого факта; обе эти концепции «рабства» и «нищеты» нерасторжимо связаны друг с другом. Но из всех коранических терминов, касающихся только суфиев и никого более (за исключением, разумеется, Пророков), самое значительное и часто встречающееся определение — это звучащие отчасти загадочно слова: «Те, у кого есть сердца». Мы не упоминали об этом раньше, ибо это достаточно важно, чтобы стать темой отдельной главы. Ведь что есть поистине суфизм, как не «пробужденность сердца»?

Относительно большинства человечества, Коран говорит:«Ведь не слепы взоры, а слепы сердца, которые в груди». (XXII,46) Из этого ясно, что кораническая перспектива согласуется с предшествующими традициями Востока и Запада, рассматривая сердце, как орган зрения и подразумевая под этим словом не только часть тела, но также то, что совпадает с этим физическим центром — центр души, который, в

свою очередь, есть врата к высшему «сердцу» — Духу. Поэтому, можно часто встретить упоминание «сердца» как синонима «интеллекта» (не в том искаженном значении, которое это слово приобрело сегодня, но в истинном смысле латинского intellectus, т.е. способности воспринимать трансцендентное).

Благодаря своему статусу телесного центра, сердце, в некотором смысле, трансцендентно по отношению к остальному телу, хотя по субстанции оно состоит из той же плоти и крови. Другими словами, в то время, как тело, ограниченное физическим планом существования, располагается на горизонтали, сердце обладает дополнительным измерением «высоты», являясь опорой «вертикальной» оси, которая, исходя из самой Божественности, пронизывает центры всех ступеней вселенной. Используя образ Лестницы Иакова, можно сказать, что телесное сердце есть ее нижняя ступень, а сама лестница — это великая иерархия «сердец», одного над другим. Этот образ выражает и отдельность каждого центра, и, в то же время, связанность их всех воедино. Благодаря этой связи, в которой все центры пульсируют как один, телесное сердце получает импульс Божественной Жизни и передает его телу. С другой стороны, в сердце фокусируются все силы души в ее жажде бесконечного, и примеры этой методической практики можно найти практически во всех сокровенных традициях. Опять же в силу упомянутой связи «Сердце» оказывается вершинной ступенью лестницы, бесконечным Я, согласно хадису: «Ни Моя земля не вмещает Меня, ни Мое небо, но сердце моего верного раба вмещает Меня». Другой пример можно найти в стихотворении суфия Халладжа, начинающегося так: «Я узрел моего Господа оком сердца. Я спросил: «Кто ты?» Он ответил: «Ты».

В последнем случае «Сердце» становится синонимом «Духа», у которого есть как Божественный, так и тварный аспекты; один из великих символов духа — это солнце, «сердце» нашего физического мира. Тут нам придется вернуться к смыслу слова суфий. Каковы причины отождествления шерстяных одежд и духовности? Ответ следует искать в науке символов и том знании таинственных аналогий, которое эта наука дает. У Рене Генона (известного в исламском мире под именем Абд аль-Вахид Яхья) есть замечания о глубокой связи между двумя символами духа, деревом и солнцем (а также иноформой солнца — золотом): «Плоды Древа Жизни — это золотые яблоки из Сада Гесперид; золотое руно Аргонавтов, также находившееся на дереве и охранявшееся змеем или драконом, было другим символом бессмертия, которым человек стремился овладеть».[4]

Хотя в данном месте Генон этого не оговаривает, он, разумеется, имеет в виду, что солнечным аспектом этого символа является не только золото, но и шерсть. Наряду со львом, агнец всегда был священным солнечным животным[5]; таким образом, носить шерстяную одежду значит облачаться в «бодрствование Сердца», и символ этого одеяния — солнечный свет. «Бодрствование Сердца» представляет собой центральный аспект всего, что должно быть обретено суфием. Кораническое выражение «Те, у которых есть сердца» таким образом прямо связано с понятием «суфизм» и непосредственно выражает его сущность.

До сих пор мы рассматривали сердце в основном как центр, включающий в себя все «вертикальные» продолжения. Но когда «Сердце» используется как суфийский термин, означающий некий отдельный от всех других центр, имеется в виду ни самый верхний, ни самый нижний уровень, но ступень, следующая сразу после самого низкого, т.е. средоточие души. В макрокосме Эдемский Сад одновременно центр и вершина земного состояния.[6] Аналогично, Сердце, соответствующее в микрокосме Саду есть и центр, и вершина человеческой индивидуальности. Еще точнее, Сердце пребывает в середине Сада, там, где растет Древо жизни и изливается Источник жизни. На самом деле, Сердце и есть именно этот Источник. Их тожество подразумевается арабским словом 'ayn, значащим одновременно «око» и «водный ключ». Наиболее глубокий смысл этой предпоследней ступени в иерархии смыслов таков, что она отмечает порог запредельного, уровень, где кончается всякое естество и открывается сверхъестественное или трансцендентное. Сердце есть перешеек (barzakh), часто упоминающийся в Коране (XXV, 53) как разделитель *двух морей.*, представляющих небо и землю: *пресное море со свежей водой является областью Духа, а неприятное на вкус соленое море.*— область души и тела. И когда Моисей говорит: «Не остановлюсь я, пока не дойду до слияния двух морей, хотя бы прошли годы». (XVIII, 60), он формулирует изначальный обет достичь утраченный Центр — единственный проход к трансцендентному знанию.

Один из коранических ключей к скрытым значениям — это следующий аят: «Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих». (XLI, 53). Это привлекает наше внимание к соответствию между внешними явлениями и внутренним восприятием. И, учитывая смысл слова «Сердце», особенно полезно поразмыслить, какое из знамений по странам является его символом. Мы уже видели, что как центр всего нашего существа, Сердце есть внутренне солнце. Но оно таково лишь при условии «сочетания» с Духом; само же по себе, как средоточие души и порог Неба, оно соответствует луне. В суфийском комментарии XIV века к Корану[7] солнце интерпретируется как Дух; свет есть гнозис; день — Запредельность, трансцендентный мир прямого духовного восприятия; а ночь — наш мир, мир неведения или же в лучшем случае косвенного отраженного знания, символизируемого лунным светом. Луна косвенно передает свет солнца во тьме ночи; подобным образом Сердце передает свет Духа во тьме души. Но здесь косвенным является лишь лунный свет; сама же луна, когда она сияет в ночном небе, смотрит прямо на солнце и прибывает не во тьме, а в сиянии дня. Этот символизм указывает на трансцендентность Сердца и объясняет, каким образом Сердце есть орган прямого духовного (интеллектуального) видения. В павшем человеке эта способность погашена; когда говорится, что вынужденный покинуть Земной Рай человек утратил связь с Источником жизни, это значит, что у него нет больше прямого доступа к Сердцу. Душа павшего человека подобна облачной ночи; это подводит нас к вопросу фундаментальной важности: какие качества необходимы для вступления в суфийский орден, что побуждает искать посвящения? Облака в этом ночном небе должны быть достаточно легкие, чтобы по крайней мере отблеск Сердечного света мог пробиваться сквозь мрак. Шейх, живший в нашем столетии, на вопрос: почему ищущие приходили прямо к нему, тогда, как его ученики не пытались проповедовать, ответил, что к нему приходили те, которые были «одержимы мыслью о Боге»[8]. Другими словами, они приходили, потому что облака не были достаточно плотны, чтобы совершенно скрыть духовную реальность. Поразмыслим также в этом контексте над фразой: «Предчувствовать свои высшие состояния». Это предчувствие упомянуто Геноном, как достаточный мотив для вступления на духовный путь и критерий соответствия этого пути. Высшие состояния — это духовные ступени, сосредоточенные в иерархии одна над другой на Оси Мира, которая есть

Древо Жизни. Или иначе, Луч, связывающий внутренне солнце со внутренней луной, Дух с Сердцем. Венцом же этого предчувствия является отдаленное предвкушение того, что упомянутый автор назвал «Верховным Тождеством»[9] —предвкушение истины, выраженные в цитированных строках Холладжа.

Слово «предвкушение» перекликается здесь с арабским dhawq (вкус). Термин, используемый суфиями, чтобы обозначить прямое знание Сердца в отличие от головного знания. Газали действительно определяет суфизм, как dhawq; чтобы понять необходимость

этого термина, заимствованного из нижних сфер души для выражения знания, находящегося на ее вершине, следует, прежде всего, указать на универсальный закон, частным случаем которого является эта самая «необходимость».

Высщее значение выражения «Бог есть любовь» состоит в том, что архетип всех позитивных связей — брачных, родительских, сыновних и братских — есть Неделимая единица в самодостаточном совершенстве божественной сущности. Менее абсолютное значение подразумевает, что важнейшая позитивная связь, а именно брачная, имеет в своей архетипической основе разделение божественных качеств по полюсам величия и красоты. Из этого следует, что взаимное согласие опирается на сходство и различие, совпадение и взаимодополняемость. И величию и красоте присущи вечность и бесконечность, в силу чего они подобны друг другу, но величие есть активное совершенство, а красота — пассивное, откуда их взаимодополняемость. На земле мужчина и женщина подобны друг другу, ибо оба суть наместники Бога, но взаимодополняют друг друга, будучи активным и пассивным воплощениями человеческого архетипа. Гармония вселенной покоится на подобных совпадениях и противопоставлениях не только между существами, но и между мирами. Отношения могут быть «горизонтальными», когда оба полюса принадлежат к одному плану, как в приведенном примере, или «вертикальными» — между верхним и нижним мирами. В последнем случае подчеркивается отцовско-сыновняя связь; однако, отношения супругов всегда подразумеваются, ибо Божественная Имманентность никогда не исключается. Именно поэтому можно говорить о «Браке Неба и Земли»; также, благодаря Божественной Имманентности, которая ставит Любящего, условно говоря, на один уровень с возлюбленным, суфийские поэмы, именующие в своих обращениях Божество Лейлой [10], являются любовными стихами в самом непосредственном смысле. Всеохватывающий пример вертикальной связи обнаруживается в следующем хадисе: «Я был скрытым сокровищем, и я пожелал быть познанным, и поэтому я создал мир». В мире нет ничего, что не исходило бы от своего Божественного Архетипа. Однако закон гармонии требует, чтобы все имело взаимодополнение, а взаимодополняемость предполагает зеркальную перевернутость. Так, человек, имеющий своим архетипом Божественное существо, от которого происходит все, оказывается последним из всех тварных вещей, завершением, к которому стремится творение. На самом нижнем физическом плане, в силу этого принципа, отражение в перевернутом виде повторяет предмет. Гора, чья вершина отражается в глубинах озера, образует вместе с этим отражением естественный прототип Печати Соломона, всемирному символу соединения активного и пассивного Совершенств, а также символу всех пар, в которых присутствует этот союз во всех мирах вселенной.

Совершенное равновесие первозданной души зависит от гармонического союза областей, принадлежащих как бы двум людям: внутреннему и внешнему. Если мы возьмем в Печати Соломона вершину верхнего треугольника как символ прямого знания плодов Древа Жизни, принадлежащего сердцу, а вершину, обращенную книзу второго треугольника будем рассматривать как знак вкуса в буквальном смысле, тогда обе взаимопроникающие основы треугольников представят косвенное головное знание, происходящее из двух источников прямого опыта. Структура Печати указывает нам здесь на то, что если мы хотим представиь себе сердечное знание, основой для этого должны быть скорее чувства, чем рассудок, по крайней мере в том, что касается непосредственности. Но наш символ изображает также бездну, разделяющую чувства и Сердце: чувственное знание будучи самым низким модусом восприятия, глубже всего погружено в пространство и время и другие условия физического существования; его горизонты уже, а субстанция изменчивее, чем у головного знания, в то время как внутренний вкус не обусловлен всем этим, благодаря своей возвышенности, и, таким образом, из всех видов опыта остается самым обширным и неизгладимым.

Печать Соломона дает ключ к пониманию многих текстов, которые не поддавались анализу профанов в области символизма, и среди таких текстов находится кораническое описание Рая. Действительно, часто Коран просто указывает на то, что небесные радости несоизмеримы с земными, или, например, в Коране есть такой аят:«Ведь даст тебе твой Господь, и ты будешь доволен». (XCIII, 5) Но в описательных пассажах Коран прибегает к лексике чувственных наслаждений, потому что они, в действительности, суть земные проекции или тени райских архетипов, о которых на самом деле идет речь. Будучи укорененными в этих архетипах, ощущения способны напомнить о них, ибо «тетива», связывающая символ с подразумеваемой им реальностью, не только прочерчивает путь этого символа в дольний мир, но и становится вибрирующей струной духовного воспоминания, влекущего вверх. Эти коранические описания, напоминая душе о страстной желанности Рая,[11] служит также тому, чтобы восполнить утраченное измерение земной жизни; и здесь обретается важный аспект суфизма, которого мы уже касались в связи с тем, что Ислам есть восстановление первозданной Традиции. Бесспорно, что это заявление оправдано, прежде всего, в силу существования исламского эзотеризма. Все формы эзотеризма начинаются со стремления вернуться в «первозданное состояние», поскольку оно означает человеческое совершенство, являющееся единственной опорой для духовного восхождения. Однако, при ближайшем рассмотрении совершенство, хотя и неизменное по существу, не всегда является «первозданным» в деталях. Отличие исламского эзотеризма от многих других в том, что он ищет свой идеал в человеке, как он был сотворен, иными словами, в том совершенстве, которое соответствует Земному Раю. Как образ первозданной души, Печать Соломона с ее двумя треугольниками, направленными в

противоположные стороны, обозначает предельную центробежность, уравновешенную и покоренную предельной же центростремительностью, так что притяжение внешнего мира превозмогается притяжением сердца. Мы уже говорили о том, что Пророк Ислама олицетворяет это гармоническое разрешение противоположностей. «Притяжение Часа», упоминавшееся в этой связи, как бы совпадает с магнетизмом Сердца, поскольку осознание обоих пребывает в Сердце. Именно Час в конечном счете воссоединяет символы с их архетипами, и одна из функций знающего Сердца это предвосхищение такого воссоединения через постоянное уподобление внешних предметов стоящим за ними внутренним реальностям. Ярким выражением первозданной традиции является одно из прекрасно известных высказываний Пророка: «Запахи и женщины являлись тем, что дорого для меня, и прохлада давалась моим глазам только в молитве».[12]

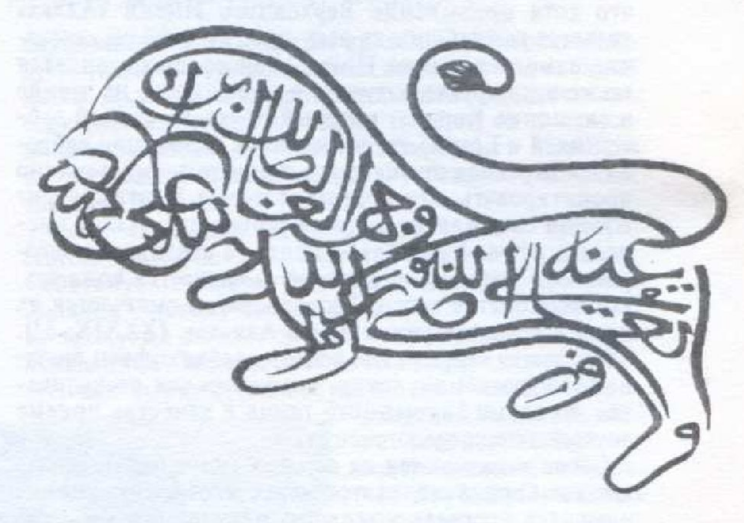
Аналогичная выявленность, несущая в себе скрытость, характерна для Послания, которое он получил и передал как посланник. Явившись в конце временного цикла, оно вновь открывает перед человечеством Книгу Природы, первозданное откровение, чьи иероглифы — это человек и животное, леса и поля, горы, моря и пустыни, солнце, луна и звезды. Одно из центральных наставлений Корана состоит в том, чтобы не смотреть на вещи сего мира, как на независимую реальность, ибо все они, на самом деле, всецело зависят в своем существовании от Скрытого сокровища, для вящей славы которого они были сотворены. Как сказано: «Прославляют Его семь небес, и земля, и те, кто на ней. Нет ничего, что бы не прославляло его хвалой, но вы не понимаете прославления их». (XVII, 44) Один из «рефренов» Корана — это постоянное взывание к духовидцам или хотя бы потенциальным визионерам среди людей, с тем, чтобы они сосредоточились на тех или иных чудесах творения, как «знамениях».

Эта проявленность во имя сокровенного, типичная для суфизма, может быть обозначена вертикалью, соединяющей две вершины треугольников в Печати Соломона. Способность прямого внешнего восприятия должна быть соединена со способностью прямого внутреннего восприятия, и это соединение и есть уже упоминавшееся «струна духовного воспоминания», которую нужно заставить вибрировать, чтобы внутренняя способность могла проснуться и чтобы «прославление» могло быть понято; по ту сторону этой способности, обозначенной в верхней вершине, струна может продолжаться сколь угодно далеко, ибо вибрация не останавливается на пороге небес, но нацелена в Бесконечность. Мы снова вернулись здесь к самой сути нашей темы, ибо суфизм являет собой доктрину и метод этой цели, а вибрация есть нечто иное, как разновидность приливной волны нашего начального образа. Мы снова можем в этом месте повторить вопрос: «Что это за водоворот, рождающийся, когда вода уходит с отливом?» Ответ ясен: этот водоворот есть центр бодрствующего сознания. Сердце всегда означает этот центр, но субъективно он не является статичным, ибо он отождествляется то с внутренней Луной, то с внутренним Солнцем, или же с Самой Сущностью.

Поскольку у каждого есть самосознающий центр, о каждом можно сказать, что у него есть «сердце». Но суфии используют этот термин только в трансцендентном смысле, чтобы обозначить суть сознания, соответствующую по меньшей мере внутренней Луне.

Этот подход укоренен в определении, которое Пророк дал для ihsan (высшая благость), которое прямо соединено с знающим Сердцем: «Благость — это когда ты поклоняешься Богу, словно ты видишь Его; ибо, хотя ты не видишь его, однако он видит тебя».

«Словно ты видишь Его». Как если бы человек все еще полностью обладал своими первозданными способностями. Целое направление суфийского метода лежит в этом слове ka'annaka, «как если бы ты.»..; этот закон идеализма имеет много приложений, с одним из которых мы познакомимся позднее. Но его нужно сочетать с законом реализма, с правилом, которое выражается девизом «на самом деле». Никто не осознает острее падение человека, чем мистик — настолько, что любая вещь является для него положительной лишь в той степени, в какой она способна заставить звучать струну, протянутую к Сердцу и открыть доступ к нему.

В принципе, *поскольку нет ничего, что бы не прославляло Его хвалой*, все обладает этой способностью. *Но вы не понимаете прославления их.* Следует признать, что символы, которые могли проникать в сердце первозданного человека, не могут быть вполне применимы по отношению к человеку, павшему из-за его заблокированности. Другими словами, он не может реагировать на эти символы достаточно сильно, чтобы у него возникла необходимая вибрация; предоставленный своим собственным ресурсам, он был бы бессилен найти проход к Сердцу. Вид прекрасного пейзажа, например, пробуждает не только изумление и восторг, но и тоску в той мере, в которой субъект не способен слиться с объектом; эта тоска есть нечто иное, как проявление уже упоминавшегося предчувствия высших способностей, некоторое «воспоминание» о том, что в мире архетипов слияние субъекта с объектом реально имеет место. Но такое предчувствие оказывается почти всегда не более чем способностью к духовному пути, как таковое оно не имеет надежды на перерастание во что-то большее. Не случайно в большинстве традиций препятствие, которое нужно преодолеть, изображается, как гигантское чудовище, одаренное сверхестественными способностями. Ничто не поможет разделаться с ним, кроме меча, который был откован и закален на Небе; как добавление к такому мечу предчувствие ценно, ибо укрепляет душу; иначе говоря, оно должно быть освящено Небесными заклинаниями, превыше всего — именем Самого Господа.

Здесь важно упомянуть, что *Dhikr Allah* (поминание Бога или призывание Бога) есть имя Пророка, и, согласно Корану, это призывание даже «больше», чем ритуальная молитва. Слово больше можно было бы перевести даже не в сравнительной степени, а просто как самое большое, ибо оба понимания лингвис-

тически возможны; в данном контексте можно утверждать, что призывать Имя Бога независимо от того, сопровождается ли это каким-то другим опытом или нет, есть самое благое дело на свете, потому что посылает самую могущественную вибрацию в направлении Сердца. Пророк сказал: «Для всего есть полировка, устраняющая ржавчину; полировка Сердца — это призывание Аллаха».

Мы предвосхищаем здесь тему главы о методе; но подобно тому высшему единству, на которое он направлен, суфизм столь целостен, что внутри него невозможно разделить по главам доктрину, метод и субстанции духа и психики, для которых доктрина и метод предназначены. Все-таки здесь можно сказать, что хотя призывание Верховного Имени «Аллах» является важнейшим из всех практик суфизма, значение самого термина Dhikr Allah распространяется также и на другие ритуалы, в особенности на чтение и слушание Корана, который обладает единой субстанцией с Богом; что же касается вызывания вибрации и перехода от внешнего к внутреннему, уместно процитировать, что Богооткровенная Книга говорит о мощи своих аятов в этом отношении: «Аллах ниспослал лучший рассказ — книгу со сходными повторяемыми частями, от которой съеживается кожа тех, которые боятся своего Господа, затем смягчается их кожа и сердца к упоминанию Аллаха». (XXXIX, 23). Здесь дается санкция для использования суфием внешних телодвижений, таких, например, как раскачивание во время священного танца в качестве приема внутреннего сосредоточения.

Слова «смягчаются их сердца» могут быть поняты как «их Сердца становятся менее жесткими». Упоминавшаяся преграда может рассматриваться как жесткость сердца или ржавчина на сердце, или облака, закрывающие Луну, или дракон, стерегущий проход к Источнику Жизни. Если бы не было этой преграды — прямого следствия грехопадения, не было бы и нужды в религии в обычном смысле слова, поскольку Откровение могло бы достичь каждого в его Сердце, которое затем отразило бы это Послание в разум и остальную часть психической субстанции. Тогда существовал бы постоянный ток и круговорот между Великим Я и маленьким «эго». Но в силу реального положения вещей существует необходимость в особом Посланнике, который способен передать другим то, что воспринимает его Сердце. Это не значит, разумеется, что все другие души совершенно отрезаны от внутреннего восприятия духовного света. Это значит, что для столь грандиозного низведения, каким является Откровение, Сердце должно быть восприимчивым безо всяких помех, каким оно является только в случае Пророков и Святых; между ними и большинством человечества находятся меньшинство мистики —«путешественников», для которых по определению упомянутая преграда стала или становится прозрачной. Они стремятся отождествиться с Пророком и войти в тот же круговорот отлива, в котором находится он в ответ на Откровение. Другими словами, для такого путешественника дело обстоит так, как если бы Откровение пришло прямо к нему, в его Сердце; это ka'anna, как и прочие «как если бы» суфизма возможно только на основе непоколебимой уверенности.

Что же такое эта уверенность? Чем она отличается от обычного убеждения? Убеждение косвенно и принадлежит рассудку, будучи результатом чисто ментальных процессов, таких, например, как рассуждение. Уверенность же носит непосредственный характер и принадлежит «вершине треугольника». Как таковая она может быть следствием чувственного восприятия; слух, осязание или зрение могут дать уверенность. Но в своем духовном значении, когда ее предметом является Трансцендентное, уверенность есть результат знающего Сердца. Более того, не обладая этим знанием в полном смысле слова, элементы человеческой души на ее вершине, то есть ближайшие к Сердцу, также могут рассматриваться как органы прямого восприятия, пусть даже и фрагментарного; и благодаря свету, который эти органы интуиции принимают сквозь прозрачную преграду, душа может быть названа носительницей веры, которая в конечном счете есть эта непоколебимая уверенность.

Заключая эту главу и в качестве предисловия к следующей, посвященной доктрине, которая как все мистические доктрины предполагает, по крайней мере, потенциальную уверенность души — иначе семя «упадет на каменистую почву» — давайте рассмотрим три ступени уверенности согласно определениям суфизма[13]. Божественная истина символизируется элементом огня. Три ступени в порядке восхождения образуют Предание Уверенности (*'ilm al-yaqin)*, Око Уверенности (*'ayn al-yaqin)* и Суть Уверенности (*haqq al-yaqin)*. Предание есть та уверенность, которая возникает благодаря описанию огня; Око есть уверенность, которая приходит в результате созерцания пламени; Суть же есть та уверенность, которая приходит после того, как сгоришь в огне. Эта последняя ступень представляет собой уничтожение (*fana')* всякой инаковости и — как следствие —реализация Верховного Тожества. Вторая ступень — знание Сердца, ибо Око, которое видит, это и есть Сердце. Что до Предания, то это рассудочное понимание, которое поднято на уровень уверенности органами интуиции, окружающими Сердце; одно из назначений доктрины состоит в том, чтобы пробудить эти органы и сделать их деятельными.

1 — Высказывание Абу-ль-Хасана Фушанджи в X веке, примерно через 300 лет после Пророка.

2 — Kashf al-Mahjub, гл. 3.

3 — Смысл последнего слова в арабском языке обозначается двояко: sufiyyah и mutasawwifah, в европейских же языках суфий обычно подразумевает и то и другое. Строго говоря, первое арабское слово имеет в виду тех, кто достиг цели, а второе — тех, кто еще на пути. Есть также и третий термин — mustaswif, тот, кто стремится стать на путь.

4 — «Символизм креста».

5 — Астрологически солнце пребывает «в достоинстве» в знаке Льва и «в возвышении» в знаке Овна.

6 — В этом качестве он часто изображается находящимся на вершине горы.

7 — Автор — Абд ар-Раззак аль-Кашани, ошибочно приписывался Ибн Араби.

8 — Шейх Ахмад аль-'Алави.

9 — По-арабски tawhid, реализация единственности.

10 — Лейла — имя одной из величайших героинь Ближнего Востока, буквально значит «ночь», употребляется суфиями для обозначения тайной Божественной сущности.

11 — Павший человек, предоставленный самому себе, мучится перед неразрешимым выбором между рассудочным и чувственным видами знания: он знает, что рассудочное выше, чем чувственное и должно соответственно цениться, но он также знает, что низшее знание обладает интенсивностью и прямотой столь нехватающих рассудку. Доктрина знающего Сердца объясняет все, но если этой доктрины нет, и если нет ее преддверия — веры и соответствующих вере добродетелей, в особенности терпения перед лицом непостижимого и скромного упования на Провидение, то тогда религия кажется ложью, и душа оказывается на краю дилеммы между лицемерием и чувственностью.

12 — «Прохлада глаз» — вошедшее в поговорку арабское выражение, обозначающее крайнее наслаждение. Страдательный залог здесь важен; Пророк как бы говорит: мне было предназначено любить ароматы, женщин и молитву.

13 — «Книга Уверенности», которую мы упоминали, основана как раз на этой доктрине трех ступеней.

Фарид-уд-Дин 'Аттар

ИЗРЕЧЕНИЯ ШЕЙХА МАНСУРА ХАЛЛАДЖА

Глава из книги «Мемориал святых»

Хусейн бен Мансур Халладж, прозванный Абуль-Гайтс, был предан смерти у Аркадских ворот в Багдаде во вторник 5-ого зулькада 309 года хиджры (921-922 гг. Х.Э.).

Тот, кто стал мучеником на пути истины; тот, кто возвысился рангом; тот, который был внутри и снаружи чист; образец верности в любви, которого неудержимая склонность влекла к созерцанию Божьего лика, этот экстатический Мансур Халладж, да помилует его Аллах! Он был весь опьянен любовью, чье пламя его пожирало. Чудеса, которые он творил, были таковы, что все ученые прибывали от них в оцепенении. Это был человек с возвышенными целями, с загадочными словами, глубоко сведущий в науке таинств. Уроженец уезда Бейза в Ширазе, он получил начальное образование в городе Васид.

Абд Аллах Хафиф говорил: «Мансур действительно обладал знанием истины». «Я и Мансур, заявлял Шибли, мы следовали одним путем; меня называли безумцем и я жив и здоров, в то время как Мансур погиб, ибо обладал здравым смыслом». Если бы Мансур был всего лишь заблудшим, оба процитированных ученых не говорили бы о нем в таких словах.

Тем не менее многие улемы упрекали его в том, что он пошел ложной дорогой, некстати открывая непосвященным тайные истины.

Он оставался в течение двух лет на службе Абд Аллаха Тустари. Затем он отправился в Багдад, потом в Басру, где полгода провел на службе у Омара бен Османа Макки. Абу Якуб Акта выдал за него свою дочь. Омар бен Осман был этим не доволен, и Халладж вернулся из Басры в Багдад, где Джунейд поселил его в уединении. Через некоторое время он отправился в Мекку, где около года провел подле Каабы. Потом он вернулся в Багдад и Джунейд принял его в своем доме. Когда Мансур начал задавать ему вопросы по поводу многих трудных и неясных вещей, Джунейд ему сказал: «О Мансур! Недалеко то время, когда ты заставишь покраснеть изголовье дыбы. — В тот день, когда я заставлю покраснеть изголовье дыбы, ответил Мансур, ты сбросишь одежду дервиша, чтобы одеться как простой смертный». Рассказывают, что в день, когда Мансура поволеки на дыбу, все улемы составили юридический акт, объявлявший необходимым предать его смерти. «Следует, чтобы и Джунейд написал свой приговор», сказал халиф. Джунейд немедленно отправился в медресе, где, одевшись как мулла и повязав тюрбан, он дал письменное заявление, что, хотя по видимости Мансур и заслуживает смертной казни, внутренне он обладает знанием Всевышнего Господа.

«Страсти по Халладжу» — афганская миниатюра XVII века

Покинув Багдад, Мансур провел год в Тустаре; Потом провел пять лет в путешествиях по Хорасану, Сейстану, Семизкенту и Туркестану. Его прозвали Халладж*, потому что однажды, увидев в амбаре еще не тронутый сырец, он едва лишь сделал знак, как повелением Господа семена были просеяны.

Надев хырку**, он отправился к Каабе в сопровождении большого числа дервишей. Там он совершил столько чудес, что Якуб Нехер-Джури назвал его колдуном.

Потом он отправился в Хиндустан и оттуда добрался доТуркестана и Китая, где обратил в Ислам множество людей, которым дал наставления в вере. Вернувшись к Каабе, он оставался там в течении двух лет в качестве муджавира***. Именно тогда деятельность его стала все больше и больше расширяться. Люди, не понимавшие его слов, изгоняли его из многих городов, хотя и были очарованы его красноречием и делами. На протяжении 24 часов он читал намаз из 400 ракатов и, принимая самые жесткие испытания по умерщвлению плоти, он делал общее омовение перед каждым обязательным намазом. До 50-ти лет он не изменял этой практике. В течение 20-ти лет он ни разу не снял с себя хырку. Однажды, когда его заставили сделать это силой, в ней обнаружили множество блох, каждая величиной с горошину. В другой раз кто-то, увидев рядом с Мансуром скорпиона, хотел его убить, но шейх помешал, сказав, что этот скорпион живет рядом с ним уже 14 лет.

Рашид Самарканди рассказывает, что когда Мансур был в пути к Мекке с 400 суфиями, те заявили ему в один прекрасный день: «О Мансур! Мы испытываем нужду в хлебе и жареных бараньих головах».

— «Садитесь друг за другом,» — ответил Мансур. Когда он их всех усадил и сам занял место рядом с ними, он провел рукой за собой и дал каждому по два хлеба и жареной бараньей голове; иными словами, он раздал им 400 голов и 800 хлебов. «Теперь нам нужно свежих фиников,» — сказали суфии. «Тогда потрясите меня, — ответил им Мансур, — потом соберите и съешьте все финики, которые упадут». Они тогда потрясли Мансура и финики посыпались на землю. Их собрали, съели и насытились. На протяжении всего пути финики в изобилии сыпались из каждого колючего куста, к которому прислонялся Мансур, садясь. Другой раз на пути к Каабе суфии пожелали фиг. Мансур, протянув руку к небу, принял свежие фиги на блюдо и дал им. А однажды им захотелось халвы, и Мансур взял ее из воздуха, положил ее на блюдо и протянул им. Наконец он достиг Мекки, где провел год, стоя перед мечетью. Из-за жары кожа отставала от его тела, жир топился и тек на землю, но он не двигался. Каждый вечер он заканчивал пост кусочком хлеба и глотком воды. Через год он поднялся на гору Арафат и вскричал: «Господь мой, дай мне смирение и благодарность!»

Мансур говорил: «Кто отрекается от этого дольнего мира, видит свою чувственную личность, возвышающуюся до аскетизма. Но кто отказывается от самого себя, тот видит свою душу, возвышающуюся до аскетизма».

Тем временем мощь его воздействия росла изо дня в день. Мансур начал говорить: «ана-л-хакк» (я есмь Истина). Халифу передали эти слова; и многие отреклись от Мансура и встали в позу обвинителей против него. «О Джунейд! — сказал халиф, —Что означает сие высказывание?» — «О халиф, — ответил Джунейд, — позволь придать смерти этого человека, ибо разумно этого высказывания объяснить нельзя». И тогда халиф приказал заключить его в тюрьму. Там он еще в течение года продолжал дискутировать с учеными. Тогда халиф запретил кому бы то ни было наносить ему визиты, вследствие чего за пять месяцев никто у него не был, не считая Абд Аллаха Хафифа, единственный раз зашедшего к нему лично. Другой раз Ибн Ата послал кого-то к нему со словами: «О шейх! Раскайся в этом высказывании, дабы избежать смерти». Халладж вскричал: «Пусть кается тот, кто прислал тебя с этим предложением!» Ибн Ата, услышав это, залился слезами и сказал: «Погиб Хусейн безвозвратно!»

Передают, что в первую ночь заключения, когда к нему пришли, то не нашли его в тюрьме. Во вторую ночь не увидели ни его, ни тюрьмы. На третью ночь его увидели в тюрьме и спросили: «Где ты был в первую ночь? И во вторую, где были ты и тюрьма?» — «В первую ночь — ответил он, — я был подле Величайшего; вот почему я не был здесь. Во вторую ночь Величайший пребывал здесь, вот почему мы были невидимы, тюрьма и я. Сегодня, в третью ночь, я отослан сюда, чтобы свершился писаный закон; так что делайте то, что вам положено!»

Рассказывают, что в течение ночи и дня он совершал в тюрьме молитву из тысячи ракатов. «Но однако, — заметили ему, —ты, имеющий претензию быть Богом, кому же ты адресуешь эти молитвы?» — «Что до нас — отвечал он, — то мы прекрасно знаем себе цену».

Передают, что в тюрьме, где его закрыли, содержалось триста человек. С наступлением ночи он им сказал: «Эй! Заключенные, я вас освобожу». — «Почему бы тебе самому не освободить себя?» — ответили они. «Что до нас, — ответил он, —то мы в узах Господа; наше спасение для нас состоит в испытаниях. Если бы мы захотели, нам хватило бы знака, чтобы все эти оковы распались». После чего он сделал знак своим пальцем, и все узы упали одновременно. «Но куда же мы пойдем, — сказали заключенные, — двери-то закрыты». Он сделал новый знак, и двери открылись. И тогда исчезли стены и появились деревья. «Теперь спасайтесь!» — «И ты иди с нами!» — «Между Им и нами тайна, о которой можно говорить лишь с посвященными!» На следующий день у него спросили, куда делись заключенные. «Я их освободил», — ответил он. «Но почему же ты не ушел с ними?» — «Потому что у Господа есть еще кое-какие упреки в наш адрес». Халиф, которому доложили о том, что произошло, сказал: «Этот человек возбудит беспорядки, следует его умертвить или же бить палкой до тех пор, пока он не откажется от того, что он сказал». И пленнику дали 300 ударов палки, чтобы вынудить его взять назад свои слова. Однако, во время избиения явственно слышался голос, который говорил: «Не бойся ничего, о Ибн Мансур!» «Что касается меня, — говорил Абд аль-Джалиль Саффар, — я больше верил в того, кто наносил удары, чем в Хусейна, ибо по истине нужно было, чтобы первый черпал великую силу в законе, чтобы, несмотря на этот голос, слышимый столь ясно, продолжать бить недрогнувшей рукой». Позднее Хусейна повели, чтобы придать его смерти. Толпа по меньшей мере в сто тысяч людей окружала его, и он, обводя вокруг себя взглядом, восклицал: «Исмтинно! Истинно! Истинно! Я есмь Истина!»

Рассказывают, что в этой толпе был дервиш, который его спросил: «Что такое любовь?» — «Ты увидишь ее сегодня, —ответил он, — и еще завтра, и еще послезавтра». Действительно, в этот первый день его казнили, во второй сожгли, на третий день развеяли пепел по ветру. Таковы воздействия любви!

Перед казнью его слуга спросил у него последнего совета. «Старайся, — ответил ему Мансур, — занять свою чувственную индивидуальность чем-нибудь законным, иначе она вынудит тебя заниматься незаконным; а уметь управлять собой, есть достояние святых». В свою очередь его сын попросил у него последнего совета. «В то время как люди этого мира расточают все свои усилия на земные дела, ответил он, займись тем, чья мельчайшая частица стоит дороже, чем все производимое как людьми, так и джиннами, я имею в виду науку Истины».

Потом, когда он с гордым видом продолжал свой путь на эшафот, ступая легким шагом сыщиков и воров, хотя на нем и висело шестнадцать тяжелых кандалов, его спросили, к чему эта легкая походка. «Это потому, — ответил он, — что я являюсь ко Двору Небесному». После чего он издал крик и сказал: «Мой друг по блаженству, у которого нет ничего от несправедливости, предложил мне напиток, который обычно предлагают гостю; но когда чаши пошли вкруговую, он потребовал меч и ковер крови; и вот что случается с теми, кто пьет старое вино, когда знак Дракона встречается с июлем (в самую жару)». Когда его подвели под эшафот, он повернулся в направлении Bab el — Taq[1] и поставил ногу на лестницу. «Что это значит?» — спросили его. «Это значит, — ответил он, — что эшафот для меня — ступенька в небо». Потом он препоясался поясом с тайлесаном (род покрывала) на плече и воздел руки к небу. Потом, обратившись к Мекке, сказал в сердечном порыве: «Пусть будет так, как Он захотел!» Когда он поднялся на эшафот, толпа его учеников закричала: «Что ты скажешь о нас, твоих учениках и о тех, кто от тебя отреклись и теперь забросают тебя камнями?» — «Тем награда двойная, — ответил он, — а вам одинарная, потому что вы ограничиваетесь добрым мнением обо мне, в то время как теми движет сила

их веры в единство Бога и строгость писаного Закона. Единство же есть самый корень закона, в то время как доброе мнение — только отросток».

Рассказывают, что в юности он был склонен к гордыне:«Смотри,— сказал он своему слуге,— как тот, кто гордо вскидывал голову, в конце концов смиренно опустил взгляд!»

Шибли стоял напротив него; он ему крикнул: «Разве мы не удерживали тебя от всего света?»[2] Потом он добавил:«Халладж! Что такое суфизм?» — «Ты видишь наименьшую часть его»,— ответил Халладж. «А какова же наивысшая?» — продолжил Шибли. «Ты не можешь иметь туда доступа!» После этого все бросились кидать в него камни. Шибли заодно с остальными швырнул в него грязью. Хусейн Мансур вскрикнул. «Вот как! —сказали ему, — ты не дрогнул перед градом камней, а кричишь от комка грязи! Что это значит?» — «Ах! — ответил он, — этих можно простить, ибо не ведают, что творят; но он причинил мне боль, ибо знает, что не должно в меня бросать!» После этого ему обрубили руки. Он засмеялся. «Почему смеешься?» — спросили его. «Не трудно оставить руку, которая закрыта для всех; но истинное мужество — обрубить эти привязи, которые приковывали меня к атрибутам божества и отвращали мой дух от созерцания его сущности». После этого ему отсекли обе ступни. Он начал улыбаться, говоря: «Этими ногами я проходил мой земной путь; теперь у меня есть нога, способная нести меня в обоих мирах; отрубите-ка и ее, если сможете!» Потом он потер свое лицо обрубленными запястьями, залив кровью предплечья и лицо. «Почему ты делаешь это?» — спросили его. «Я потерял много крови», — ответил он, и поскольку мое лицо побледнело, вы вообразите, что это от страха. Я залил лицо кровью, чтобы казаться вам румяным, ибо те, у кого яркий цвет лица, обязаны этим своей крови, а не румянам». — «С лицом понятно, но зачем ты окровавил предплечья?» — «Я делаю омовение» — «Какое омовение?» — «В любви есть два рак'ата, для которых годится только омовение, сделанное кровью сердца». После этого ему вырвали глаза. Тогда жуткий шум поднялся в толпе: одни рыдали, другие швыряли в него камни. Когда дошло до отрезания ему языка, он вскричал: «Подождите немного, я должен кое-что сказать!» После чего, подняв лицо к небу: «Боже мой, сказал он, во имя тех страданий, которые они мне причинили из-за Тебя, не поражай их немилостью, не лишай их своей доли блаженства. Будь благословен за то, что они отрубили мне руки и ноги из-за следования Твоим путем! Вот на этом лобном месте моей казни я созерцаю Твою славу». После этого ему отрезали уши и нос и бросили в него камни. Старуха, державшая в руке лоскут, приблизилась, и, разглядев его, закричала: «Бейте сильнее, чтобы этот краснобай знал, во что обходятся таинственные речи!» Последними словами Халладжа было: «Мне Единый, который единственен!» Потом он прочитал этот аят: «Те, которые не веруют, торопят его /час/; те, которые веруют, трепещут, помня о нем, ибо знают, что он неминуем».[3] Тогда ему отрезали язык, и он улыбнулся. Был час вечернего намаза, когда ему отсекли голову. Он улыбался в этот момент и испустил дух. Вся толпа присутствующих издала долгий вопль. Вот так Хусейн принял со смирением повеление судьбы, в то время как ото всех частей его тела раздавался голос, говоривший: «Я есмь истина!» На следующий день его враги, считая, что это чудо причинит больше беспорядков, чем было при его жизни, сожгли его останки. Но из пепла еще звучал таинственный голос, который говорил: «Я есмь истина». Более того, во время его мучений изливавшаяся кровь ясно начертала слово «Аллах» на земле.

Хусейн Мансур говорил своему слуге: «Когда бросят мой пепел в реку, ее воды столкнутся меж собой, словно готовясь затопить Багдад. Тогда брось мой плащ на берег, и тотчас воды успокоятся и вернутся в прежнее состояние». На третий день, когда бросили в поток пепел Мансура, голос продолжал исходить оттуда, говоря: «Я есмь Истина». Воды начали волноваться, но когда слуга положил на берег плащ Мансура, они улеглись, и пепел умолк. Тогда собрали все, что от него оставалось, и сложили в место последнего пристанища.

Такая степень таинственной мощи никогда не была присуща кому-либо из следовавших духовным путем. Аббаса Туси — да смилуется над ним Аллах — говорил: «В день Воскресения приведут на поле суда Мансура в цепях из света; ибо, если он не будет скован, то внесет смуту во все это гигантское собрание и распространит в нем хмельной беспорядок».

Некто почтенный рассказывал: «Вечер того дня, когда увели Мансура на казнь, я остался у подножья дыбы до зари, и тогда я услышал голос, который говорил: «Когда Мы доверили Мансуру Наш секрет, он осмелился его разгласить, и вот воздаяние тому, кто разглашает секреты своего Монарха!»

«Однажды ночью,— рассказывал Шибли,— когда я молился на могиле Мансура, я вскричал в сердечном порыве: «Господь мой, твой раб, который покоится здесь, был верным и просветленным! Почему ты его подверг столь жестоким испытаниям?» Тут же сон овладел мною и я забылся. Господь сказал мне во сне: «Мы ввергли Мансура в испытание, потому что он открыл Нашу тайну непосвященным».

«В другой раз, рассказывал он еще, я увидел Мансура во сне и спросил его: «О Мансур! Что сделал Всевышний Господь с теми людьми, которые предали тебя смерти?» — «Всевышний Господь, ответил он, помиловал тех, кто, зная меня, сострадали мне, как и тех, кто, не зная меня, били и предали меня смерти: Он помиловал первых, потому что они щадили меня в Его честь, а вторых, потому что они били меня тоже ради Него».

Когда влекли Мансура на дыбу, Иблис, приблизившись, спросил его: «Как получилось, что ты, совершив акт себялюбия, помилован от Господа, в то время как я от Него проклят?» —«Это потому что ты, совершая акт себялюбия, имел в виду только себя, в то время как я не имел в виду никого, кроме Всевышнего!»

* *чессальщик хлопка (араб.)* ***прим. пер.***

** *орденское одеяние (араб.)* ***прим. пер.***

*** *подвижника (араб.)* ***прим. пер.***

1 — Название большого квартала на западе Багдада.

2 — Коран (XV, 70). Речь идет здесь о посланных Ибрахима, которых Лут принял у себя несмотря на запрет соотечественников. Шибли, прилагая этот аят к Хусейну, видимо, упрекает его за привлечение себе учеников.

3—Коран, (XLI, 17) в переводе Крачковского.

«Торопят с ним (часом) те, которые не веруют в Него. А те, которые веруют в Него, боятся его и знают, что Он —истина».

Сергей Дунаев

С ними оружие, но с нами Бог

Боснийское сопротивление на страже славянства

Теперь отечественные правые издания говорят о боснийской войне все более откровенно и менее «романтично». Теоретик российских коммунистов С. Кургинян, например, прямо заявил, что «в Сербии сражается армия « («Наш современник», №2). Это — правда, так долго шедшая до России, где сложился своего рода романтический стереотип, повествующий о благородной и героической войне, которую ведут сербские партизаны для защиты своих селений. Для нас было нормально сочувствовать малым, несогласным, слабейшим (а с действительно героическими благородными сербами мы солидарны и поныне), но дело-то именно в том, что в Боснии воюет **сербская армия**, в то время, как действительно малые несогласные, слабейшие («слабое войско» по учению Дао — «малый отряд» согласно Корану) —это боснийские мусульмане. В сегодняшней югославской войне они являют собой пример самоотверженного героизма чисто духовного измерения. Лишенная союзников, Босния держится под натиском двух региональных сверхдержав — Сербии, унаследовавшей практически всю армию бывшей Югославии, а теперь и Хорватии, за которой стоит влиятельное европейское (прежде всего германское) лобби. Боснийские **партизаны** воюют против превосходно вооруженных **армий**. Но боснийцы защищают не только свою землю, за ними совершенно особая славянская судьба. Боснийцы — единственный славянский народ, исповедующий ислам. В судьбе его воплотился славянский восточный путь. Две особенности радикально отличают Боснию и позволяют говорить о «боснийском исламе» как о цельном и самобытном явлении — это, во первых, его «почвенность», многовековая укорененность именно в сельской среде, где религия становится ссdefinition основанием народной культуры. Да, в других странах Европы (во Франции, например) присутствует ислам элитарный, воспринятый на уровне национальной элиты. Но такая религия, лишенная народного основания, не может быть перспективной в общенациональном смысле. Во-вторых, за время правления в Боснии австрийских королей, православных сербских монархов и коммунистов — от Тито до Марковича — боснийский ислам не исчез с лица земли (что, кстати, опровергает версию о его насильственно внедренном характере). Более того, он сохранился, причем подчас в самых экзотических, чисто духовных модификациях (как то тарикат Бекташия, запрещенный в кемалистской Турции). Лишенные формального богословского образования, изолированные коммунистическим режимом от мировых исламских центров, боснийцы вопреки всему сохранили свою исламскую идентичность. Пародоксальным образом (как это и должно происходить в провиденциальном контексте) «неформальный» — по большей части — боснийский ислам является ныне великим духовным явлением, обладающим сильнейшим пассионарным зарядом. Боснийские моджахеды держатся подобно своим афганским и алжирским братьям, мужественно противостоят амбициям белградских коммунистов (которые сейчас изображают из себя «православных националистов»). Быть может, в Боснии сегодня началось новое «восстание против истории» — второе за наше время после иранской революции... В лице боснийского ислама мы имеем совершенно уникальную европейскую перспективу, духовный и культурный феномен, не имеющий аналогов в европейской

«Не слабейте и не печальтесь в то время, как вы стоите выше, если вы из верующих»
(Коран, 3:139)

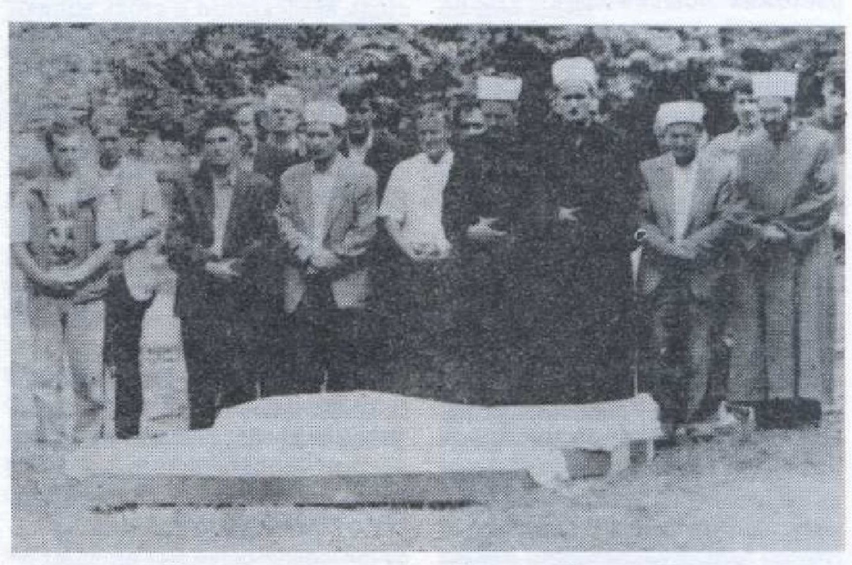

Страдания Боснии — упрек «мусульманским» лидерам.

действительности. Он глубоко провиденциален и самобытен (вопреки разным выдумкам — это не турецкое заимствование). Боснийский народ пришел к «чужому» исламу именно в силу своего внутреннего христианского чаяния. До этого боснийцы были патаренами — приверженцами гностического учения, восходящего к восточным раннехристианским праобразам (отвергнутым официальной церковью). Европейская инквизиция знала, сколь стойки патарены и им подобные секты в своей вере и насколько они готовы подтвердить свою стойкость костром — и она бы не поверила в то, что целый народ могли заставить изменить этой религии какие-нибудь янычары. Нет, переход боснийцев в Ислам был вызван именно глубинными причинами. Боснийцы стремились реализовать мистическое, нецерковное, первозданное христианство; страсть к таинствам, лишенную всякой санкции духовенства, кесарей и палачей государства; достигнуть нонконформистского страстного идеала веры, не содействующей кесарю, но низвергающей его. Они хотели найти адекватную этим стремлениям интерпретацию христианства, которая подразумевала бы постоянную реальность мистического Откровения Святого Духа — такой интерпретацией (обладающей трансцендентальным авторитетом) изначально и является «аравийский» ислам. При всем этом боснийская уникальная религиозная действительность остается реально славянской, связанной со славянской стихией, славянским небом, славянской космической мистерией, с южнославянским сонмом святых — в южной Славии особенно почитаем героический святой — Георгий, «зелени Юрай», мусульманский Джирджис.

«Славянский ислам», или шире — «европейский ислам», реализованный в Боснии — это высокий метафизический выбор, одно из конкретных воплощений изначальной революционности Традиции. Боснийцы отстаивают иную славянскую реальность, перспективу, уклад, обычай, свою Провиденцию. Именно они охраняют сегодня славянскую полифонию, многоцветие миров, языков и народов. Сегодня в югославской войне пытаются уничтожить альтернативную славянскую идею — и сделать это руками православных. Наивно, однако, полагать, что осуществляется это во имя православия. Боснийцы лишь первые стоят на пути мертвого потока, готового превратить всю южнославянскую общность, в том числе и православных сербов, во множество враждебных стремлений, в пространство тотальной войны. Исключение иных путей славянства, противопоставление его миссий работает в актив мондиалистского проекта, ведущего европейские народы ко всеобщему усреднению, упрощению, полагая целью истории одновременное социальное пространство, в котором все отличия будут нивелированы, а разнообразные национальные реальности взаимно исключены.

И, наконец, боснийский ислам действительно специфичен, особенно в своих «неортодоксальных», экстатических, суфийских проявлениях. На боснийских землях сложилась мусульманская общность, обладающая вполне европейской ментальностью, сознающая себя частью единого исламского пространства и одновременно — Восточной Европы, славянского мира. Это европейская реальность ислама непривычная для большинства мусульман (скажем, из арабских стран). Но такая несхожесть совсем не говорит об «эфемерности» боснийского ислама — свой мусульманский дух боснийцы ежедневно свидетельствуют общенациональным джихадом на полях сражений.

Мусульманские похороны в Сараево: «Хвала жеТому, в руке Которого власть надо всем, и к Нему вы будете возвращены (Коран, 36:83)

Такая несхожесть подчеркивает исламский универсализм, по разному проявляющийся в разных цивилизациях. В данном случае — это славяно-мистическая его реализация.

В Боснии, несмотря на гражданскую войну, которая ведется по конфессиональному принципу, особенно ярко проявляется исламо-христианская провиденциальная связь, которую можно назвать «единством авраамической традиции».

Босния совершенно уникальна. Вероятно, на ее земле возникает новая форма живого, революционного Ислама, способная стать началом будущей великой цивилизации... Это может представляться нереальным, но — «Дух дышит, где хочет». Боснийская война — это также знамение новой эпохи, в которой эсхатология начинает заменять обычную геополитику.

Гейдар Джемаль

ЗАГОВОР МОДЕРНИЗАТОРОВ

Банализация как идеология перестройки

В перестроечной прессе 1989-90 гг. обычным делом было разоблачение (иногда даже в форме интеллектуальной самокритики) так называемых мифов перестройки. Этим были заняты и «правые» и «левые». Действительно, за долгие десятилетия хрущевско-брежневского периода общественное мнение накопило огромное количество прописных истин, общих мест, расхожих общеинтеллигентских конвенций, построенных, как правило, от обратного к штампам застойной пропаганды. Все эти контр-штампы были вербализированы, обкатаны в гласной публицистике 1987-89 гг. Позднее эта проявленная форма альтернативного советского сознания стала представлять собой материал для демонтажа, критики, уточнений, разоблачений, т.е. всех тех публицистико-информационных операций, которые гипнотизируют общественное мнение, позволяя уклоняться от реальных тем и их адекватной трактовки «в лоб». Ни одно из критических разоблачений перестроечных мифов (о рынке, о советах, об эффективности парламентаризма и т.д.) даже не пыталось подойти к действительно интересным вопросам: Что такое большевизм? Чем на самом деле была КПСС и в какой мере она действительная наследница ленинской РСДРП? В какой мере пресловутое противостояние Восток — Запад было на деле результатом сознательного сговора между американизмом и советизмом. Но самое типичное в практике перестроечной публицистики было то, как она избегала ответа на вопрос: «Почему вообще началась перестройка?»

На самом деле именно в этой проблеме содержится ключ к загадкам современной истории. Именно здесь можно нащупать один из наиболее ярких и вместе с тем наиболее тревожных парадоксов нашего времени. Поэтому типичным подходом масс медиа к теме «почему перестройка?» оказывалась банализация любой ценой, снятие даже привкуса парадокса. Лидировали в этой области рассуждения о «давно назревших тенденциях», о невозможности продолжать так дальше и т.д. Все это столь неадекватно и столь вопиюще не соответствует фактам, что пропаганда предпочитает не касаться этой темы вообще.

А был ли кризис общества?

Внутри советского общества (как это прекрасно известно всем, имевшим советское гражданство до 1985 года) не было решительно никаких предпосылок для радикальной переориентации. Литературно знаменитый 1984 год характеризовался полным исчерпанием оппозиционной энергии, возможностей открытого нонконформизма. Если брать неформальные силы общества в самом широком спектре — от шизоидно-богемных интеллектуалов, чьей представительской фигурой был полуподпольный (сейчас вполне истеблишментский) писатель Юрий Мамлеев до чисто политических диссидентов, ориентированных на академика Сахарова — они с 1972 до 1984 года прошли такой путь разложения, распада, разочарования и приспособления, что говорить о них, как о политическом факторе в предперестроечное время нельзя. Это, кстати, подчеркивается тем обстоятельством, что лидирующими фигурами перестройки сразу же стали истеблишментские деятели, которые и до ее начала были у дел. Старые же нонконформисты вылезли не сразу, а лишь на четвертом году горбачевской эры. Только в 1989 стала популярна тема «шестидесятников» и того, что они якобы сделали, чтобы нынешнее время стало возможным.

Но дело в том, что даже когда нонконформисты еще были политическим фактором (1956-68), это был очень второстепенный хорошо контролируемый фактор. Если вынести за скобки искренние иллюзии и доходящее до мании величия самообольщение, существовавшее на периферии в низах «параллельного общества», остается факт постоянного рабочего диалога между верхами диссидентуры и истеблишментом режима. Только наивные не осведомлены, что обмен людьми и идеями существовал между востоком и западом всегда. Достаточно сказать, что радиостанция «Свобода», ставшая в СССР символом «серой» пропаганды и подрывной деятельности, постоянно контролировалась Комитетом с полного ведома и согласия как ЦРУ, так и самих сотрудников «Свободы».

«Измена» разведчиков, переходящих на сторону противника,на самом деле является одной из старейших форм делового сотрудничества между соперничающими разведцентрами, составляющими интернациональный «джентльменский клуб». Но это отдельная тема.

Реалистическое чувство требует признать, что никаких признаков катастрофы не ощущалось и в экономике. Сейчас, когда муссируется тема застойно-советского паразитирования на природных ресурсах, трудно встретить хотя бы вскользь брошенную информацию о реальных масштабах промышленного экспорта СССР, в котором, конечно, лидировал ВПК.

В 1990 году СССР вывез товаров на общую сумму $102 млрд.

Примерно четверть американского и германского экспортов.

Однако СССР был крупнейшим

экспортером оружия (в 1984 году примерно на $25 млрд.). Только ежегодные закупки Ливии ($4 млрд.) покрывали половину стоимости хлебного импорта ($ 8 млрд). Так что о каком-то «проедании» ресурсов говорить можно лишь с оговорками: это было сложное, многоступенчатое «проедание», причем речь идет о ресурсах всего «третьего мира», чей экспорт на Запад (ибо откуда та же Ливия могла получить доллары для советского оружия?) обеспечивался через посредничество советской экономики. Таким образом, мир 60-80-ых годов был остроумно организованным механизмом, где Запад сбывал остаточный продукт соцлагерю, а тот, в свою очередь, уже свой остаточный продукт третьему миру. Такая система сознательно поддерживалась заинтересованными сторонами через искусственное завышение цен на западную продукцию и занижение на советскую. В начале 80-ых за стоимость одного американского танка можно было приобрести три советских. Стало быть, не было ни массового недовольства, ни катастрофического провала в экономике. Консенсус советского общества в середине 80-ых был оптимальным. Даже андроповские массовые облавы на граждан в банях и кинотеатрах были встречены либо с циничным безразличием, либо с одобрением. Конформизм не имел границ. Практически все процессы внутри страны были управляемыми.

Во внешней политике видимое противостояние сверхдержав набирало размах еще и через год после прихода Горбачева. На «Першинги», оккупацию Гренады, охоту американских ВВС лично на Муаммара Каддафи советская пропаганда отвечала в жестком тоне.

И вдруг в недрах советского режима что-то сломалось.

Были ли оппоненты у перестройки?

Благодаря легкой гипнотизируемости общественного мнения, штамп о «врагах перестройки» оказался прочно укорененным в сознании рядового обывателя. В действительности, сама идея таких«врагов» весьма амбивалентна. «Слева» шла критика в адрес т.н. консервативных сил — партаппарата, великодержавников, которые противостоят демократическим завоеваниям. Но «справа» эти завоевания критиковались как издержки перестройки. Можно, конечно, рассматривать эту формулировку, как защитно-демагогическую, которая лишь прикрывала ненависть «правых» к перестройке в целом. Однако, это только «левая» мифологема. В действительности, в течение всего периода горбачевских реформ в стране не было реакции в собственном смысле слова, т.е. сил, которые бы стремились восстановить доперестроечный status quo. (Речь идет, разумеется, о силах, а не о частных лицах, чьи мнения и пожелания ничего не стоят).

На самом деле между «правыми» и «левыми» шла борьба не«за» и «против» перестройки, а за овладение ее перспективами, за то, чтобы пройти экзамен на финальное историческое выживание именно в этих перспективах. Только такой подход дает ключ к расшифровке в общем-то загадочного для непосвященных перестроечного жаргона, начиная от «плюрализма» и перехода от «классовых ценностей» к «общечеловеческим» и кончая знаменитым «главное начать». Не случайно, все руководители КПСС, включая наиболее одиозных, постоянно подчеркивали, что именно они и были инициаторами перестройки. Общественное мнение не было склонно фиксировать заявления такого рода; их отбрасывали в «бумажную корзину» привычного коммунистического словоблудия. Хотя все ЗНАЛИ, что перестройка началась сверху, но никто в это НЕ ВЕРИЛ. Точнее, «врагов» была запущена мифологема, что перестройку начал один Горбачев, «перехитривший всю партию, но, якобы, и он не знал, куда она зайдет».

В какой-то момент кризиса союзного президентства (1990 г.) заместитель Председателя Верховного Совета Белоруссии предложил Горбачеву признаться, что он не знает, как быть дальше.

Это типичный пример банализации действительности вопреки фактам и логике; банализации, которая избавляет общественное мнение от проблемного видения действительности.

Когда началась перестройка?

В практике пропагандистской манипуляции фактами нет мелочей. 1985 год стал годом-символом, сравнимым лишь с 1917-ым. Понятно почему: во-первых, будучи годом прихода Горбачева к власти, он работал на концепцию уникальной миссии «генсека-антикоммуниста». Во-вторых, будучи следующим за 84-ым, который немало мифологизирован в свою очередь, он подкреплял установившуюся традицию, соответствовал банально ориентированному мировосприятию. Однако в самом 85-ом не произошло никакого видимого разрыва с советской политической преемственностью. Не произошло такого разрыва и в следующем году, несмотря на очень осторожное введение понятия «гласность»...

Подлинный поворот к тому, что происходит сейчас, причем не только в СССР, но и во всем мире, начался лет за 6 до XXVII съезда. И начался он, как ни

странно это может показаться на первый взгляд, с вторжения Китая в приграничные территории Вьетнама. В XX веке дорогостоящие и амбициозные авантюры стали наиболее эффективным способом деморализовать, скомпромитировать, а в итоге и устранить пошедшие на них режимы. Они превратились в некие увертюры к «перестройкам» как регионального так и мирового масштаба.

Итак, в 1979 году Китай сделал первый шаг к своей «перестройке», предприняв одну из самых оперативно неорганизованных, политически абсурдных операций подобного масштаба в современной военной истории. Это было концом декларативного маоизма и началом эры прагматиков.

В том же году, только в самом его конце, на десять месяцев позже китайцев СССР приступил к аналогичной акции, осуществив вооруженное вторжение в Афганистан. У этой акции, конечно, было много настоящих недекларативных целей (в том числе, участие в глобальной дестабилизации исламского мира: не забудем, что 1979 был годом Исламской революции в Иране, против которого почти одновременно с советским захватом Кабула при массивной поддержке СССР и Запада начал боевые действия Саддам Хуссейн;учтем также, что следующим кандидатом на исламскую революцию был Пакистан), однако главной целью ставилось создание предпосылок для перестройки.

Война, ведомая Западом руками арабских секуляристов, против исламского Ирана и непосредственное участие СССР в войне против мусульман Афганистана (а фактически и против Пакистана) необычайно интенсифицировали процессы глобального характера, меняющие суть эпохи.

«Из рукава иракского правительства высовывается американский кулак». Аятолла Хомейни.

В эти конфликты, именуемые масс медиа «локальными» и присутствующие где-то на периферии обыденного внимания, было на самом деле вовлечено прямо или косвенно сознание, психика, кровь, жизненная энергия сотен миллионов людей. Началось гигантское

АндрейГромыко — один из авторов афганской авантюры

перемещение капиталов и кредитов. Сотни миллиардов нефтедолларов, авансированных Ираку, финансировали то, что журналистами называется «технологический прорыв постиндустриального Запада», а на деле является технологическим обеспечением нового мирового порядка.

С 80-ого года начинается рост карательной активности мирового истеблишмента, жесткое игнорирование второстепенных государственных суверенитетов, одновременно с возникновением странных на первый взгляд авантюр, с глубоко просчитанными результатами.

В этом ряду стоит загадочный захват аргентинцами Фолклендов, очень напоминающий кувейтскую операцию Ирака. Антисионистский режим был явно поощрен из «хорошо дезинформирующих источников». Разгром Аргентины политически ставил регион на место; одним из последствий был отказ Бразилии от собственной ядерной программы... Кажется, что всех«зайцев», убиваемых в такого рода акциях, и не сосчитать. Достаточно сказать, что до Фолклендов Латинская Америка, в том числе ее промышленный авангард, могла быть союзником в противостоянии мировому истеблишменту, после Фолклендов эта возможность была хирургически устранена.

Признаки новой эры в СССР

Афганская операция, стала катализатором мощной химической реакции в реторте советской политической системы: целые эшелоны функционеров определенного типа стали «выпадать в осадок».

По поводу этой операции политологи так и не смогли решить, кто же несет ответственность; запущена легенда, будто принимал решение о вторжении лично Брежнев в отместку за убитого Амином Тараки. Однако уже в 1984 году на Западе была предана гласности информация о совместном с американцами (ЦРУ-КГБ) проекте советской оккупации Афганистана, утвержденном еще во время правления Тараки. К тому же, сама идея, что едва живой Брежнев может быть лично автором акции в принципе эсхатологического значения, работающей на создание нового мирового порядка, показывает, что банальность не стыдится быть абсурдной.

К типологии и внутреннему смыслу номенклатуры нам придется вернуться позже. Сейчас достаточно отметить, что в руководящем аппарате существовали и обязательно будут существовать две тенденции: «автохтонов» и «мондиалистов».

Мировой мондиализм подразумевает установление единой планетарной цивилизации с универсальной системой социального, политического и полицейского контроля.

Они разделились и стали в оппозицию друг другу после смерти Сталина, который гармонически воплощал их в своем лице, будучи одновременно автохтонным вождем и мондиалистским лидером. (В этом один из секретов парадоксальной популярности Сталина у мировой левой общественности: само превращение очевидной автохтонности в фактор классического мондиализма воспринималось, как поразительное чудо с огромным положительным потенциалом на будущее.)

Бесспорно, нет такого номенклатурного деятеля, (и чем крупнее его калибр, тем это очевиднее), который бы был целиком однозначен: у «автохтона» неизбежно есть мондиалистский аспект, пусть даже выраженный очень сложным косвенным образом, иначе его принятие вовнутрь властной структуры было бы невозможным; у самого истового «мондиалиста» должно быть родимое пятно автохтонности, иначе он не сможет оперировать в евразийском пространстве.

Тем не менее с 1953 года и по сей день СССР-РСФСР-РФ является ареной ожесточенного противоборства этих тенденций, носившего до 1979 года относительно закулисный характер. Видимая, декларативная перестройка означала просто, что мондиалисты добились стратегического перелома в свою пользу в ходе борьбы.

Начало открытой конфронтации выразилось в ударе по коррупционерам. Сейчас еще свежи в памяти недавние перипетии общественной судьбы знаменитого следователя Гдляна—«номенклатуробойцы», разросшегося одно время до эпических пропорций героя комиксов.

Однако, антикоррупционный террор против чиновников-«автохтонов», связанных с теневой экономикой, начался еще при Брежневе. В 1980 году была предпринята операция под кодовым названием «Каскад», первая среди мощных ударов по «традиционной» партократии. Аресты тысяч теневых бизнесменов создали предпосылки для политической компрометации целых блоков номенклатуры.

Типична политическая философия этого мондиалистского удара: коррупция и автохтонность синонимичны, эта синонимичность должна закрепиться как моральная аксиома в массовом сознании.

Инициатором этого наступления бесспорно был КГБ — главный оплот мондиализма в советской системе, обеспечивший технически как последующую перестройку, так и всю серию «бархатных» и «кровавых» революций в Восточном блоке.

Когда Генеральным секретарем стал Андропов, реакция Запада, несмотря на правозащитную критику этой креатуры, была в целом благожелательной и в чем-то напоминала реакцию на Горбачева. Диссиденты тогда возмущались: «В каком еще государстве возможно, чтобы начальник секретной полиции стал главой государства?!» Да в Америке, где директор ЦРУ Буш, мондиалист и член трехсторонней комиссии, стал президентом!

Миссия КГБ в Евразии

Сейчас уже стало расхожим местом упоминание КГБ как организатора революционных преобразований в коммунистическом мире. Владимир Буковский в своем интервью еще коротичевскому «Огоньку» говорил об этом, как о чем-то само собой разумеющемся. Тем не менее, даже в 1990 году радио «Свобода» расценивала информацию о том, что «бархатную» революцию в Праге осуществлял первый зам. Председателя КГБ генерал-полковник Глушко, как чистой воды мифотворчество. Вера в то, что КГБ являлся охранительной консервативной силой, была присущей как правому так и левому обывателю. Очевидно, однако, что это типичная иллюзия отчужденного от власти человека с улицы, для которого контроль (или точнее гнет) над ним неотделим от

Хрущев и де Голль — духовные наследники Антанты

чувства исторической незыблемости, неустранимости режима. В действительности, охранительные структуры во все времена были одним из важных источников политической нестабильности. Чтобы не ходить далеко, упомянем лишь пример так называемой царской охранки: ее роль в трагической судьбе Романовых бросается в глаза всякому, кто этим интересовался без предвзятости.

Как известно, «охранка» в значительной степени руководила террористической деятельностью революционеров; многие видные террористы были ее агентами, включая, например, Богрова, убийцу Столыпина. Вообще, нет такой революционной конспирации, которая не была бы на ладони у полиции; стало быть, любой удавшийся переворот предполагает соучастие правоохранительных органов, что блестяще продемонстрировано в Чехословакии, ГДР, и, нагляднее всего, в Румынии.

Взаимопроникновение, взаимопропитывание охранительной агентуры и революционеров не парадокс, а норма. Это становится понятным, стоит лишь глубже задаться вопросом, откуда и каким образом обзаводится режим как защищающими его органами, так и ниспровергающими его подрывными элементами. И то и другое должно быть прежде всего профессионально, иначе об адекватном функционировании не может идти речи.

Мы говорим о той самой «организации профессиональных революционеров». Вообще, субверсия не может не иметь цеховую, «профессионально-кастовую» природу. В ряде случаев — наследственную преемственность. Если подумать, кастовая, династическая «наследственность» в революционном движении неизмеримо фундаментальнее, чем цеховая преемственность спецслужб. «У самого истового мондиалиста должно быть родимое пятно автохтонности» поучительный, хотя и тяжеловесный труд К.Каутского «История социализма» т.1 «От Платона до анабаптистов, т.2 От анабаптистов до современного рабочего движения». Петроград.1918 г.)

Но подлинный профессионализм исключает самозарождение, самоорганизацию, самодеятельность, требует преемственности поколений профессионалов, традиции, школы. Профессионализм, особенно в среде социального контроля и подрывной деятельности генетически родственен традиционному посвящению и всегда несет на себе родовую печать мастеров-основоположников.

В контексте изучения мондиализма очевидно, что подрывная деятельность против режимов в самом широком смысле есть особая форма социального контроля. Сюда, кроме политического подполья, относится и мир организованной преступности.

Позволим себе небольшой экскурс в историю. Русская охранная служба организовывалась начиная с XVI века баскаками и мурзами, перешедшими на службу в Московское Царство, и опиралась на сеть осведомителей, созданную еще ордынскими спецслужбами. Ордынские же методы в основе были заимствованы из императорского Китая. Они исходили из концепции «пресекания зла

в корне»; другими словами, лицо или группа лиц, замеченные в антигосударственной деятельности, немедленно задерживались и уничтожались. Этот китайский подход, усовершенствованный чингизидами, лег в основу практики всех регионов, находившихся под монгольским, а затем и тюркским контролем. Китайско-монгольские методы требуют огромной сети малоквалифицированных осведомителей, относительной примитивности (однородной атомарности) общества и в сколько-нибудь протяженной перспективе неэффективны. В период противоборства Востока и западного (в первую очередь протестантского) экспансионизма с XVII по XX века они не выдержали конкуренции со стороны англо-голландских методов. Последние же кладут в основу идею «манипуляции злом, чтобы оно нейтрализовывало само себя». Это означает высокую технику провокаций, создание подставных организаций, диверсии на интеллектуальном уровне, руководство противником через глубоко законспирированную агентуру. В истоках англо-голландского подхода парадоксальный симбиоз двух школ: психологическо-аналитическая, созданная диаспорой, и тайная дипломатия Имперского Рима.

Концепция современной разведки сложилась вместе с расцветом в Европе Торгового Миропорядка, пришедшего на смену традиционной цивилизации. Международный класс финансистов, практически совпадающий с элитой диаспоры, образовывал универсальную информационную структуру, осведомленную о конъюнктуре рынка, социально-политических перспективах в любое время, в любом месте. Именно здесь берет начало «джентльменский клуб» мировых разведок, в сущности, единая глобальная спецслужба, разведенная по национально-государственным «квартирам». Из Генуи и Венеции Возрождения мировой информационный центр переместился в Амстердам и Лондон «нового времени». Разведки, ныне входящие в «джентльменский клуб» (получившие профессиональное посвящение из законного преемственного источника) допущены к жизненно важной информации мирового уровня и контролируют судьбы народов и движений. Маргинальные второстепенные спецслужбы обречены либо функционировать на подхвате, либо вечно проигрывать профессионалам. Вернемся, однако, к КГБ. Существует миф о его преемственности в отношении Царского Охранного Отделения. В этом нет ни грамма действительности. Пресловутая охранка принадлежала, как раз, к маргинальным (по мировым меркам) учреждениям, обреченным на поражение, также, как впоследствии службы аналогичного калибра (португальская ПИДЕ в 1974, иранский САВАК в 1979). Полупрофессионалов всегда уничтожают всерьез, профессионалы же не тонут никогда! Создателями «карающего меча революции» были инструкторы Интеллидженс Сервис. У английских спецслужб имелись прочные связи в петербургском высшем свете, в гвардии.

С началом мировой войны англичане сотрудничают с разведкой российского Генерального штаба. Не только десятки тысяч офицеров, впоследствии перешедших к Троцкому, но и часть высшей аристократии империи была задействована в тайных механизмах революции.

(В этом аспекте особенно деятельность Великого Князя Кирилла, деда нынешнего «наследника».)

Совершенно тот же сценарий разыгрывался в 1789 году. Тогдашний Кирилл — Филипп Эгалитэ).

Но, разумеется, наиболее многочисленную часть инструкторов составляли вернувшиеся с революцией в Россию сионистские иммигранты, традиционно сотрудничавшие с Интеллидженс Сервис.

В 1917 г. в ЧК было 500 сотрудников, в 1918 — 120 тысяч! Без профессиональных организаторов с опытом оперативной работы, эти 120 тысяч были бы сами источником дезорганизации и нестабильности для режима. Представим себе 120 тысяч дилетантов, принявшихся за террор!

Кстати, знаменитый английский разведчик Сидней Рейли вряд ли был расстрелян за шпионаж против большевиков. Скорее всего, он работал в самом центре взаимодействия ЧК и Интелидженс Сервис и был по определенным обстоятельствам опасен. С Савинковым тоже далеко не все ясно. Имея хотя бы некоторые представления о чекистских методах работы, более естественно предположить, что с операцией «Трест» дело обстояло обратным от общеизвестной версии образом: Савинков был агентом ЧК, концентрировавшим вокруг себя реальную оппозицию. «Трест» представляется подлинным антибольшевистским подпольем, выявленным через авторитет и престиж Савенкова. Заодно Савинков сдал в ЧК (а через него и мондиалистской спецслужбе) достаточно подробную картину настоящей оппозиции мондиализму в Европе: ведь он был близок ко многим нонконформистским тенденциям своего времени, в том числе консервативным революционерам Италии. Если так, то уход Савенкова к белым оказывается глубоко продуманным ходом (о котором Сидней Рейли должен был знать).

Тогда понятна и мгновенная моральная капитуляция Савинкова перед чекистами, раскаяние, призыв «разоружаться» к соратникам, поразительно легкий (по большевистским меркам) приговор со ссылкой на прошлые революционные (эсеровские!) заслуги. В конце, разумеется , самоубийство... И назойливая (через роман и телефильм) популяризация лживой чекистской версии.

Возможно, и дело Азефа, таинственно ускользнувшего от преданных им эсеров, может предстать в другом свете.

Создание ЧК — НКВД — ГПУ — КГБ в геополитическом плане явилось событием первостепенной, даже глобальной значимости. Оно одно уже полностью оправдывает все издержки и усилия по осуществлению большевистской революции. До 1917 года гигантская (1/6 суши) территория Северной Евразии была белым (относительно) пятном на карте мондиализма. Япония уже тогда вошла в Мировой Порядок, Индийский субконтинент был частью Британской империи, Передняя Азия, юридически независимая благодаря Османскому государству, не могла эф-

Иван Майский, связник между Сталиным и Черчилем

Именно анализ мифических представлений, связанных с КГБ и имевших хождение в самых широких слоях, раскрывает психоидеологические корни мондиализма в России, возможность превращения народов Северной Евразии в орудие Нового Мирового Порядка, на«равных правах» с англоязычным населением планеты?

Ленин считал, что в будущем сохранятся два планетарных языка: английский и, возможно, русский.

Не нужно думать, что речь идет о некой обычной романтической идеализации: «обожествление» КГБ носило вполне буквальный характер. Для многих носителей великодержавной ориентации в период, предшествующий ГКЧП, Комитет стал последней надеждой на национальное и государственное спасение от хаоса, тем самым «deu sex machina», который вмешается в историю в последний момент...

Такая мифологизация сама по себе неизбежно становилась противоречивой : КГБ с одной стороны не может быть чем-то чуждым, внешним, противопоставленным народу; с ним народ должен ощущать патерналистскую близость, уверенность, что сила Комитета — это его, народа, сила! С другой стороны, этот же Комитет не допускает панибратства, свойскости, обыденности, в отличии, скажем, от милиции: КГБ загадочен, но его тайна позитивна, противоположна негативной тайне масонства, тайне самого Запада. Это — вынесенная вовне тайна самого народа в том смысле, что народ религиозно ощущает собственную загадочность для себя самого; это ощущение и есть то, что раньше называлось «богоносностью».

Любопытно, что некоторые аспекты народных представлений о КГБ разделялись (а может быть сознательно поддерживались) демократами. В частности, идея о неподкупности органов (тоже в противовес МВД). В контексте левой пропаганды это парадоксальным образом усиливает отрицательный имидж: дополнительный штрих к портрету этакого нечеловеческого монстра. Но важным с нашей точки зрения представляется следующее. Выше мы говорили,

фективно противостоять тотальной субверсии англичан, использовавших арабский национализм и коекакие другие факторы. Через большевистскую революцию и создание евразийской спецслужбы мондиализм установил прямой контроль над землями бывшей Российской империи (одновременно империи Чингизхана, Александра Великого, а в легендарной древности — империи Рам). Это означало вовлечение в глобальные политические стратагемы новых бесчисленных ресурсов, людских резервов, возникновение новых возможностей. (Одной из таких возможностей следует считать деколонизацию и создание « третьего мира», в отношении чего планы разрабатывались с 80-ых годов прошлого века.)

КГБ, бесспорно, входил в «джентльменский клуб» мировых разведок, пользуясь в силу этого историческим иммунитетом. Он контролировал Евразию, осуществлял особо ответственные задачи в исламском ареале. Он создал свои филиалы в виде «Штази», «Z-Z» и насеровской «Мухабарат», компании с ограниченной ответственностью и возможностями, которые по необходимости приносились в жертву.

За арабским национализмом стоят англо-американцы, за арабским коммунизмом — выходцы из России. Иорданскую, сирийскую, иракскую, ливанскую партии организовали лица, родившиеся в Виленской, Ровенской и других губерниях Привислянского края!

Комитет Государственной Безопасности, подобно Интеллидженс Сервис и ЦРУ — организации, с которыми он тесно сотрудничает — был мондиалистским учреждением, представлял и защищал в СССР-России — интересы мондиализма, обеспечивал посвящение в мондиализм потенциальных лидеров партии и государства. Это система, в которой с самого начала не было ничего автохтонного.

Народный миф о КГБ

В течение всей советской истории «Органы» были не только структурной частью режима; они играли совершенно особую роль в психическом космосе народа, осуществляя символически как бы две функции сразу: «праведников, святостью которых стоит мир» и тайных народных мстителей типа Робин Гуд — Разин —Пугачев, которым можно «сдать» злого помещика (особо зарвавшегося коррупционера и, вообще«элемент»). Соединяясь на базе «религии» государства, обе эти функции делают из «Органов» некого deus ex machina (бог из машины) и в конечном счете придают этой одновременно «зловещей и святой» организации своеобразный сотериологический спасительный смысл.

Земля Германии под контролем мондиализма

что коррупция в схеме мондиалистской морали прочно ассоциируется с автохтонностью, местной «заскорузлостью», она превращается чуть ли не в фольклорно-этнографическую черту.

«Заскорузлость», «медвежий угол» — выражения, часто использовавшиеся Лениным, который являет пример врожденного органического мондиалиста «снизу» (пролетарский мондиализм).

Коррумпированность локальна, дремуча, нецивилизованна,неподкупность — рациональна, культурна и типизирует общечеловеческое.

Убеждение в неподкупности КГБ реально свидетельствует об открытости массовой эмоционально-инстинктивной сферы для мондиалистской суггестии.

«Народ и партия едины»

Огромное большинство советских людей верило в свое социально-политическое противостояние окружающему миру. Концепции «одной, отдельно взятой страны», «враждебного окружения», «крепости социализма», эффективная и ясная идеологема «вызова, брошенного старому миру» — все это укрепляло комплекс своей особости, существовавший и до революции. 1917-го усилил этот комплекс тысячекратно, сделал его практически религиозным стержнем советизма. Дело, однако, в том, что если до 17 года комплекс имел под собой какое-то основание (Российская Империя не была нужным образом интегрирована в Мировой Порядок), то это основание исчезло после 17-ого — большевистская революция явилась сугубо мондиалистским феноменом, и одной из ее задач было устранение недостаточного универсализма, недостаточной «открытости» царской России.

Война с Германией парадоксально подкрепила тезис о«противостоянии» и «окружении». При этом как-то прошло мимо внимания то, что СССР участвовал в мировом фронте против континентальной Европы, и что в действительности как раз Германия была «в окружении».

Это кажется парадоксальным в контексте пресловутой закрытости советского общества, «железного занавеса» и т.д., тем не менее это всего лишь вопрос акцентов, пропагандистских клише. Американское общество является не менее закрытым и «занавешенным», будучи бесспорно мондиалистским. Весь вопрос в том, что считать «занавесом»: невозможность обывателя уехать за границу?

В таком случае мондиалистский Запад сегодняшнего дня гораздо менее открыт, чем 100 лет назад. Но может ли в данную страну прибыть иммигрант (тем более многочисленная группа иммигрантов) с установкой принципиально сохранять свою самобытность , не становиться частью коллективного сознания? Представим себе иммигрантов, едущих в США, с установкой не становиться американцами. А позволит ли им это американское общество? Общество, которое внешнему-то миру не позволяет отличаться от Америки! В то время, как европейцы хотят, чтобы живущие там турки всегда оставались именно турками, индийцы — индийцами, арабы — арабами, в то время как традиционному Востоку чуждо смешение рас, подгонка под шаблон, melting pot, Америка требует от всего своего населения американизма, бывший же СССР изобрел «новую историческую общность»,что,по сути,есть продолжение американской традиции.Тотальный конформизм, независимо от правил въезда — выезда, это единственный «железный занавес», не только не противостоящий мондиализму, но функционально обслуживающий его.

Советское общество характеризовалось фатальным непониманием своей роли, своей миссии в истории. Между тем призывы к мировой революции, идея «всемирной советской республики» типологически ни чем не отличаются от установки на Новый Мировой Порядок. В феномене ленинизма язык реальной политики впервые совпал с эсхатологическим языком визионеров, еще раз доказав, что политика есть от истории Духа.

Тогда что же такое, наконец, ленинская партия большевиков? Каков ее реальный статус в контексте всемирного правительства, не того, которое хотел учредить Ленин после победы мировой революции, а реального? Почему именно она пришла к власти, будучи в гамме революционных сил далеко не самой перспективной организацией?

Не будем упускать из виду, что до самого конца Романовых большевики были далеко не в гуще событий, проще говоря, не в курсе происходящего (пресловутое узнавание Лениным о Февральской революции из газет). Историю как бы делали « большие» (не большевики!). Внезапно «большие» полетели на свалку этой истории, и в центре оказались вчерашние маргиналы, клянчившие сотню франков на никому неизвестные иммигрантские листки. Даже у диссидентов хрущевского времени было несравненно больше размаха, средств, известности, политического веса!

И, может быть, самый центральный вопрос: как партия смогла в середине тридцатых из космополитической стать великодержавной?

Ответ может быть только один: эта партия, единственная из всех, выражала нечто фундаментально евразийское, некий архетип, присущий глубинам имперской коллективной души, то, что, парадоксальным образом, одновременно апеллировало к самым несовместимым типам: еврейскому банкиру и петербургскому аристократу, патриотическому офицеру и люмпену, Рериху и Максиму Горькому (последнему, по крайней мере, до 1918

Маргиналы, неожиданно прорвавшиеся в центр событий

года). В этой партии было что-то столь попадающее «в десятку», что ее вызвали из политического небытия, посадили в красный угол, отогнали тех, кто «варил кашу» с самого начала, и пестовали 70 лет, ибо слепому ясно, что ее историческое выживание обеспечивалось Мировым Порядком с самого начала.

Возьмем к примеру знаменитую интервенцию 14-ти держав. Против 5 млн. штыков Троцкого батальон англичан в Архангельске и 3000 французов в Одессе? Кому не ясно, что 14 держав курировали ход гражданской войны, чтобы она, не дай Бог, не повела к какому-то непредсказуемому исходу. При этом, всю гражданскую войну американцы содержали партию большевиков, ЧК и Красную Армию вместе с их семьями (6 млн. взрослых и 4 млн. детей кормила АРА с 1918 по 1922 гг.)

Секрет этой партии, бесспорно известный мондиализму, грандиозен и вместе с тем прост, он лежит на поверхности, более того, он был предметом пропаганды, раскрывался и интерпретировался в бесчисленных лозунгах, так что прочно вошел в «пятно незрячести» всеобщего интеллектуального внимания: эта партия была глубиннейшим, последовательнейшим образом антиэлитарна, предельно антиэлитарна в каждом шаге, в каждом мельчайшем проявлении. Здесь мы не имеем в виду демократизм, популизм и т.п.: это все интеллигентские мелочи. Ленинский большевизм антиэлитарен метафизически, тотально. Он гносеологически делает выбор в пользу объекта против субъекта, в пользу субстанции против сущности, в пользу чистого движения против формы... Диалектика против понятия, «общее» против «особенного», количество против качества, масса против единичного. Можно ли, вслед за Шафаревичем, подвести итог этому ряду противопоставлений, сказав, что это был однозначный выбор в пользу смерти против жизни? Тогда большевизм не обладал бы тем бесспорным жизнеутверждающим соблазном, который существовал параллельно с пространством «Чевенгура» и «Котлована»... В большевизме, действительно, «ничто» сосуществовало и диалектически взаимодействовало с пафосом силы, присутствия, перспективы... Короче говоря, с пафосом наглядного позитива. В этом— разгадка, почему большевиком мог стать аристократ, интеллектуал, поэт — не в меньшей мере, чем матрос или рабочий. Человеческое сознание к XX веку «исчерпало ресурс доверия» к персонализму в самом широком смысле. А-персональное, а-субъектное стало гарантом правды, некой неотразимой бесспорностью. Большевизм гносеологически явился последней апелляцией к «объективной истине», перед тем, как человечество, вступая в нынешний миропорядок, окончательно сделает выбор в пользу субъективного идеализма.

Мондиализм дал шанс этой уникальной — а вместе с тем, судьбоносной, универсальной, долженствующей быть партии, чтобы она этот шанс исчерпала, чтобы выработать до дна еще и эту мифологему коллективного чаяния.

Партия с ее культом субстанции, материи, массы (и, что самое удивительное, реальным, магически действенным культом! Вот почему Ленин боролся с интеллигентскими версиями «массолюбивости»: эти версии неоперативны, неискренни, ненародны) неизбежно должна была вступить в подлинный симбиоз с народом, для которого этот культ органичен. Народ фактически обрел в партии «церковь» своей органики. И если это «воцерковление» стоило самому народу огромных жертв, это означает, что живые люди не тождественны в своем реальном быту глубинным архетипическим пластам собственной коллективной души.

Именно поэтому в один момент партия из космополитической организации профессиональных революционеров стала массовой великодержавной партией. Это осуществилось под незримым метафизическим напором судьбы, которая лишь маскируется изощренными политическими интригами конкретных людей. Логика истории партии имперсональна, как логика химической реакции: она предопределена природой вовлеченных веществ и исключает волюнтаризм.

Якобинцы интеллигентствовали, апеллировали не к субстанции или, к примеру, сразу к «ничто» как к последней правде, а к Всеобщему Разуму, Великому Существу (коллективному человечеству). За это их и вышвырнули с исторической сцены очень быстро, хотя они интеллектуально гораздо ближе к Бушу и Горбачеву, чем к Ленину. Не помогло им даже то, что они убили 10% французского народа, немало даже по большевистским меркам.

Особенности партии нового типа

С самого начала партия была инструментом мондиализма, механизмом непосредственного мондиалистского контроля в Евразии. Ее особость заключается в том, что в целой гамме подобных инструментов, столь же преданных мондиализму партий (эсеров, кадетов, назовем любую! в том числе и меньшевиков...) она была единственной фундаментально антиинтеллигентской, единственной, всерьез плюющей на всякий индивидуалистический психологизм, на любой личностный аспект, как на буржуазную пошлость. Иными словами, она была механизмом в буквальном смысле слова; (эсеры могли развалиться от того, что в их рядах оказался Азеф; большевикам было в принципе наплевать, что в их рядах оказался Родион Малиновский).Таким образом большевистская партия объединяла в своей природе три аспекта: она была мондиалистской, безусловно

Морис Торез — один из немногих, искренне веривших

управляемой, и одновременно абсолютно народной (именно в том принципиальном смысле, который только и важен, а не в наивно-буквальном). Именно такого (или очень близкого) типа организации — т.е. имеющие в себе единство этих трех условий — «обречены» на успех.

Что стала делать партия, придя к власти? Она стала прежде всего реализовывать свою собственную изначальную природу, развивать три своих главных составляющих и их единство, как гарант политического выживания. Очевидно, что все процессы (в политическом, социальном и судебном смыслах), затеянные партией — от коллективизации и индустриализации до чисток себя самой — порождены логикой и потребностями этого триединства. В этом контексте следует понимать и уничтожение «ленинской гвардии» — их уровень антиперсонализма не соответствовал масштабу страны и ее геополитической миссии, нуждающейся в подлинно анонимном механизме управления.

Нельзя не отметить здесь следующий момент. Можно быть яркой личностью в маргинализме, но нельзя быть яркой личностью в истеблишменте. Сам принцип истеблишмента утвержден на том, что экзистенциальное «здесь и теперь» живого конкретного существа — это «неправда». «Правда» только в легальном порядке, чей авторитет исходит из анонимного безличного консенсуса. Легализм исключает свободу, исключает вертикальную ответственность, исключает личную власть. Но он вынужден считаться с тем, что ниже истеблишментского уровня бродит экзистенциальный хаос. Поэтому легализм допускает (только в репрезентативную среду) личностный фактор, но обязательно в рамках социального балагана. Иными словами, личность на посту обязана быть шутом, коверным на политической арене. Вообще все персонализированное на мондиалистском уровне допускается лишь в качестве буффонады, фундаментальной самодискредитации. Нормальный современный политик на Западе это шут, воплощающий «личное начало» для толпы, чья деятельность обеспечивается аппаратом роботов. Сколько ни есть имен, на которых фиксируется массовое сознание, все это шуты, и за каждым — четкий, внимательный, мертвый механизм «обеспечения». Шуты берут взятки, механизм — никогда; шуты постоянно разоблачаются как подкаблучники, импотенты, наркоманы или, на худой конец, придурки с нелепыми причудами; с них снимают штаны и порют всенародно; если — не дай Бог — завелось подозрение на харизматичность, немедленно — импичмент и вываливание в грязи. Что же порют и валяют в перьях? Да этот самый личностный фактор, пока еще не вполне устраненный из «человеческих ценностей»! Культ личности, на который большевики вынуждены были пойти (хотя мыслили вполне мондиалистски: роль личности ничтожна, все определяется «объективными законами»), оказался «ахиллесовой пятой» их бытийной позиции; он привязывал партию к автохтонности, местной архаике (при том, что Сталин был — не мог не быть по своей сути — вполне мондиалистским лидером в самом современном смысле); это-же, собственно, и было направлением перестроечной коррекции социализма — культу личности противостоит идеал правового государства! После Сталина последующие лидеры все больше соответствовали западной истеблишментской модели, описанной выше.

Посткоммунистическая Евразия в планах мондиализма

В сегодняшней жизни, к сожалению, практически не происходит

ничего непредвиденного, неуправляемого, самопроизвольного. К сожалению — потому что квазитотальная законтролированность человеческого существования сводит к минимуму духовное измерение истории, превращает ее в часовой механизм рока. Естественно, с метафизической точки зрения этот контроль не более чем самообольщение; духовная реальность может в любой момент перечеркнуть, отменить весь механизм «общечеловеческой» мондиалистской цивилизации, налаженный с такой дьявольской тщательностью. («увести это творение и привести другое». — Коран.) Тщета контроля время от времени проявляется в сбоях, накладках, просчетах, ярчайший пример чего дает рождение Исламской Республики Иран.

Надо признать, однако, что в повседневной политике этот пример исключителен. Во всяком случая ничего непредсказуемого и неконтролируемого не произошло в процессе перестройки в СССР, при том, что она была математически выверенным и заданным еще в начале советского режима событием. Люди, погруженные в поток непосредственной жизни, воспринимают происходящее как результат ошибок управления или целенаправленный подрыв неких непреложных ценностей; им трудно до конца осознать: все, что может быть в принципе разрушено, обязательно будет разрушено.

Империи рушатся, величайшие из них стали прахом и об их существовании осведомлены далеко не все ныне живущие потомки их былых подданных. Теперь речь идет о судьбе самой России. Быть ей или не быть — сегодня как и в 1917 году решают не населяющие ее народы, а правящие круги мира.

Заинтересован ли они в окончательном распаде государственного образования, не так давно занимавшего шестую часть суши? Нельзя отменить конкретные структуры региональной власти, не поставив на их место всемирную структуру, которая немедленно и повсюду взяла бы на себя функции упраздненных «суверенитетов». Ни ООН, ни Бильдербергский клуб, ни «трехсторонняя комиссия» технически не приспособлены играть роль исполнительной власти.

Существует еще немало политологов, которые мыслят в категориях «империалистических интересов», считая их последней инстанцией в большой политике. С этой точки зрения расчленение, захват, физическая оккупация, прямое администрирование контролируемых пространств выглядят как вполне адекватные цели, которые могут ставить перед собой хищнически ориентированные государства в отношении России. Однако, реальные интересы международного истеблишмента (действительно последней инстанции в принятии глобальных решений) не только транснациональны, они **трансимпериалистичны,** эти интересы не совпадают с хищническими интересами кого бы то ни было. А как же интересы транснациональных монополий, горазды грабить сырье и контролировать рынки сбыта? И эта ситуация в значительной мере уходит в прошлое. Сейчас мир стоит на пороге того, что сам рынок в его привычном понимании превратится в экономический архаизм. Господствующий капитал (а господствующим сейчас является только ростовщический) все меньше заинтересован не только в том, чтобы скупать, но даже и в том, чтобы продавать. Приоритеты политэкономии недавнего прошлого теряют силу.

Можно быть уверенным в том, что громадные пространства Северной Евразии по-прежнему предпочтительнее сохранять под эгидой автохтонного суверенитета: это чрезвычайно сберегает силы и средства и — что намного важнее — гарантирует стабильность. Кроме того, нельзя забывать о такой детали: на территории, подлежащей непосредственному контролю, приходится создавать соответствующую инфраструктуру . Это означает делегировать данной территории ряд очень специфических возможностей, даже некоторых полномочий. Так, Индия не смогла бы сегодня стать региональной «минисверхдержавой», если бы не получила определенную инфраструктуру от английской администрации. Но полномочия, связанные с этой инфраструктурой, англичане смогли доверить только Индийскому Национальному Конгрессу, партии, созданной британской Интеллидженс Сервис в 1881 году в перспективе независимости, полученной три поколения спустя! Кажется невероятным? А разве в конструкцию Союза 70 лет назад не закладывались параметры, функциональный смысл которых становится ясен только теперь?

Статус, отводимый мировым контролем России ближайшего будущего, в чем-то напоминает бразильский (не случайно во время перестройки резко активизировались советско-бразильские контакты). Бразилия является ведущей державой южноамериканского континента, России отводится место ведущей державы азиатского. У России есть Сибирь, у Бразилии — нечто аналогичное, так сказать, «Сибирь южного полушария». И то и другое — Сибирь и Амазонская сельва — регионы хищнической эксплуатации и экологического бедствия. Кроме того, этнический автохтонный субстрат Северной Евразии и Южной Америки родственен. Россию мондиализм принуждает разоружиться — Бразилия не так давно под давлением мирового контроля отказалась от собственной ядерной программы. И та, и другая получают в свое ведение полицейское курирование регионов, объявленных «второстепенными». В прошлом у обеих стран свержение монархии, гражданские воины, крестьянская партизанщина, жестокие диктаторские режимы в одно и тоже время (президент Варгас 1930-45 и 1950-54 годы, покончил самоубийством перед лицом растущего кризиса в стране) . Даже перестройки в России и Бразилии начались одновременно: в 1985 завершилось 20-летнее правление военной хунты, начавшееся, кстати, одновременно с брежневской эпохой.

Таковы расчеты международной администрации, которые поручено реализовать неототальному режиму Ельцина. Но их состоятельность будет определяться факторами, находящимися вне компетенции политических «элит».

Мартин Индейк

ИРАКСКАЯ И ИРАНСКАЯ УГРОЗА НА ВОСТОКЕ И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ НА ЗАПАДЕ

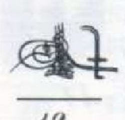
О выработке позиции США в отношении ситуации на Ближнем Востоке

Мартин Индейк — специальный помощник американского президента и заведующий отделом Ближнего Востока и Южной Азии в Совете национальной безопасности США — представил изложение того, что можно рассматривать в качестве окончательного варианта политики, которой администрация президента Билла Клинтона намерена следовать в отношении Ближнего Востока. Основное содержание этой политики было изложено М.Индейком в докладе, с которым он выступил на семинаре, ежегодно созываемом вашингтонским Институтом ближневост очной политики, директором которого М.Индейк был вплоть до назначения его консультантом в администрации Клинтона.

Обширные выдержки из упомянутого доклада были опубликованы в тексте, распространенном Институтом спустя три дня после окончания семинара. Доклад, естественно, привлек к себе внимание, в частности, потому, что в нем была ясно сформулирована политика, которую администрация Клинтона собирается проводить в отношении Ирака и Ирана. Суть этой политики сводится к осуществлению принципа «двойного охвата» («двойной изоляции») обоих этих государств, поскольку они представляют собой реальнуюугрозу американским интересам в регионе.

В этой связи уместно вспомнить недавние претензии Эмирата Шарджа (входящего в ОАЭ) на иранские острова Большой и Малый Тунб и Абу Муса. За этой провокацией явно отслеживается намерение Вашингтона заманить Иран в ловушку, аналогичную той, которая была расставлена для Саддама Хусейна. При этом типично использование в качестве орудия некоторых арабских государств Персидского Залива.

Ниже мы публикуем полный перевод сокращенного текста доклада в том виде, в котором он был распространен вашингтонским Институтом ближневосточной политики.

Оценивая положение в регионе в целом со стратегической точки зрения, мы сталкиваемся с тремя главными вызовами американским интересам:

Во-первых, нам весьма повезло в том,что мы получили в наследство продолжающийся процесс арабо-израильских переговоров... Вызов, брошенный здесь администрации Клинтона, состоит в том, чтобы превратить его в процесс достижения подлинного мира и осуществить скорейший прорыв в сфере заключения мирных договоренностей.

Во-вторых, нам также повезло в том, что мы получили в наследство баланс сил в Персидском заливе, характеризующийся весьма низким уровнем военного потенциала, угрожающего нашим интересам. Вызов здесь состоит в том, чтобы сохранить это положение в противовес настойчивым усилиям, которые прилагают Иран и Ирак для восстановления своих арсеналов, и, в особенности, в сфере производства ядерного оружия и баллистических ракет.

В-третьих, за распадом Советского Союза и поражением Ирака последовал распад ближневосточного радикального фронта отказа. Однако, природа вообще и, в частности, природа Ближнего Востока не терпит пустоты. Как только одна группа возмутителей спокойствия была сокрушена, ее место тотчас же заняла другая. Десятилетия невнимания и несбывшихся надежд добиться политического партнерства и социальной справедливости послужили питательной почвой для возникновения движений, опирающихся на насилие и прикрывающихся религиозными лозунгами, которые бросили вызов правительствам ряда стран арабского мира. Эти движения несут в себе потенциальную угрозу дестабилизации обстановки в регионе. Мы должны преодолеть упрощенное понимание тех притязаний, которые выдвигают различные силы такого рода как региональные, так и национальные. Нам не следует отрицательно относиться к религиозным реформаторам и считать их всех поголовно экстремистами. Но в то же время мы не можем игнорировать то обстоятельство что некоторые религиозные экстремисты, обращаясь к насилию, пользуются поддержкой иранского и суданского режимов. Поэтому третий вызов, брошенный нам, состоит в том, чтобы помочь народам и правительствам Ближнего Востока противостоять этой растущей угрозе, настойчиво добиваясь мира — с одной стороны, и стремясь изолировать экстремизм, проявляющийся в различных уголках региона, — с другой, придерживаясь при этом, в качестве альтернативы, нашей концепции демократического политического развития и становления свободной рыночной экономики.

Наш курс исходит из идеи взаимозависимости обеих — восточной и западной частей региона. Нейтрализация угрозы со стороны Ирана и Ирака на востоке окажет влияние на нашу способность содействовать установлению мира между Израилем и его арабскими соседями на западе. В свою очередь, наши действия, направленные на углубление мирного процесса между арабами и Израилем на западе, помогут нам нейтрализовать угрозу со стороны Ирана и Ирака на востоке. Успех в решении обеих групп задач расширит возможности оказания нами помощи дружественным правительствам в их стремлении обеспечить своим народам лучшую жизнь, нежели та, которую обещают им апологеты насилия. Подводя итог сказанному, мы можем коротко сформулировать содержание политики администрации Клинтона в следующих пунктах:

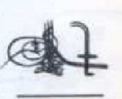
— «Двойной охват» (»двойная изоляция») Ирана и Ирака на востоке.

— Поощрение арабо-израильского мирного процесса на западе.

— Активные действия, направленные на недопущение распространения в регионе оружия массового уничтожения, а также популяризация концепции, обеспечивающей демократию и процветание для всех народов Ближнего Востока.

Политика администрации Клинтона, направленная на первом этапе на осуществление «двойного охвата» Ирана и Ирака, основывается на оценке иракского и иранского режимов как враждебных американским интересам в регионе. Поэтому мы не можем пойти на продолжение старого курса, основанного на сохранении равновесия сил, т.е. усилении одного режима в противовес другому. Мы отказываемся от подобного курса не только потому, что иракская оккупация Кувейта подтвердила его несостоятельность, но и потому, что трезво оцениваем ту вражду, которую питают оба режима в отношении Соединенных Штатов и их союзников в регионе, а также поскольку не нуждаемся в опоре ни на один из них в качестве противовеса другому. Коалиция, которая сражалась против Саддама Хусейна, продолжает существовать. Пока у нас есть возможность сохранить эту коалицию и наше военное присутствие в регионе, пока нам удается ограничить военные амбиции Ирана и Ирака, и пока мы можем опираться на своих союзников в регионе в целях сохранения равновесия сил, необходимого для защиты наших более широких интересов на Ближнем Востоке, — в нашем распоряжении будет достаточно средств для сдерживания иракского и иранского режимов, и мы не будем нуждаться в опоре ни на один из них для противодействия другому.

Я надеюсь, что политика администрации Клинтона в отношении Ирака стала сейчас более понятной. Мы попросту хотим, чтобы Ирак полностью выполнил все резолюции Совета безопасности. Нельзя допустить, чтобы режим Саддама Хусейна когда-либо вновь стал источником угрозы для соседей Ирака. Мы также верны нашему обязательству гарантировать выполнение Ираком резолюции № 688 Совета безопасности, которая призывает этот режим прекратить насилие в отношении иракского народа. Кое-кто пытается представить нашу нынешнюю политику как более «мягкую» по сравнению с проводившейся прежде. Необходимо, однако, чтобы сейчас стало ясно, что мы добиваемся выполнения принятых решений

любым режимом, стоящим у власти в Ираке. Смещение Саддама Хусейна не может служить для нас достаточным основанием для отмены санкций против Ирака. Мы хотим убедиться в том, что любое правительство, которое придет ему на смену, полностью выполнит свои обязательства, вытекающие из резолюции Организации Объединенных Наций. Мы не стремимся к примирению с режимом Саддама Хусейна и не ожидаем его. Решение администрации Клинтона о публикации доклада генерального прокурора США, в котором содержатся подробности совершенных в Кувейте военных преступлений и преступлений против человечности, представляет собой лишь первый шаг. В настоящее время администрация приняла решение принять соответствующие меры по созданию специальной комиссии при ООН для расследования обвинений о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных в самом Ираке, и сбора необходимых доказательств для подтверждения этих обвинений, составляющих целые тома. Цель, которую мы при этом преследуем, тщательно изучена: она состоит в том, чтобы представить четкие и недвусмысленные свидетельства того, что нынешний иракский режим — это преступный режим, поставивший себя вне рамок международного сообщества и, по нашим оценкам, не способный к трансформации.

Мы оказываем сейчас более широкую поддержку иракскому Национальному конгрессу, рассматривая его в качестве демократической альтернативы режиму Саддама Хусейна. Конгрессу удалось расширить свою массовую базу, которую составляют представители трех основных общин Ирака: шиитской, суннитской и курдской. Конгресс, так же как и мы, выступает за сохранение территориальной целостности Ирака и за выполнение им своих международных обязательств. В настоящее время мы предпринимаем шаги к тому, чтобы различные силы региона признали этот Конгресс и оказали ему необходимую помощь.

Нейтрализация угрозы, исходящей из Ирана, — задача более сложная, хотя и не менее актуальная. Анализируя намерения Ирана и его возможности, мы находим, что многие из них представляют опасность интересам Запада. Вызов, который бросает Иран Соединенным Штатам и международному сообществу, включает целых пять аспектов. Это — государство, которое более других поддерживает терроризм и убийства в различных уголках мира. Помогая таким организациям, как «Хамас» и «Хезбулла», Иран стремится сорвать наши усилия, направленные на поощрение мирного процесса между Израилем, палестинцами и арабскими государствами. Используя свои связи с Суданом, Иран пытается мутить воду во всем арабском мире, активно добиваясь свержения дружественных нам правительств. Прилагая настойчивые усилия для овладения наступательным оружием, он ставит своей целью добиться господства над Персидскими заливом военными средствами.

Наибольшую тревогу, однако, вызывает стремление Ирана обзавестись собственным оружием массового уничтожения, в том числе ядерным, а также способными осуществлять его доставку баллистическими ракетами. При этом я должен подчеркнуть, что администрация Клинтона не возражает против существования в Иране исламского правительства как такового.

Мы, безусловно, высоко ценим наши особые отношения с рядом исламских правительств. Однако мы решительно выступаем против отмеченных выше аспектов в деятельности иранского режима, а также против нарушения этим режимом прав человека в отношении иранского народа. Мы не стремимся к противоборству с Ираном, однако мы не пойдем на нормализацию наших отношений с ним вплоть до кардинального изменения его политики. Мы хотели бы, однако, выслушать то, что хочет нам сказать Иран, при условии, что это произойдет через правительственные каналы. Во всяком случае, при отсутствии изменений в поведении Ирана мы будем активно стремиться убедить наших европейских и японских союзников, а также Россию и Китай в том, что не в их интересах помогать Ирану получить ядерные или обычные вооружения, которые станут серьезной угрозой региону. Мы также считаем, что не в их интересах способствовать улучшению экономического положения Ирана, поскольку он способен, с одной стороны, пойти на установление нормальных торговых отношений с ними, а с другой — продолжать угрожать нашим общим интересам.

Необходимость действовать в настоящий момент определяется тем, что чреватые опасными последствиями намерения Ирана на данном этапе превосходят его фактические возможности. Однако, этот этап не будет продолжаться долго. И если наши усилия, направленные на смягчение политики Ирана, потерпят провал, то через пять лет он станет сильнее и будет представлять собой реальную угрозу Израилю, арабскому миру и западным интересам на Ближнем Востоке. Возможность действовать именно сейчас определяется, с другой стороны, еще и тем, что Иран уже нельзя рассматривать в качестве надежного торгового партнера. Долг этой страны по международным кредитам достиг пяти миллиардов долларов, и эта цифра скачкообразно возрастает. Инфляция, так же как и безработица, составляет в Иране 30%. Короче говоря, инвестировать капиталы в иранскую экономику представляется невыгодным как со стратегической, так и с коммерческой точек зрения не только для США, но и для остальных ответственных членов международного сообщества.

Иран, в отличие от Ирака, пока не противопоставляет себя международному сообществу. Поэтому существует структурный дисбаланс между имеющимися в нашем распоряжении средствами для осуществления нейтрализации «охвата» Ирака и Ирана. И если в конечном итоге международное сообщество сумеет нейтрализовать угрозу со стороны Ирака, но не добьется того же в отношении Ирана, то мы невольно допустим изменение баланса сил в районе Персидского залива в пользу Ирана, что чревато весьма опасными последствиями. Таким образом, указанный дисбаланс требует приложения более действенных усилий с целью нейтрализации угрозы со стороны Ирана и смягчения его политики по мере того, как продолжает осуществляться система санкций в отношении Ирака.

Реализация концепции «двойного охвата» в зоне Персидского залива становится все более насущной, поскольку она может оказать непосредственное влияние на нашу политику на Ближнем Востоке, направленную на достижение мира в регионе. Если же

баланс сил вновь склонится в пользу радикалов, которых, возможно, на этот раз возглавят Ирак и Иран, то наиболее вероятным последствием этого будет провал миротворческих усилий, ввиду того, что военная альтернатива покажется некоторым силам в регионе вполне приемлемой.

...Заставить стороны вернуться к столу переговоров (в девятом раунде) оказалось непростой задачей. Метод, который применила администрация Клинтона для достижения этой цели, послужил прецедентом тому методу, которым мы будем руководствоваться при проведении нашей политики в отношении арабо-израильских переговоров. Во-первых, основываясь на нашей оценке того, что переговоры «созрели» для осуществления прорыва на многих фронтах, мы показали, что степень американского участия в них повысилась, так что США стали «полноправными партнерами» всех участвующих в них сторон. Но мы не можем и не сможем заменить собой сами эти стороны в ходе того торга, который они ведут друг с другом на этих переговорах.

Президент и госсекретарь со всей ясностью дали понять, что наша линия в отношении переговоров предполагает сотрудничество с Израилем. Мы верны данному нами обязательству углублять стратегическое партнерство с Израилем в интересах мира и безопасности. Тот, кто хочет добиться действительного прогресса, должен понять, что без сохранения особых отношений между США и Израилем такой прогресс осуществить невозможно.

Мы ясно продемонстрировали нашу готовность к сотрудничеству в качестве полноправных партнеров с членами арабской делегации. Они также должны идти на риск во имя достижения мира, и мы полностью осознаем это. Мы отдаем себе отчет в том, какому давлению подвергаются палестинские участники переговоров, и с какими трудностями для них было сопряжено их согласие включиться в эти переговоры. Однако, у них нет иной альтернативы, кроме вступления в переговоры для обсуждения тех мер, которые должны быть предприняты в целях реализации временной автономии. В любом случае, они должны знать, что их участие в этих переговорах открывает для них путь к тому, чтобы впервые в своей неспокойной истории стать хозяевами своей жизни и судьбы. Они должны знать, что на третьем году переходного периода смогут вступить в переговоры относительно определения своего окончательного законного статуса, подтвержденного резолюциями №№ 242;338.

Что касается сирийцев, то их участие в этом процессе является показателем желания установить подлинный мир с Израилем, т.е. добиться полного прекращения конфликта и нормализации отношений, осуществить обмен посольствами и наладить торговые связи. Если они готовы вести переговоры на этой основе, то мы, со своей стороны, также готовы внести свой вклад в осуществление решительного прорыва вперед на пути к установлению мира.

Президент полон решимости не упустить представившийся шанс, несмотря на то, что имеется немало других проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности и требующих внимания как его лично, так и его команды.

Константин Натанович БОРОВОЙ
известный российский предприниматель, сопредседатель Партии Экономической Свободы

1. Что является значимым в Вашем актуальном восприятии Ислама (культура, религиозные отношения, религиозные стереотипы, образ жизни и быта, цивилизация, личность Пророка и т.д.)?

Наверное, все, что Вы перечислили: и религиозные отношения, и какие-то стереотипы, и представления об образе жизни людей, исповедующих Ислам. Конечно, как человек православный, я в значительно большей степени воспринимаю Ислам, как явление историческое, явление культуры. Коран, к примеру, я считаю не только литературным произведением, но и историческим памятником.

2. Главное «неудобство» Ислама для Вас, наиболее очевидное отличие от системы ценностей, по которой Вы живете?

В связи с тем, что я сказал по предыдущему вопросу, я не испытываю никаких неудобств, связанных с Исламом. Так же как я не испытываю неудобств, связанных с Буддизмом. Эти великие религии — явления культуры, и я восхищаюсь ими, мне это интересно, меня это обогащает. Какие могут быть неудобства, если в своих выступлениях, интервью и просто в разговорах я порой цитирую Коран наряду с Библией? Так что неудобств нет.

3. Ваше отношение к «исламской перспективе» в России и СНГ?

Россия — это страна православная. Я надеюсь, что такой же она останется и в будущем. И хотя здесь доминирует православие, Россия терпима по отношению к другим религиям. Поэтому если под «исламской перспективой» понимать доминирование в России Ислама, если предположить такую возможность, что произойдут существенные изменения в менталитете россиян, в их культуре, основанной на православных традициях, в структуре всего государства — с такой перспективой я бы не хотел столкнуться в ближайшее время. Стабильность и православие — вот что всегда было характерно для России.

4. Ваше отношение к так называемому «исламскому фундаментализму»?

Фундаментализм — это, в принципе, основа религии. А то, что террористические организации используют фундаментализм как концепцию для оправдания своей деятельности, то это отвратительно. Если вдруг появится террористическая организация, члены которой будут называть себя православными фундаменталистами, такая организация вызовет у меня подобные же чувства. И больший ущерб, больший вред Исламу наносят те, кто использует фундаментализм для оправдания своих террористических действий. Они вызывают соответствующее отношение людей к Исламу, формируют неправильное представление об этой религии. Фундаментализм превращается в орудие. Ученый использует ножичек для резки бумаги как орудие своего труда, разрезая страницы новой книги. Но тот же ножичек в руках преступника превращается в орудие убийства. вот Вам аналогия.

Якуб Заки

Давнишний союз Великобритании с Югославией бросает свет на текущую политику

Многие удивляются британскому отношению к сербским зверствам в Боснии. Мусульмане истолковывают инертность Великобритании как доказательство некоего врожденного антиисламизма: поскольку убивают всего лишь мусульман, их жизни не принимаются всерьез.

Такие взгляды представляют собой чрезмерное упрощение; объяснение лежит в другой плоскости: Сербия была британским союзником в двух мировых войнах — старая любовь, как говорится, не ржавеет. В ходе этих конфликтов, в особенности во время Второй мировой войны, сложилась модель отношений, действующая до сего дня.

Итог югославской гражданской войны, в частности, поражение усташского режима в Хорватии, бывшей союзницы Германии, имел особую важность для Великобритании. Гражданская война сковала германские силы, необходимые в других местах. С британской точки зрения стоял только один вопрос: чей выигрыш в конфликте с германскими оккупационными силами более вероятен: монархического генерала Драже Михайловича или коммуниста Иосифа Тито? Этот вопрос носил чисто прагматический характер, исключавший соображения идеологии. Великобритания на протяжении всей своей истории была последовательна лишь в защите своих сугубо национальных интересов. Было бы нелепо недооценивать ту важность, которую Великобритания придавала гражданской войне в Югославии: сын Уинстона Черчиля Рэндольф дважды сбрасывался с парашютом в Югославии в самый разгар борьбы и входил в британскую военную миссию при Тито. Он был не один. Главный агент Британии, фактически ее шпион номер один, сэр Фицрой Маклин был также инфильтрован в Югославию и поддерживал связь с Уильямом Донованом, основателем ЦРУ. В результате возникло особое взаимоотнощение Белграда, Лондона и Вашингтона, существующее и по сей день.

Югославия — судя по имени, якобы федерация южных славян —в действительности, всегда была псевдонимом сербской империи, так же, как Чехословакия, ныне скончавшаяся подобным же образом — была просто другим наименованием чешской империи: в границах Чехословакии до 1938 года проживало 12 национальностей, среди них чехи, занимавшие господствующее положение, с трудом вытягивали на большинство: 51,15%. Оба эти государства — искусственные порождения Версальского мирного договора, так что для них пришлось выдумать эти названия. Как франко-британское создание, Югославия предназначалась для обслуживания интересов обеих стран — «родителей». Британскому контролю в Средиземноморье угрожал Муссолини и возрастающая мощь итальянского флота. В 1935 Югославия тайно предложила Великобритании воспользоваться всеми ее военно-морскими базами на Адриатическом побережье в случае войны между Великобританией и Италией.

Югославский регент, принц Павел, получил образование в Англии до Первой мировой войны, когда его семья правила еще одной только Сербией. Там он сблизился с представителями британского правящего класса. Британские отношения с Югославией опирались на поддержку королевского дома и монархического принципа. Как же в таком случае Британия смогла изменить монархическому делу ради коммуниста Тито? (С исламской точки зрения разницы нет: обе стороны одинаково ненавидели Ислам.)

В начале гражданской войны в 1941 еще не было ясно, во что в итоге выльется британская позиция. Король Петр бежал в Иерусалим, потом в Лондон, где ему предоставили апартаменты в Клэридже, и приступил к формированию правительства в изгнании. Джулиан Эмери, человек ОВО (Отдел внешних операций, подразделение Военной разведки «6») и зять Черчиля, говорил, что когда он вместе с сэром Реджинальдом Хором был послан в Иерусалим — их задачей было «заложить фундамент нашего будущего сотрудничества с королем Петром. Мы надеялись, что он сыграет главную роль в восстановлении Балкан после войны. Было очень важно доставить его в Лондон как можно скорее, чтобы он завершил там свое образование и познакомился с английскожизнью».

Тем временем падение контролируемого сербами режима в Югославии позволило создать независимую Хорватию, включавшую в себя Боснию (в союзе с Германией). Католики и мусульмане одновременно выступили с оружием против монархиста Михайловича

Иосиф Броз Тито и Уинстон Черчиль

и коммунистических партизан. Последовала бойня, в которой погибло не менее миллиона человек.

Адольф Гитлер стремился по возможности избежать оккупации Югославии, которая привела бы к распылению его ресурсов, необходимых для операции Барбаросса. Но падение Франции оставило Югославию только с одним союзником, Британией. Сербские отношения с Францией были как нельзя более тесными: французы и сербы сражались бок о бок в Салониках в Первую мировую войну. Французы надеялись, что это повторится: спецчасти предназначались для переброски из Сирии в Салоники, чтобы оттуда помочь сербам.

Британская агентура, работавшая совместно с сербским руководством югославской армии, организовала военный переворот, свергнув нейтральное правительство из опасений, что оно могло бы присоединиться к державам Оси (Германия, Италия, Япония). Эта операция преследовала цель втянуть Югославию и Турцию в войну. Молниеносный удар Гитлера по Югославии 6 апреля 1941 года предназначался для того, чтобы сдержать Турцию. Это удалось. Турция не вступила в войну, несмотря на то, что Исмет Иненю, как и Мустафа Кемаль, был настроен пробритански.

Задолго до вовлечения американцев, в январе Черчиль потребовал от президента США Франклина Д. Рузвельта послать человека (Уильяма Донована) на Балканы и Ближний Восток, чтобы поддержать там британские планы. Король Петр в какой-то момент даже планировал перенести место пребывания своего правительства в США, где оно полностью оказалось бы под американским контролем. Это не понравилось англичанам, поскольку они все еще убаюкивали себя иллюзией, что их империя уцелеет после войны; а в таком случае контроль над средиземноморским бассейном был жизненно необходим.

Параллельно деятельности прото-ЦРУ работал британский ОВО, возглавляемый Хью Дэлтоном (ставшим министром финансов после войны). И, конечно, это не была дорога с односторонним движением. Балканы — это родной дом шпионажа, и Сербия снабжала Великобританию агентами. Возможно, лучшим агентом Великобритании во время войны был некий Попов. Эдгар Гувер, сам далеко не святой, отозвался о нем, как об «аморальном декаденте». Завербованный в Белграде, он действовал, главным образом, в Лиссабоне, служившим «спортплощадкой» всех разведок во время войны.

Югославское правительство в Лондоне было парализованно разногласиями между его сербской и хорватской составляющими. В 1943 Би-Би-Си получила инструкции, запрещающие королю выступить с посланием в поддержку Михайловича. Англичане при этом подрезали крылья Михайловичу, отказав ему в военных поставках. Генерал говорил, что если бы он полагался только на британскую помощь, ему удалось бы экипировать от силы человек 200. Поэтому он принимал оружие у итальянцев, чтобы использовать его против коммунистов-партизан. Михайлович был не лучше, чем Тито — серб до мозга костей. (Тито был хорватом, но делал ставку на сербский национализм. **ред.**) Две крупнейших резни мусульман произошли на контролируемой им территории — это была работа его помощника Джурисича.

Не только Михайловичу приходилось туго: на тот момент едва держался и Тито, который даже рассматривал возможность сделки с немцами. Эти факты не получили освещения в печати до 1965, когда в Австрии и Германии вышла книга австрийского генерала Р. Кишлинга, озаглавленная «Хорваты». Владимир Велебит (один из титовских генералов) вошел в контакт с фон Гляйзо-Хорстенаном, представителем германской армии в Загребе, с предложением не капитуляции, но объединения партизанских и немецких сил, чтобы сбросить в море англо-американцев, высадившихся в Долматии.

Собственные мемуары Хорстенана лежат под замком в Австрийском Государственном архиве с запретом публиковать до 1996. Нет сомнений, что после публикации они до конца разрушат то, что еще уцелело от репутации Тито. В 1946 Тито ликвидировал единственного свидетеля этих мартовских или апрельских переговоров 1943. Он рассчитывал, что если ему все-таки удастся договориться с немцами, то это развяжет ему руки, чтобы добить Михайловича. Вопреки советам своих полевых командиров Гитлер наложил вето на эту идею.

Англичанам теперь надо было действовать быстро:

только сделав Тито своим человеком, они могли предотвратить его сговор с немцами. 28 мая они сбросили с парашютом молодого оксфордского профессора Ф. У. Дикина, личного друга Черчиля. Он приземлился около штаб-квартиры Тито и был ранен в своем убежище. С этого момента англичане поддерживали отношения как с монархическими, так и с коммунистическими силами, в то время, как югославское правительство в Лондоне имело выход только на монархистов. Держа Михайловича на голодном пайке, англичане обеспечивали конечную победу Тито в трехсторонней борьбе между усташами (фашистами), Михайловичем (монархистами) и коммунистическими партизанами.

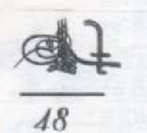
Дикин и Рэндольф Черчиль не были единственными офицерами, которые осуществляли связь с Тито. Министерство иностранных дел Великобритании было вовлечено весьма серьезно, в особенности Ричард Лоу, правая рука министра иностранных дел Энтони Идена и Р. С. Стивенсон, посол Великобритании при югославском правительстве в изгнании. Двое других были Сетон-Уотсон и личный друг Идена Верном Бартлетт. Эти высокопоставленные персоны заложили фундамент будущего сотрудничества Великобритании с Белградом. Такого рода связи с ОСС (позднее ЦРУ) осуществлялись Донованом и Линном Феришем. Британский посол при югославском правительстве (переместившимся в Каир) Стивенсон был ключевой фигурой в последовавших событиях. Он, разумеется, всего лишь исполнял инструкции, полученные от своего правительства. Стивенсон участвовал в переговорах с Тито, состоявшихся на острове Вис в 1944 году, где Тито практически был пленником англичан. До этого Черчиль поддерживал прямую переписку с Тито. Он даже восхвалял его в своей речи в Палате Общин 22 февраля 1943. Помимо его собственного сына супер-шпион Фицрой Маклин был его личным связным с Тито; нет сомнения, что все соответствовало замыслам Черчиля.

Австрийский император Карл I наследовал Францу-Иосифу в 1916

Тито обязан жизнью англичанам. Во время германской атаки на его штаб-квартиру у Драва 25 мая 1944 год он едва унес ноги — англичане вытащили на канате через единственный выход, не перекрытый немцами. Его вывезли на английском миноносце в Вис. Король Петр, его ближайший помощник Субашич и посол Стивенсон вылетели на Мальту. Оттуда Субашич и Стивенсон полетели на Вис, бросив несчастного короля на Мальте. Стивенсон, который, как чиновник британского МИДа, имел все козыри на руках, вынудил Субашича уступить всем требованиям Тито. Англичане прекрасно понимали, как полезен будет для них Тито в любой послевоенной конфронтации со Сталиным.

Итогом этих переговоров было то, что Черчиль вызвал к себе молодого короля и потребовал, чтобы он обратился к Югославии по радио и отмежевался от Михайловича. Когда король отказался, Черчиль, грубиян и задира со школьной скамьи, стал бить ку-

лаком по столу и кричать, что он лучше знает интересы Югославии. Король Петр выступил по радио. В своей штабной землянке Михайлович услышал это выступление по полевой радиостанции. Выключая радио, он сказал: «И ты, Брут», —знаменитые слова, которые произнес Юлий Цезарь перед смертью, увидев своего друга Брута среди убийц. Тито казнил Михайловича после войны.

Не один только Черчиль бил кулаком по столу. Донован, глава ОСС и директор-основатель ЦРУ, также наслаждался привольной жизнью в Клэридже, где карточная система военного времени не действовала. 31 мая 1944 года он позвонил в апартаменты короля, сказав, что придет туда через 15 минут, хотя король уже собирался лечь спать. Наглому американцу плевать было на тонкости этикета; британский шпион на его месте запросил бы аудиенцию. Когда Петр открыл дверь, Донован ввалился внутрь и заявил: «Сегодня я не генерал Донован. Я — полномочный представитель президента Рузвельта, и я вам говорю: идет жестокая война. У Югославии должно быть правительство, Хорватия отменяется. Завтра утром вот этого назначить премьером. Спокойной ночи, Ваше Величество». Так Субашич был назначен премьер-министром Югославии. Его привели к присяге на следующий день в 10 утра и не только как премьера — он дал клятву 14 раз подряд, по одной за каждую министерскую должность. Субашич должен был участвовать в предательской сделке на острове Вис, где англичане подарили Югославию Тито.

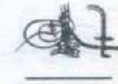
За всем этим стояло соглашение Рузвельта и Черчиля со Сталиным, разделившее Балканы на послевоенные сферы влияния: в соответствии с этим соглашением, России доставалась Болгария и Румыния, Великобритании — Греция и Югославия. Основанием такого расклада было то, что две последние страны расположены на средиземноморском побережье, а весь этот бассейн был в британской сфере интересов. В перспективе стоял вопрос о контроле над Суэцким каналом, жизненной артерией империи, над наземными и воздушными путями в Индию. Короче, Великобритания не возражала против коммунистического режима в Югославии при условии, что он отвечал бы британским, а не российским интересам; отсюда послевоенная позиция Тито, которого англичане и американцы использовали, чтобы взломать советскую гегемонию в Восточной Европе и не допустить российского проникновения в Средиземное море.

Изложенные факты о закулисном сотрудничестве между Великобританией и Сербией — общественное достояние, несмотря на то, что большая часть документов собирает пыль в архивах, хотя тридцатилетний срок давно истек. Особенно это касается тех документов, которые подтверждают соучастие Идена в истреблении Тито всех югославских борцов сопротивления, выданных после войны англичанами коммунистам. Они погибли все до единого. Жизни этих солдат были частью торга на острове Вис.

Черчиль, его сын и Тито — действующие лица этой драмы — ныне мертвы. А сложная сеть отношений между Белградом и Лондоном сохранилась. Она приносила дивиденды во время холодной войны. Великобритания — теневой союзник Сербии, и зловещий британский лорд Дэвид Оуэн с американцем Сайрусом Вэнсом (оба бывшие министры иностранных дел) готовят такое же предательство, как в свое время Стивенсон и Донован совместно с предшественником Милошевича Тито. Подобная же сеть повязок, налаженная Донованом и Фэришем, соединяет Вашингтон с Белградом. Другими словами, Оуэн — это Стивенсон 1993 и Венс —Донован 1993.

За 50 лет ничего не изменилось. Франция — та же самая: президент Франсуа Миттеран рисковал своей головой, отправляясь в боснийскую столицу Сараево, не для того, чтобы организовывать там раздачу консервов. Цель поездки — предложить президенту Алие Изетбеговичу следующий компромисс: если Изетбегович обязуется не допускать превращения Боснии в исламское государство, то Миттеран отзывает сербов. Изетбегович отказался. Вот почему резня продолжается, не утихая. Радован Караджич — лидер боснийских сербов —обыкновенный бандит, но таким же был и Тито. Традиционно англичане предпочитают иметь дело с уголовными элементами, такими, как например, Реза Шах, казак, которого они посадили на трон в Иране.

Могут спросить: с прошлым понятно, но ведь холодная война закончилась, почему же англичане продолжают проводить такую же политику? Анализируя британские политические методы, нужно помнить, что одной из характеристик англичан является их дальновидность. Крах коммунизма вернул мир не к 1939, но к *status quo ante* ситуации приблизительно 1918 года. Тогда, в эпоху Версаля, британской задачей было создание в тылу у Германии россыпь антигерманских государств. Сербия —антигерманское государство. ее роль на Балканах будет неоценима для Великобритании в перспективе вызова, который ставит перед ней объединенная Германия.

ГРОЗИТ ЛИ АЗЕРБАЙДЖАНУ СУДЬБА АРАБОВ?

Интервью с Джелялем аль-Машта, главой корпункта лондонской газеты «Аль-Хаят» в Москве

«Тавхид»: Господин Аль-Машта, Вы в курсе того, что происходит в Азербайджане, мы хотим познакомиться с Вашей оценкой последних событий.

Аль-Машта: Борьба в Азербайджане происходит на нескольких пересекающихся друг с другом уровнях: клановом, экономическом, личностном, наконец, внешнеполитическом. Народный Фронт возник как гибрид люмпенов и либеральной интеллигенции. Этот гибрид был ориентирован, в первую очередь, на Запад, во вторую очередь — на Турцию. Из Народного Фронта выросла новая компрадорская буржуазия. Главным пунктом ее политического развития должно было стать подписание соглашения о нефти с «Бритиш Петролеум», «Бензойл», «Амоко» и еще тремя мелкими нефтяными компаниями. Срок подписания — второе июля. Иными словами, известные события начались накануне этой сделки, за это же время оформилась азербайджанская национальная буржуазия. Она присутствовала во властных структурах, но не столь отчетливо. Речь здесь идет о такой фигуре, как Расул Гулиев — вице-премьер и один из крупнейших нефтяников, тесно связанный с партией Национальной Независимости Этибара Мамедова. Между этой группировкой и «традиционными управленцами» во главе с Гейдаром Алиевым мог бы возникнуть сильный альянс, но ему помешал союз между Алиевым и Суретом Гусейновым. Гусейнов отобрал у Народного Фронта большую часть люмпенов и мелкой буржуазии, положение которой к тому времени ухудшилось. Вместе с тем, эта беднейшая часть, ушедшая из Народного Фронта, способна пойти на союз с национальной буржуазией против прозападных компрадоров. Все три группировки выступили против подписания нефтяного соглашения.

«Т»: А кто же возглавляет эти группировки?

Аль-М: Одну группировку — Расул Гулиев с Этибаром Мамедовым, затем, Гейдар Алиев и Сурет Гусейнов. Между ними существуют противоречия, которые были отодвинуты на задний план, пока шла борьба против Эльчибея. С ухудшением положения в Карабахе они начнут обостряться, возможна междуусобица, в результате которой Эльчибей еще въедет в Баку на белом коне. Не забудем и о клановой борьбе. Алиев — нахичеванец. Этот могущественный клан никуда не ушел при Народном Фронте — Эльчибей сохранил пять тысяч управленцев среднего звена, связанных с этим кланом. Партия Единения, в основном, состоит именно из этих людей, и эта группировка прыгнула сейчас к власти. Иначе нельзя объяснить, каким образом силы Гусейнова, состоявшие из 1000-1500 человек смогли победоносно пройти 350 км. от Гянджи до Баку.

«Т»: Правда ли, что силы Сурета Гусейнова состояли, в основном, из офицеров российского 104-ого полка ВДВ?

Аль-М: Там были и офицеры, и техника 104-ого полка. Это уже из сферы внешних факторов борьбы в Азербайджане. Для России Азербайджан очень важен. Правда, не правомерно выдвигать здесь на первый план проблему нефти: у России ее хватает, да к тому же она сейчас не может инвестировать в нефтяную промышленность Азербайджана.

«Т»: Однако Сурет сорвал подписание нефтяных договоров, будучи инспирирован из Москвы?

Аль-М: Разумеется, он человек Муталибова. Однако, для России нефть — не вопрос номер один, гораздо важнее утрата Азербайджана, как важного звена на международном плане. К тому же, Россия опасается турецкого влияния в регионе, и, наконец, в последнее время намечается сближение между Турцией и Ираном. Алиев сохранил очень хорошие отношения с Ираном, и Иран сейчас имеет больше шансов, чем Турция. У Турции было огромное влияние, но она не смогла внести вклад в экономику Азербайджана и не оправдала азербайджанских ожиданий. Любовь к Турции обернулась разочарованием, которое стало фактором изменения политических настроений в Азербайджане.

«Т»: Успехи турецкой экономической модели сильно преувеличены?

Аль-М: Сулейман Демирель заявил, что зона интересов Турции простирается от Адриатики до Алма-Аты. Но возможности Турции очень ограничены, в первую очередь, экономически. Немцы или японцы, предлагая свою модель, способны подкрепить это инвестициями...

«Т»: Азербайджан — это конкретный участок, не Алма-Ата с Адриатикой. Почему турки там не справились?

Аль-М: Есть несколько причин. Если Турция раньше была важнейшим элементом на южном фланге НАТО,и противостояла России в Европе, то сейчас эта важность резко сократилась. Запад не приветствует претензии Турции на роль региональной сверхдержавы. Запад не хочет, чтобы Турция выходила из написанного для нее сценария. На этом основывались различия в позициях между покойным Тургутом Озалом и Сулейманом Демирелем. Озал делал воинственные заявления, а Демирель — реальную политику. В нефтяном вопросе, однако, Турция и Запад близки. Ей полагался процент от этого соглашения, конечно, небольшой.

«Т»: Противодействие Западу не позволило Турции развернуться?

Аль-М: Есть и другие факторы, например, общая граница Азербайджана с Ираном или наличие 20 млн. азербайджанцев в Иране. Вряд ли у южных азербайджанцев нашла бы отклик идея слияния Баку с Анкарой.

«Т»: Жизнь разбила иллюзии туркофильствующих бакинских интеллигентов. Азербайджанцы играют огромную роль в Иране и не собираются с этой ролью расставаться.

Аль-М: Речь идет даже не столько об азербайджанском истеблишменте в Иране, сколько о низах и средних слоях — они экономически гораздо благополучнее, чем население нынешнего Азербайджана.

«Т»: Возвратимся к факторам, помешавшим Турции...

Аль-М: Средний уровень образованности в Азербайджане выше, чем в Турции. Претензии турок на роль нового «старшего брата» оказались необеспечены.

«Т»: После прихода Эльчибея к власти у азербайджанской армии были некоторые успехи на севере Карабаха. Может ли быть так, что Ереван манипулирует политическим процессом в Азербайджане посредством фронта? Например, Еревану нужно вернуть Эльчибея, и азербайджанскую армию будут ожидать новые поражения, дискредитирующие Алиева?

Аль-М: Связь фронта с властью в Баку очень болезненная. Вспомним, как убирали Муталибова. Вспомним, что Эльчибей заявил, что за первые сто дней своего правления он решит карабахскую проблему, и, не решив, он стал ее жертвой. Нет ничего неожиданного, что армяне пользуются положением на фронтах, чтобы повлиять на ситуации в Баку. Но есть и другое. И с той и с другой стороны есть силы, заинтересованные в продолжении боевых действий. Ведь любая война — это огромное вложение средств. Эти заинтересованные силы не обязательно сами азербайджанцы или армяне. Возможно, есть люди других национальностей. Откуда, например, Армения в блокаде взяла такое количество топлива для своего крупного наступления на Кельбаджар? Для этого ведь нужна не нефть, а нефтепродукты. А недалеко в Азербайджане есть нефтеперерабатывающий завод.

Азербайджанские солдаты ведут городской бой

«Т»: Почему, все-таки, Азербайджан не может решить карабахский вопрос?

Аль-М: Я считаю, что в Азербайджане пока не существует армия. На военные нужды расходуется официально около трети бюджета, неофициально — две трети. Но как расходуется? Крепких вооруженных сил нет. Второе — армянам Карабаха отступать некуда. Я был в Карабахе с обеих сторон и знаю, что армяне воюют очень ожесточенно и эффективно.

«Т»: А есть там карабахские армяне? Ведь практически все население давно эвакуировано в Армению, за исключением символической небольшой части.

Аль-М: Думаю, что есть. До последнего времени армяне и азербайджанцы были как Давид и Голиаф, но сейчас очевидно, что Давид и Голиаф поменялись местами. Бьют Азербайджан. Армяне оккупировали территорию, равную двум Карабахам, захватили Агдам. Они пользуются тем, что могут вести переговоры с позиции силы и будут вести их до тех пор, пока

Азербайджан — очередная жертва «мирового правительства»

азербайджанцы дерутся между собой. Хочу еще сказать о внешнем факторе. Обычно под этим понимают поддержку Армении Западом. В этом изменений не будет. А вот Россия — это другой вопрос.

«Т»: Она начнет поддерживать Азербайджан?

Аль-М: Скорее уменьшит поддержку Армении.

«Т»: Как Вы считаете, существует ли духовный кризис азебайджанской нации?

Аль-М: Азербайджан — это молодая, зарождающаяся нация.

«Т»: Геополитически Азербайджан существует тысячи лет Как культурно-политическое тюркское пространство — минимум с XV века...

Аль-М: То был другой Азербайджан. Сейчас нарождается новая общность, воспитанная в советское время, имеющая нефть, сохраняющая стратегическое положение на Каспии, обладающая еще не раскрытым, очень неплохим интеллектуальным потенциалом. Будущий Азербайджан явится очень странным гибридом с элементами советской системы, что-то от Турции, что-то от Ирана. Истоки могут быть религиозными, национальными, идеологическими.

«Т»: Есть мнение, что многие беды Азербайджана происходят от того, что космополитическому Баку наплевать на судьбы республики. Если бы столица была в Гяндже, многое пошло бы по-другому.

Аль-М: Допускаю. Интернационализм Баку — это беда многих портовых городов — Одессы, Гамбурга, Нью-Йорка, но ведь названные города — не столицы. Столица, находящаяся на отшибе у государства, как Баку, это не центр государства.

«Т»: Вопрос, навеянный гумилевской доктриной этногенеза: чей уровень пассионарности сегодня выше, имея в виду противоборствующие стороны?

Аль-М: Я не специалист, но по-моему, все-таки, у армян.

«Т»: Чем Вы это объясняете?

Аль-М: Еще не изучено влияние природы на пассионарность. Суровая горная местность ожесточает. Исторически армяне происходят из региона озера Ван— очень суровые места.

«Т»: Кстати, по последним опросам 70% жителей Армении ответило «да» на вопрос: «Хотите ли вы уехать из Армении?» И еще два вопроса. Первый — насколько реально возвращение Эльчибея? Второй — есть ли у Азербайджана свет в конце туннеля?

Аль-М: Все будет зависеть от развития событий в Карабахе и отношений с Россией. Возможно вступление Азербайджана в экономические союзы в рамках СНГ, как прелюдия возвращения в СНГ. Если будут налажены такие мосты с Москвой, то карабахская проблема будет решена, следовательно новые люди, которые пришли к власти, останутся, и у Эльчибея никаких шансов не будет. В противном случае будут новые поражения в Карабахе, либо, если новые власти не смогут стабилизировать экономическое положение, начнутся столкновения между ними. Партия Этибара Мамедова сейчас заявила о своей оппозиции, хотя он был кандидитом на пост премьера. Не исключаю даже союза между Мамедовым и Народным Фронтом. Это будет новый раунд внутриполитической борьбы. А свет в конце туннеля, прежде всего, зависит от осознания азербайджанцами того, что карабахская проблема военного решения не имеет.

«Т»: Если бы была армия, тогда можно было бы сказать, есть ли военное решение или нет.

Аль-М: Армию можно создать,— это вопрос времени. Я имею в виду, что это не зависит от военных успехов, ни великие державы, ни региональные державы военного решения не допустят.

«Т»: Вы имеете в виду, что Карабах в итоге установок Турции, Ирана, России, США обречен стать частью Армении?

Аль-М: Думаю, что он будет иметь отношение к Армении, но полное отделение от Азербайджана на данный момент не входит ни в какие сценарии. Когда был поставлен вопрос о независимости Карабаха сразу после кельбаджарских событий, Россия сделала очень важное заявление о том, что Карабах имеет «внутренние и внешние границы». В этом суть того, как Москва видит решение проблемы. Если это государственное образование будет внутри Азербайджана, имея при этом какой-то выход к Армении (не Лачинский коридор), Армения сама не допустит присоединения к себе. Они просто требуют на переговорах «100», имея в виду получить «50». Если они получат «50», им этого вполне хватит.

«Т»: Это будет такой удар по национальному самосознанию азербайджанцев, что ни один режим, который пойдет на компромисс в этом вопросе, не будет иметь шансов удержаться у власти.

Аль-М: Все арабские страны до совсем недавнего времени предполагали то же самое, но факт существования Израиля признан, а резолюции ООН №№242 и 338 не выполняются. Теперь уже не арабы отказываются от признания этих резолюций, а Израиль. Таковы факты.

«Т»: Спасибо.

Рене Генон

ВЫРОЖДЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Рене Генон (1889-1951), исламское имя — Абдул-Вахид Яхъя — крупнейший теоретик Универсальной Традиции. В 1915 году принял Ислам по каналу суфийского тариката Шазилиййя. Основные работы посвящены противопоставлению традиционалистских цивилизаций профанической цивилизации современного запада. Книга, из которой взята данная глава, в определенном смысле является итогом жизненной работы Р. Генона.

Глава из книги «Царство количества и знаки времени»

Рене Генон

В этом пункте нашего изложения было бы небесполезно сделать хотя бы в самом общем виде несколько земечаний по весьма специфическому вопросу. В нем содержится поразительный пример того, к чему приводит концепция «обыденной жизни» и в то же время превосходно «иллюстрируется», как эта концепция связана с сугубо количественными мировоззренческими ориентациями. Речь идет о деньгах. Если придерживаться сугубо «экономической» точки зрения в нынешнем понимании слова, то кажется, что весь вопрос целиком относится к «царству количества». В этом плане деньги играют в современном обществе хорошо всем нам известную главенствующую роль; истина же состоит в том, что сама «экономическая» точка зрения и исключительно количественная концепция денег, неотделимая от этого экономизма, есть следствие сравнительно недавней деградации. В действительности, с момента возникновения и на протяжении долгой истории деньги имели совершенно другую природу, и их ценность принадлежала к сфере качества, как бы это не казалось удивительным общей массе наших современников.

Весьма нетрудно заметить, если есть, как говорится «глаза, чтобы видеть», что древние монеты буквально покрыты традиционными символами, среди которых встречаются и весьма глубокие; так, особо отмечено, что у кельтов символы, фигурирующие на монетах, могут быть истолкованы лишь в соотнесении с доктринальными знаниями, которыми владела каста друидов, что свисвидетельствует о прямом вмешательстве последних в данную область; разумеется, то, что верно в отношении кельтов, равно справедливо и в отношении к других народов древности (с учетом особенностей различных традиционных структур общества. Это точно согласуется с отсутствием профанического подхода в строго традиционных цивилизациях: деньги, там, где они существовали, не могли быть профанической вещью, в которую они превратились позднее; иначе нельзя было бы объяснить вмешательство в эту сферу духовного

авторитета, не имеющего ничего общего с профанизмом, и нельзя было бы понять, почему самые разные традиции говорят о деньгах, как о чем-то наполненном «духовным влиянием», которое эффективно проявляется через символы, используя их как свою нормальную «опору»? Добавим, что вплоть до очень недавних времен можно было обнаружить последние отголоски этих представлений в наличии специальных денег религиозного назначения, у которых, конечно, не осталось собственно символической ценности, но которые тем не менее являлись как бы напоминанием о более или менее непонятой традиционной идее; после того, однако, как в некоторых странах эти деньги были отнесены к сугубо финансовому плану, они в конце концов исчезли полностью. Действительно, для их существования больше не было основания там, где деньги окончательно превратились в некий знак исключительно «материального» и количественного порядка.[1]

Контроль духовного авторитета над сферой денег, в какой бы форме он ни осуществлялся, не является чем-то свойственным лишь древности. В самом западном мире можно найти указания, что этот контроль сохранялся до конца Средних Веков, т.е. до тех пор, пока Запад еще обладал традиционной цивилизацией. Иначе нельзя объяснить, почему некоторые суверены в эту эпоху были обвинены в «искажении денег»; если их современники вменяли им это в преступление, то отсюда следует, что они не располагали свободой менять пробу в монетах, и, что, изменяя ее по своей инициативе, они превышали права, признанные за мирской властью.[2] В любом другом случае подобное обвинение было бы очевидно лишено смысла. Проба монеты имела бы лишь условное значение, и в конечном счете было бы неважно, чеканится ли она из какого-то определенного металла, или вообще заменена бумажными деньгами, как это по большей части произошло в наши дни; это не помешало бы деньгам иметь совершенно ту же «материальную» функцию. Было, следовательно, нечто другое — высшего порядка, ибо только в таком случае упомянутое искажение могло иметь характер тяжкого преступления, способного нарушить даже устойчивость королевской власти: ведь, поступая так, последняя узурпировала прерогативы духовного авторитета — единственного подлинного источника законности; именно эти факты, непонятые современными историками, четко указывают на неведомые сегодня стороны денежного вопроса в Средневековье и в древности.

Здесь произошло то, что вообще случается со всеми вещами, играющими ту или иную роль в человеческом существовании: эти вещи лишаются мало по малу своего сакрального или традиционного характера и, таким образом, само существование становится совершенно профаническим и в итоге оказывается сведенным к низкой посредственности «обыденной жизни», каковая и явлена нам сегодня. В то же время пример денег хорошо показывает, что эта профанизация осуществляется, главным образом, как сведение всего к исключительно количественному аспекту; действительно, ведь теперь уже трудно представить, чтобы деньги могли быть чем-то кроме выражения простого и чистого количества; но если здесь это особенно четко видно благодаря завершенности процесса, это не значит, что нет других примеров, как человеческая жизнь замыкается в убожестве профанического сознания.

То, что мы говорили о преимущественно количественном характере современной промышленности и всего с нею связанного позволяет в достаточной степени это понять: постоянно окружая человека индустриальной продукцией, не давая ему видеть ничего другого (иначе как в музеях, где он встречается с «достопримечательностями», не связанными «реально» с его жизнью и соответственно не влияю-

щими на нее) его поистине вынуждают замкнуться в тесных рамках «обыденной жизни», как в глухой тюрьме. В традиционной же цивилизации напротив всякий предмет, помимо своего непосредственного назначения, должен был в любой момент действительного использования (а не любования, которым занимаются современные люди по отношению к так называемым «предметам искусства») служить посредником между индивидуумом и чем-то большим, чем физический мир и помогать каждому подняться на более высокий уровень в меру своих способностей.[3] Какая бездна между этими двумя подходами к жизни! Это вырождение качества во всех вещах тесно связано с дегенерацией денег: в обыденной жизни объект «оценивается» по своей стоимости, которая в свою очередь понимается просто как цифра, нумерическая фиксация некой денежной суммы. Действительно, у большинства наших современников всякое суждение о предмете базируется почти исключительно на том, сколько он стоит. Мы подчеркнули слово» оценивается» из-за двойственности его значения, как качественного, так и количественного; сегодня первое из этих значений утрачено (точнее, найден способ сведения качества к количеству). В результате не только предмет «оценивается» по своей стоимости, но и человек по своему достатку.[4] Тоже самое произошло вполне естественно со словом ценность, и отметим, кстати, что на этом строится любопытное заблуждение некоторых новейших философов, которые даже изобрели, чтобы охарактеризовать свои теории, выражение «философия ценностей»; в основе их мыслей лежит представление, что все, что угодно, может быть помыслено количественно и выражено в числе; «морализм», которым они, главным образом, озабочены, оказывается прямо связанным с количественным подходом.[5]

Возвращаясь к конкретному вопросу денег, нужно добавить, что в этом отношении случился примечательный феномен: как только деньги потеряли всякую гарантию высшего порядка, само их количественное достоинство или, как выражаются экономисты на своем жаргоне, «покупательная способность» беспрерывно уменьшается; можно представить, в некой перспективе, которая становится все ближе, как деньги потеряют всякий смысл, даже самый «практический» и «материальный» и им придется исчезнуть из жизни людей. Такой странный поворот дела не трудно, однако, понять из наших предыдущих объяснений: поскольку чистое количество находится ниже сферы существования, доведение количественого фактора до крайности, как в случае денег, приводит к совершенному исчезновению. Отсюда ясно, что безопасность «обыденной жизни» есть в действительности нечто весьма хрупкое, и мы увидим в последствии, что эта обыденная жизнь уязвима во многих других отношениях; вывод же из всего этого определенно остается все тем же: тенденция к чистому количеству, захватившая людей и вещи, может завершиться лишь окончательным уничтожением нынешнего мира.

1— Речь идет, по видимому, об особом роде бумажных денег, распространенных в Китае и других странах конфуцианской культуры, которые предназначались для посылки покойным родственникам на тот свет. Они покупались за обычные деньги и ритуально сжигались в поминальный день. **(прим. пер.)**

2— См. «Духовные авторитеты и мирская власть», где мы более подробно обращаемся к примеру Филиппа Красивого и предполагаем возможность тесной связи между разгромом ордена Храма и искажением денег. Это будет легко понять, если допустить, как по меньшей мере весьма вероятное, что орден Храма имел среди прочих функций осуществление духовного контроля в этой области; не будем останавливаться на этом подробнее, но напомним, что по нашим оценкам именно в этот момент возник сдвиг, определивший современность.

3 — На эту тему можно ознакомиться с многочисленными исследованиями А. К. Кумарасвами, который подробно разработал ее во всех аспектах.

4— Американцы в этом плане зашли так далеко, что говорят обычно о ком-либо: такой-то «стоит» столько-то, имея в виду размер денежного состояния; они говорят также, что человек не преуспел в своих делах, но что он «стал успехом», иными словами, они полностью отождествляют индивидуума с его финансовыми достижениями!

5—Эта связь, между прочим, не так уж нова. Она восходит к так называемой «моральной арифметике» Бентама, которая датируется концом XVIII века. На этих примерах очевидно также настоящее вырождение языка, которое либо сопровождает, либо следует за упадком всего остального; поистине, миру, где изощряются все свести к количеству, соответствует язык, способный передавать только количественные понятия.

Ахмад Зайад Абадинеджид

Босния и Герцеговина: истоки кризиса

Боязнь появления независимой исламской республики в центре Европы — причина молчаливого согласия на продолжение неприкрытого геноцида мусульман

Безжалостный геноцид мусульман сербами в Боснии и Герцеговине и согласованные действия белградских властей по выселению мусульман из мест их постоянного проживания под лозунгом «этнических чисток» — все это приняло сегодня столь трагические масштабы, что даже западные средства массовой информации и западные лидеры были вынуждены признать некоторые из ужасающих преступлений, совершенных в последние месяцы на мусульманских территориях бывшей Югославии, и обвинить в них и в других зверствах сербов. На Западе послышались призывы предпринять немедленные шаги, чтобы остановить избиение невинных людей.

Трансляция фильмов о сербских концентрационных лагерях для мусульман и вид ни в чем не повинных узников, которые из-за перенесенных ими мук походили скорее на мертвецов, чем живых людей, всколыхнули общественное мнение и напомнили западной публике о нацистских концлагерях. Эти кадры вызвали всеобщее возмущение по поводу безразличного отношения Запада к кровопролитию на мусульманских территориях. Страшные преступления, совершенные в последние месяцы в районах проживания мусульман на территории бывшей Югославии, приняли такой масштаб, что любые попытки скрыть их стали бесполезными. Поэтому западные средства массовой информации, всячески старавшиеся в течение этих месяцев принизить значение трагических событий в Боснии, теперь довольно неуклюже спешат обвинить во всех грехах второстепенную силу, а именно сербское меньшинство в Боснии и Герцеговине, и таким образом снять вину за случившееся с западных правителей, равно как с белградских властей и хорватских лидеров.

Однако пристальный взгляд на происходящее в Боснии и критический анализ того, как западная пресса и телевидение интерпретировали эти кровавые события, не оставят ни у одного информированного обозревателя ни малейшего сомнения в том, что ответственность лежит на западных лидерах и они виноваты не в меньшей степени, чем непосредственные исполнители преступлений.

С недавних пор западные средства массовой информации не оставляют попыток делать вид, будто бы Запад не только не несет ответственности за то, что случилось в мусульманских районах бывшей Югославии, а, наоборот, будто бы все меры Запада были предприняты в интересах жертв нескольких последних месяцев. Среди уверток и хитростей западной прессы можно отметить публикацию статей, осуждающих политику этнических чисток, а проще говоря, изгнания из родных мест мусульманского населения или его физического уничтожения для того, чтобы потом поделить эти территории между сербами и хорватами.

Профессор Норман Истон (Norman Easton) тщательно проанализировал исторические корни кризиса в бывшей Югославии и попытался доказать, что исходной причиной недавних событий является историческая вражда между этническими группами, населяющими этот регион. Его статья с историческим анализом проясняет некоторые из сложнейших аспектов событий в бывшей Югославии, а также касается их исторических прецендентов.

Профессор Норман Истон, преподающий новейшую историю в Оксфордском университете, считает, что корни современных конфликтов в бывшей Югославии следует искать в разграничении этой территории при римском императоре Константине.

Во время правления Константина Рим достиг пика своего могущества; подвластные ему страны простирались от Шотландии до Армении. Но величие стало

прелюдией ослабления и распада Римской империи. Не в силах править такой обширной державой, Константин был вынужден разделить ее на две части — Восточную Римскую и Западную Римскую империи. С тех пор герб империи — парящий орел, символизировавший власть над небесами, превратился в двуглавого орла, одна голова которого смотрела на восток, другая — на запад. Тело двуглавого орла как бы символизировало территорию, принадлежавшую обеим частям империи (Восточной и Западной), а шея птицы — там, где она делилась надвое — пришлась точно на регион, ныне известный как Балканский полуостров. В восточной части шеи имперского орла располагалась территория, которую сейчас называют Сербией, а в западной — Хорватия, Босния и современная Словения. Восточная часть империи вскоре была завоевана турецкими мусульманами и стала частью Османской империи. Османы мирились с присутствием проживавших на их территории христиан, и там была создана православная церковь. В западной части доминировал католицизм, а вскоре католическая религия стала господствующей на Западе и положила конец Римской империи.

В XIX веке, когда Австрия отвоевала свои земли, потерянные ранее в сражениях с османами, представители разных этнических групп, населявшие Балканский полуостров, тоже провозгласили независимость. Но методы разграничения их территорий были такими, что лишь усугубили старую вражду и непримиримость. В западной и северной частях полуострова у власти были славянские католики (хорваты), а на востоке и на юге правили православные славяне (сербы) и мусульмане. И хотя этнически эти национальности отличались мало и говорили на близких языках, их религиозные воззрения заметно разнились друг от друга.

В XX веке националистические движения, за спиной которых стояли западные правительства, обострили этнические противоречия на

Франц-Иосиф правил в Вене с 1848 по 1916

Балканах и спровоцировали первую мировую войну. После войны славянские католики (хорваты), жившие на северо-западе, и православные славяне (сербы), жившие на юге и на востоке, заключили сделку, создав славянский союз под управлением православного сербского короля Александра. Так родилась Югославия, или государство южных славян. Тем не менее, отношения между хорватами и сербами в этом союзе были далеко не братскими. В 1928 году от сербских пуль пали хорватские депутаты скупщины, а король Александр ввел диктаторский режим на территории Хорватии. В 1939 году обе стороны подписали соглашение, согласно которому хорватская часть Югославии получила автономию. Казалось, что это откроет новую эру мирного сосуществования обеих этнических групп. Но разразившаяся Вторая мировая война разорвала все связи между ними. Италия оккупировала Адриатическое побережье, а Германия захватила Сербию, тогда как в Хорватии было посажено марионеточное правительство.

Часть хорватов начала массовое избиение сербов, в то время как другая их часть во главе с Тито, будущим лидером Югославии, стала союзником сербов в борьбе против фашистских войск. После окончания войны Тито составил проект новой конституции Югославии, поделив страну на шесть республик, в которых проживали пять национальностей. Официальными были признаны четыре языка и три основные религии. В стране преобладали два алфавита. А все государственные дела решала одна партия. Хотя контроль над партией и над армией остался в руках сербов, которые составляли самую крупную этническую группу (около 9,8 млн. человек), Тито предусмотрел права национальных меньшинств и предоставил им некоторые ключевые посты в государстве. Эти меры в какой-то степени предотвратили монополизацию сербами всей власти. После смерти маршала Тито в 1980 году его объединяющее влияние на Югославия сошло на нет, и местные национальные силы возобновили попытки получить независимость. Несмотря на то, что шесть этнических групп жили более или менее компактно в разных республиках СФРЮ, метод разделения страны привел к тому же историческому разладу, который возник во времена правления римского императора Константина, поделившего империю на восточную и западную части.

На самом севере Югославии проживают словенцы, около двух миллионов человек. Этнически они сербы. В прошлом словенцы испытывали сильное влияние со стороны немцев и чехов, а позже — австрийцев. Словенцы — католики, хотя в их истории был коротокий период господства протестантской веры, что наложило отпечаток на их религиозные взгляды. Словенцы сильно ориентированы на Запад, поэтому их действия в начале прошлого года, направленные на приобретение независимости, получили безоговорочную поддержку всех западных стран. Без всякого противодействия со стороны властей бывшей Югославии их независимость была признана. В ближайшем будущем Словения присоединится к Европейскому Сообществу и войдет в ЕС как независимое государство.

Решение Словении объявить независимость вдохновило хорватов на аналогичные шаги. Как пишет профессор Истон, некоторые специалисты считают хорватов арийцами, а этноним «хорват» («кроат») — производным от слова «курд». Они откочевали с иранского плато на Балканы, и ко времени падения Римской империи ареал их проживания достиг на юге границ Боснии. Хорваты приобрели

Традиционный союз сербов с Францией был укреплен в после прихода к власти горячего франкофила Петра I

широкую известность во времена крестовых походов. В течение XIX века при британской и американской поддержке хорваты противостояли сербскому влиянию, возрождая свое национальное самосознание. Сейчас они насчитывают 4,7 млн. человек, и после нескольких месяцев кропролитной войны с сербами они достигли некоторого признания со стороны белградских властей. Это признание (по мнению обозревателей весьма хрупкое) подразумевает, что сербы признают независимость Хорватии. Однако присутствие здесь сильного 700-тысячного сербского меньшинства создает напряженность и стало причиной ввода наблюдателей ООН. Сейчас в Хорватии 14 тысяч военнослужащих миротвор — ческих сил контролируют соблюдение перемирия, заключенного в прошлом январе после гибели 10 тысяч людей и разрушения исторических зданий и памятников культурного наследия.

Третья этническая группа в Югославии — это сербы, потерпевшие поражение от турков в Мохачской битве и на пятьсот лет попавшие под турецкое владычество. В отличие от хорватов, сербы — этнические славяне. Они исповедуют православную веру и имеют традиционно сильное влияние в России. В XIX веке сербы изгнали из своих земель османских турок. При этом они устроили резню турок и других югославских мусульман, мало отличавшуюся от нынешнего избиения боснийцев. Они разрушали мечети, жилища, разоряли хозяйства мусульман. Они лелеяли мечту создать великую Сербию, то есть государство, охватывающее земли всех южных славян.

В западной части Сербии расположена Черногория, население которой составляет около полумиллиона славян. Этнически они мало отличаются от сербов. Хотя там существует заметное национальное меньшинство албанцев, Черногория считает себя частью Сербии.

Самая южная республика Югославии — Македония, где проживают сербы, мусульмане и греки. Греция протестует против стремления Македонии к независимости и поднимает на смех само существование славянской Македонии, поскольку в историческом плане Македония — это родина Александра Македонского, она была частью Древней Греции, а ее этнические корни и язык были греческими. На западе и севере Македонии расположен автономный край Косово, большинство населения которого (90%) албанские мусульмане. Их язык имеет индо-европейские корни, то есть принадлежит к той же группе, куда относятся английский язык, санскрит, фарси. Сербия не желает слышать ни о какой независимости Косово, и чтобы этого не случилось, создала там военное правительство.

Последняя этническая группа югославов живет в Боснии и Герцеговине, которые в последние месяцы стали ареной наиболее зверских и кровопролитных атак.

Слово «Герцеговина» немецкого происхождения. Когда османы проникали на Балканы, в Боснию, они встречали там славян, не желавших принимать православную веру. Турки предложили им совместно бороться против православной церви. Предложение было принято — так славяне стали мусульманами. До 1878 года Боснией и Герцеговиной официально управляли турки, а после этого одно поколение боснийцев выросло под властью Австро-Венгрии, но это практически не ослабило влияния Османской империи. Сейчас население Боснии и Герцеговины насчитывает 4,4 млн. человек, 43,7% из которых составляют мусульмане. После девяти месяцев кровопролитной войны сербов против боснийских мусульман мы стали свидетелями альянса между сербами и хорватами. Еще не так давно хорваты искали поддержки мусульман для отражения сербской агрессии. Но теперь, совершив поворот на 180 градусов, они ослабили позицию своих недавних союзников.

В этих условиях боснийцы вынуждены смириться с децентрализованным государством, лишенным сильной центральной власти. Похоже, равновесие сил в бывшей Югославии и уготовило такую судьбу Боснии и Герцеговине.

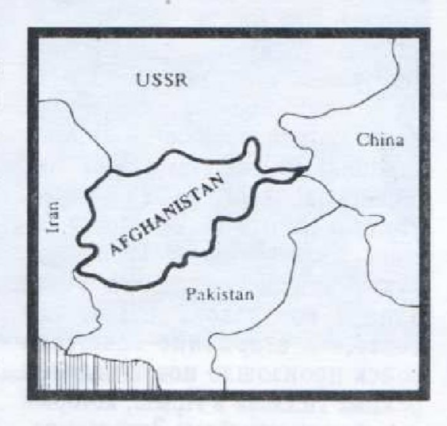

Ахмад Зайад Абадинеджид

Афганистан и борьба за власть

Проникновение западной культуры на Восток и распространение ее в исламских странах за последние два века привели большинство этих стран к кризису. Кризис вызван глубокими противоречиями между исламской и западной культурами. В отличие от других религий, ислам — религия социальная, которая требует от своих последователей строгого исполнения предписаний во всех сферах жизни. С первого взгляда видно, что эти предписания вступают в конфликт с теми западными обычаями и с той системой западных ценностей, которые получили распространение среди определенных общественных классов Востока. И начавшийся еще полтора века назад спор «традиционализма и модернизма» до сих пор не прекращается в большинстве исламских стран.

Временами этот спор оканчивается победой традиционализма, иногда — господством модернизма. Попытки многих исламских мыслителей теоретически примирить эти две культуры, так и не получили признания. А в целом, этот спор вызвал множество раздоров и разногласий в исламских странах и привел к социально-политической нестабильности. Модернизация традиционного племенного устройства Афганистана началась в 1919 году с приходом к власти Аманулла-Хана, попытавшегося провести в Афганистане, хоть и в меньших масштабах, те же реформы, что Ататюрк начал в Турции, а шах Реза Пехлеви намеревался начать в Иране. За десять лет Аманулла-хан учредил некоторые новые общественные институты и провел ряд культурных реформ. Однако, традиционалисты, сочтя эти перемены вредными и неприемлемыми для Ислама, подняли мятеж и отстранили его от власти. Центром мятежа был кабульский район «Шур

Базар», где проживают последователи Накшбанди-Хана. И, хотя свержение Амманула-Хана приписывают проискам агентов Великобритании и бывшего Советского Союза, все же, если выяснить, кто именно был противником его политики, то будет очевиден все тот же конфликт между традиционализмом и модернизмом.

К власти пришел Надир-Шах, нисколько не собиравшийся конфликтовать с традиционалистами, а после его смерти в начале тридцатых годов, — его сын Захир-Шах. За первые двадцать с лишним лет правления Захир-шаха в кочевно-племенном устройстве Афганистана не произошло никаких изменений. Центральное правительство не вмешивалось ни в дела духовенства, ни в жизнь провинций, где правили племенные вожди. Можно сказать, не уклоняясь от истины, что в Афганистане все шло так, как это было заведено при феодализме.

В 1953 году Захир-Шах назначил премьер-министром своего родственника Дауд-Хана. Все десять лет своего правления (Десятилетие Дауда) тот настойчиво продолжал реформы Аманулла-Хана. С введением новой системы образования, при которой студенты отправлись учиться за рубеж, в интеллектуальной среде афганского общества стали происходить существенные сдвиги. Афганские студенты возвращались домой с новыми идеями, которые соответствовали настроениям тех стран, где они учились. Студенты, получившие светское образование преимущественно в Европе и Соединенных Штатах, усваивали новейшие западные и марксистские идеи. Армейские офицеры, направлявшиеся на учебу в бывший Советский Союз, возвращались убежденными сторонниками ортодоксального марксизма и социалистической системы. Мусульманская молодежь, получая духовное образование в Египте, Пакистане, Иране, Ираке и Саудовской Аравии, проникалась идеями исламского фундаментализма и, особенно, идеями Ихван Аль-Муслимина. Постепенно Кабульский университет превратился в арену ожесточенных идейных споров и столкновений всевозможных исламских и марксистских группировок, переходивших порой в кровавые стычки.

В 1962 году Захир-Шах сместил Дауда и вскоре после этого абсолютная монархия в Афганистане была преобразована в конституционную. Был учрежден Первый Афганский Совет (Шура) — ассамблея, объединившая вождей и старейшин племен. В те же годы коммунисты образовали Народную Партию Афганистана, которая вскоре раскололась на две фракции — Хальк и Парчам. Лидеры Парчам были сторонниками медленной и постепенной революции, отвергали крайние и насильственные меры, а Нур Мухаммед Тараки даже готов был искать пути для участия в Шуре.

Фракция Хальк, напротив, настаивала на проведении скорейших насильственных преобразований. Что касается исламистов, то они объединились в 1971 году в так называемую Организацию Мусульманской Молодежи Афганистана.

Наиболее заметными лидерами этой организации оказались Ниязи, Умар, Сайяф, Хекматияр и Хабиб аль-Рахман. Бурханиддин Раббани был также одним из этих лидеров. Однако из-за идейных разногласий эта организация так никогда и не сделалась сплоченной, а в дальнейшем пути ее основателей радикально разошлись.

В 1973 году Дауд-Хан при поддержке армейских офицеров — сторонников Хальк, поднял мятеж против Захир-Шаха, сместил его и отправил в ссылку в Рим. К власти пришла коалиция Дауда с марксистами. В этот период гонения на мусульманских деятелей усилились до такой степени, что Умар и Ниязи были убиты, а Хекматияр, Раббани и Сайяф были вынуждены спасаться бегством в Пешавар. На исходе второго периода своего правления Дауд проявил склонность к сближению с Западом. Новая политика Дауда привела к размежеванию с бывшим Советским Союзом и, следовательно, с коммунистами в собственной стране. Когда армейские офицеры-марксисты и члены партии Хальк осознали, что вскоре не только окончательно лишатся власти, но и подвергнутся преследованиям, они в 1978 году подняли мятеж против Дауда и взяли бразды правления в свои руки.

Действия коммунистов, управлявших Афганистаном, особенно в период Хафизуллфы Амина, не отличались от политики большинства крайне левых группировок в странах третьего мира. Они приступили к ряду коренных преобразований, не считаясь ни с мнением народа, ни с сохранившимися культурными традициями и обычаями. Отсутствие у страны необходимого финансового, образовательного и технологического потенциала привело к тому, что все насильственные радикальные преобразования, так и не покончив с нищетой, разрушили традиционно сложившийся уклад в деревне и ввергли в расстройство дела крестьян. Это, в свою очередь, вызвало резкое снижение сельскохозяйственной продукции, и, следовательно, рост нищеты и страданий народа. Введение обязательного школьного образования для женщин, которых загоняли в класс практически под дулом автомата, угрожало главенствующему положению мужчины в общественном укладе. Попытки правительства разрушить традиционные устои общества, его вмешательство даже в семейный уклад, привели к вспышке кровавых восстаний в глухих уголках страны.

По своему неистовству и жестокости эти восстания были беспрецедентными для современной истории — казалось, вновь настали дикие времена, когда убивают серпами и отрезанные головы молодых учителей отсылают из селений в город. Эти восстания захлестнули всю страну и поставили под угрозу само существование правящего режима. Советский Союз, желая сохранить своего близкого союзника, в 1980 году предпринял попытку военного вмешательства, чтобы подавить их. Советская военная интервенция вызвала бурную реакцию со стороны стран Запада во главе с США, тем более,что вторжение советских войск произошло после падения режима Пехлеви в Иране, который играл роль жандарма Запада в регионе и был превращен в основную базу для защиты интересов США в регионе.

Американцы почувствовали, что Советскому Союзу, учитывая возобладавшие в Иране тенденции, ничего не стоит достичь Красного моря и Персидского залива через Белуджистан, взять под свой контроль потоки нефти, а, стало быть, будет нарушен мировой баланс сил.

Это было главной угрозой интересам США. Поэтому США и их союзники, как в Европе, так и в регионе, приняли решение оказать широкомасштабную финансовую и военную помощь силам афганского сопротивления, чтобы советская военная машина надолго завязла в Афганистане.

Одновременно с объявлением о постепенном выводе из Афганистана советских войск в результате реформистских шагов Горбачева и американских мирных инициатив, США, Саудовская Аравия и, в особенности, служба информации пакистанской армии, попытались хоть как-то объединить семь афганских политических партий, базирующихся в Пешаваре, друг с другом и с прочими оппозиционными группировками и создать на их основе правительтство Афганистана в изгнании с тем, чтобы после вывода советских войск была замена правительству Наджибуллы или, чтобы, по крайней мере, частично взять власть в свои руки. Был учрежден совет для формирования афганского правительства в изгнании. Однако, правительство это так и осталось марионеткой в руках пакистанских спецслужб и не имело ни малейшего влияния на политический ход событий.

Потратив изрядные суммы денег на подкуп голосовавших, представители Саудовской Аравии добились того, что президентом в этом правительстве был избран Сибгхатулла Моджадедди, а набравший одним голосом меньше Сайяф — премьер-министром. Это при том, что Сайяф никогда не имел влияния в общественной жизни страны. С другой стороны, Раббани — единственный представитель большей части говорящих на фарси жителей Афганистана, единственный непуштун в правительстве, был избран с минимальным числом голосов на должность министра реконструкции. Такое временное правительство не могло получить ни поддержки среди афганского народа, ни международного признания.

В результате, лишь три или четыре страны признали правительство моджахедов. Провалилась их попытка захватить Джелалабад и перенести штаб-квартиру правительства на территорию Афганистана. Между тем, внутренние разногласия в правительстве между тем усиливались. Хекматияр, избранный министром иностранных дел, удачно предпринял попытку склонить к сотрудничеству Шахнаваза Танаи, министра обороны в правительстве Наджибуллы, но подготовка переворота была раскрыта. Именно Хекматияр подвергся критике и нападкам со стороны остальных лидеров моджахедов и, в конце концов, был вынужден оставить свой пост. В то же время, с каждым днем усиливалось соперничество между Исламской Партией и Исламским Обществом, что привело к кровавым столкновениям.

В итоге правительство Наджибуллы так и осталось у власти после вывода советских войск из Афганистана, а моджахеды не возобновляли попытки захватить власть. Наджибулла, защищая свою власть, конечно же, полагался не на одну только армию. Он умело использовал силы так называемой правительственной милиции — военизи-

Афганские моджахеды сегодня

хада из 50 человек. Однако, соперничающие группировки с самого начала начали обвинять друг друга в нарушении условий соглашения.

Яблоком раздора для этих группировок, сделались те самые военизированные формирования, что сыграли решающую роль в падении правительства Наджибуллы. С одной стороны, Хекматияр заявил, что они являются сторонниками режима Наджибуллы, и потребовал их вывода из Кабула. С другой стороны, Моджадедди, не имевший боеспособной армии, попытался сблизиться с командирами военизированных формирований и заключить с ними союз. Поэтому во время своей поездки в северные районы Афганистана он повысил в чине трех влиятельных командиров: командира узбекских военизированных формирований генерала Абдулрашида Дустама, командира таджикских военизированных формированимй генерала Момина и командира исмаилистских вооруженных формирований генерала Зияда Мансура Надери, вызвав этим ярость у прочих лидеров моджахедов. Моджадедди также добился благосклонности со стороны Партии Исламского Единства, объединявшей шиитские группировки. Он убедил их заключить с ним союз, отдал им три министерских портфеля и назначил на пост министра национальной безопасности генерала Ходададхана Хезари.Таким образом, Моджадедди заручился их военной поддержкой своего правительства.

Когда власть пререшла к Бурханиддину Раббани, он издал указ о разоружении военизированных формирований и приказал вывести их из Кабула для того, чтобы укрепить армию, добиться в ней единообразия и устранить помеху верховной власти правительства. Издавая этот указ, Раббани надеялся получить поддержку Хекматияра, поскольку тот всегда выдвигал условием перемирия вывод военизированных формирований генерала Дустама. Однако, существующие разногласия между афганскими партиями и группировками, похоже, лишь обостряются от этих ограниченных усилий. Глубина и серьезность накопившихся в Афганистане противоречий и разногласия между различными политическими партиями, рвущимися к власти, рисуют мрачные и неопределенные перспективы, угрожающие самому существованию Афганистана.

раванные формирования, созданные еще в начале советской интервенции на севере страны. Будучи союзниками правительства, эти формирования преграждали силам моджахедов путь к стратегическому перевалу Саланг, по которому в Кабул доставлялась советская военная и продовольственная помощь.

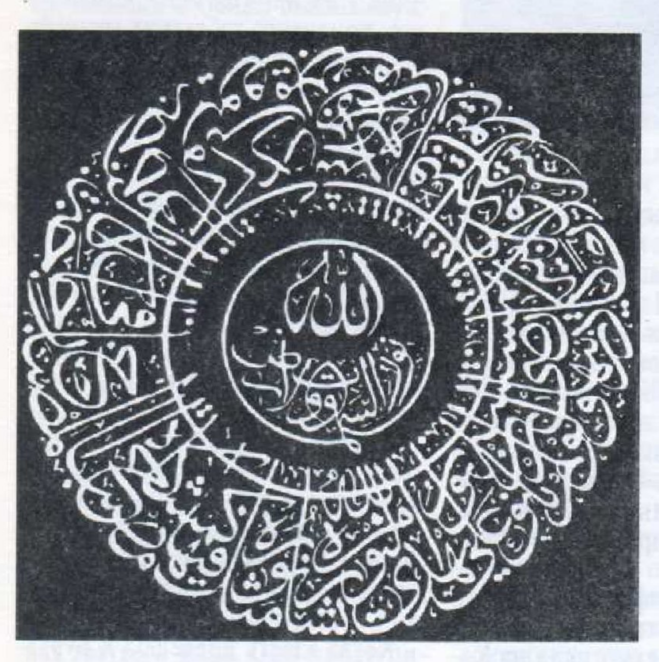
После распада Советского Союза и прекращения этой помощи, правительство Наджибуллы, ссылаясь на свою враждебность исламскому фундаментализму, попыталось привлечь к себе внимание со стороны западных стран, особенно США, но успеха в этих попытках не имело. Вместе с тем, чтобы уменьшить влияние преставителей непуштунских национальностей в собственном правительстве Наджибулла попытался, при посредничестве пакистанского правительства, организовать коалицию с Хекматияром. Следуя этому тайному соглашению, Наджибулла отказался от помощи командиров военизированных формирований на севере страны и вместо них использовал пуштунов. В пользу такого шага, очевидно, имелись веские доводы, но с точки зрения логики он выглядит странным, ибо коалиционное правительство Наджибуллы-Хекматияра вряд ли смогло бы удержаться. Во всяком случае, командиры военизированных формирований отказались выполнить приказ Наджибуллы о расформировании и, чтобы помешать переходу власти к пуштунам, заключили тайный союз с Ахмад Шах Масудом и с Партией Исламского Единства. Эта трехстороння коалиция вначале вывела Мазар-Шариф из под правительственного контроля, а затем стремительно двинула свои силы на штурм Кабула. Одновременно те круги в правительстве Пакистана, которые финансировали Хекматияра, делая на него ставку(в особенности, служба информации армии Пакистана), поспешно двинули военные силы Хекметияра на Кабул, желая предотвратить его падениие. Говорят, что в состав сил Хекматияра входили пакистанские солдаты, переодетые афганскими моджахедами.Именно они обслуживали всю боевую технику, переданную пакистанской армией.

Стремительное развитие событий в Афганистане привело к подписанию лидерами моджахедов, при посредничестве Пакистана, Пешаварского Соглашения. На основе этого соглашения, Сибхатула Моджадедди должен был возглавить переходное правительство на два месяца, а затем на шесть месяцев передать власть Бурханиддину Раббани. После чего предполагалось провести выборы постоянного правительства Афганистана. Пешаварским Соглашением было определено, что на этот период всю верховную власть возьмет на себя Совет Джи-

Алексей Василивецкий

ИСЛАМ КАРИМОВ ПРОТИВ «АДОЛАТА»

Движение «Адолат» (»Справедливость»), организованное в середине 1991 года, не просуществовало и года, но получило широкую известность как в Узбекистане, так и за его пределами. В движении объединились мусульмане Намангана и Наманганской области, а также некоторых прилегающих районов Ферганской области. Если бы «Адолату» удалось просуществовать еще хотя бы несколько месяцев, то подобные группы возникли бы по всей Ферганской долине.

Целью «Адолата» была борьба с преступниками и нарушителями норм морали. Первоначально «Адолат» создавался при поддержке областных властей, видевших в этом движении нечто подобное добровольным народным дружинам советской эпохи. Амиру «Адолата» была приставлена милицейская охрана, вооруженная автома — тами. «Адолату»покровительствовали официальные имамы, известные своей лояльностью властям, в частности, кази Ферганской долины Абдурауф Хаджи (которого, впрочем, подвергнут репрессиям как сторонника муфтия Мохаммад-Содыка весной 1993 года, через год после разгрома «Адолата»). Амир движения Хаким Сатимов, бывший инструктор по вождению машины, всегда высказывался с почтением о президенте Узбекистана.

Отряды, входившие в «Адолат», создавались самими жителями в махаллях и действовали практически автономно. Они ловили воров, причем делали это лучше, чем милиция, организовывали патрулирование улиц, практически искоренили мелкое хулиганство. Во главе отрядов стояли выборные руководители.

Задержанных нарушителей иногда предавали милиции, а иногда их наказывали в соответствии с традициями: заставляли работать на строительстве мечетей, привязывали к позорному столбу и так далее.

С течением времени в движении начало усиливаться влияние Ислама. Большим авторитетом среди верующих, составивших костяк «Адолата», пользовались люди из оппозиционной наманганской мечети «Атаулло» (неофициально эту мечеть называют «Гумбас»). Характерно, что первый отряд «Адолата» образовался именно в махалле, примыкающей к мечети «Гумбас».

Участники движения старались судить задержанных нарушителей в соответствии с нормами шариата. Они начали следить также и за тем, насколько добросовестно посещают мечеть их соседи по кварталу. Участники «Адолата» следили за поддержанием норм именно исламской морали.

Наиболее радикальной в этом отношении была группа активиста этого движения двадцатичетырехлетнего Тахира Юлдашева. Осенью 1991 года между Сатимовым и Юлдашевым начал намечаться раскол.

Развитие событий ускорил приезд в Наманган президента Каримова. В конце 1991 года в республике должны были состояться президентские выборы, и Ислам Каримов, стремившийся переизбраться на новый срок, ездил по стране для «встреч с избирателями». 8 декабря 1991 года он прибыл в Наманган и выступил с речью в здании областного комитета компартии. «Избирателей» на эту встречу привозили по специальным спискам, составленным руководством области. Разумеется, в число приглашенных попали только полностью лояльные люди.

К обкому пришел и Тахир Юлдашев с группой своих товарищей. Они хотели побеседовать с президентом о своих проблемах, причем настроены были вполне миролюбиво. Но их обманули местные руководители. Тахиру было сказано: «Подождите в соседней комнате, пока Каримов не закончит выступление. После этого он вас примет». Каримов выступил и тут же уехал. Юлдашев долго ждал, а когда понял, что его обманули, то распорядился передать по всем мечетям, чтобы верующие после намаза собирались у

обкома: «Мы заставим президента выслушать нас».

Действительно, около восьми часов к обкому собрались тысячи мусульман. Туда же властями были подтянуты крупные силы милиции и госбезопасности. Начался импровизированный митинг, продолжавшийся всю ночь. В какой-то момент митингующие потребовали, чтобы стоявшим на площади старикам дали возможность войти в здание обкома, чтобы погреться и совершить намаз. Старикам разрешили войти, а следом за ними вошли и другие демонстранты. Здание оказалось захваченным без боя.

В ту же ночь активисты «Адолата» обошли все предприятия города и автобазы, предупредив всех: завтра начинается забастовка, работы не будет. Посты автоинспекции получили приказ: пропускать в город только автобусы с демонстрантами, прочий же транспорт задерживать. Влияние лидеров «Адолата» было в тот момент в области настолько сильно, что милиция выполнила этот приказ.

Утром число демонстрантов в городе значительно выросло за счет прибывших из районов. Тогда председатель наманганского облисполкома Ташпулатов отдал приказ начальнику областного управления внутренних дел Мамаджанову: пусть милиция даст два предупредительных залпа в воздух и после этого стреляет по толпе (выросшей уже до двадцати тысяч человек). Мамаджанов отказался. Разумеется, в дальнейшем этот отказ стоил ему места.

Митинг продолжался. В его работу включились руководители областной организации движения «Бирлик» и местного отделения партии «Эрк». При их участии митингующими были выработаны требования из тринадцати пунктов, включавших досрочный роспуск и перевыборы парламента, установление свободы слова, регистрации оппозиционных организаций.

В 9 часов утра прибыл сам президент Каримов. Тахир Юлдашев обратился к собравшимся на площади: «Вот он, диктатор, вынужден был вернуться и стоит перед вами». И начал задавать Каримову вопросы о том, что он делает в стране. Ислам Каримов побагровел. Он сказал: «У вас, мой милый мальчик, столько вопросов! Давайте, я отвечу хотя бы на часть!» И попытался перехватить микрофон. Но Юлдашев отвел его руку и сказал: «Сегодня хозяин здесь не вы! Говорить будете, когда мы дадим вам слово». И Тахир продолжал свою речь. «Хотите вы такого президента?» — трижды обращался он к толпе. И трижды толпа кричала: «Нет!»

Потом дали слово президенту. Он долго оправдывался, обещал выполнить большинство предъявленных требований (кроме перевыборов парламента, на что он, по его словам, не имел права по Конституции). У него спросили, будет ли президент читать намаз. «Буду», — ответил Каримов. «Станет ли Узбекистан исламским государством?» — «Как решит парламент, так и будет», — последовал ответ.

После этого Тахира пригласили на переговоры. Властям при помощи некоторых имамов мечетей удалось уговорить его распустить толпу. К вечеру следующего дня обком был освобожден. Но Юлдашев оказался обманут, как показали дальнейшие события.

Первые недели прошли относительно спокойно. Одно из зданий, принадлежавших ранее компартии, было передано властями под клинику для женщин (в которой врачами, в соответствии с требования Ислама, могли работать только женщины). Нашлось место и для мусульманского центра социальной помощи.

Амир «Адолата» объявил, что полностью поддерживает Ислама Каримова, а тем, кто проголосует против него на президентских выборах, непоздоровится. Юлдашев же был не доволен тем, как выполняются президентские обещания. В марте он планировал организовать новый митинг. Но и Ислам Каримов не забыл своего позора.

В середине марта в город стали тайно стягиваться милицейские силы из других областей. 17 марта Сатимов был вызван в хокимиат, якобы по делу. Встреченные им в холле здания милиционеры, сочувствовавшие «Адолату», пытались предупредить его об опасности, но было поздно: амира взяли, несмотря на все его заверения о лояльности Каримову, и увезли в тюрьму.

В Намангане и области начались массовые аресты. Тахира Юлдашева арестовать не удалось. Его люди перекрыли улицу, а он тем временем бежал. В дальнейшем он попал в Таджикистан и сейчас, по слухам, воюет вместе с таджикскими моджахедами в Афганистане.

Сатимова выпустили осенью 1992 года под подписку о невыезде. Но он дал интервью неофициальной областной газете «Эрк парвар», после чего вновь оказался в тюрьме. В конечном счете он получил семь лет заключения, якобы за рекет (все участники движения «Адолат», оказавшиеся в заключении, были осуждены как уголовные преступники).

Рядовые адолатовцы были деморализованы. По телевидению были показаны материалы, призванные скомпрометировать движение. В частности утверждалось, что члены «Адолаты» казнили одного из русских воров, проживавших в Намангане (сами члены движения впоследствии утверждали, что этот человек за какую-то провинность был убит своими же коллегами-ворами).

Все же в конце апреля 1992 года в защиту арестованных в городе началась забастовка. Организовал ее директор одного из городских предприятий, депутат парламента республики Абдулвахид Паттаев. В парламент он был избран от маххали, большинство населения которой составляли члены «Адолата». Поводом стала попытка привлечь Паттаева к суду за то, что он якобы давал бензин для машин «Адолата» (как уже говорилось выше, на первом этапе движение поддерживалось властями и ему вынуждены были помогать все директора — не только Паттаев).

Забастовщики заняли территорию завода, загородили машиной въезд в ворота. К рабочим присоединились несколько тысяч жителей близлежащих махаллей. Власти не решились штурмовать завод. На переговоры приехал тогдашний Государственный секретарь при президенте Узбекистана Рахим Раджабов. На митинге в рабочей столовой забастовщики потребовали не только прекратить преследования их директора, но и освободить арестованных членов «Адолата». На переговорах Раджабов обещал это сделать. Часть арестованных действительно освободили, но далеко не всех.

Суды проходили как правило не в Наманганской области, а в Ташкенте или Сырдарье. Руководитель «Адолата» из поселка Чартог Наманганской области Обидхон Аскаров получил семь лет, один из помощников Сатимова — Фазлиддин — девять лет. Всего в настоящее время в Узбекистане отбывают наказание по делам, связанным так или иначе с «Адолатом», одиннадцать человек.

Так была пресечена попытка участников исламского самоуправления в Наманганской области покончить с преступностью у себя дома. Одновременно властями была пресечена аналогичная попытка в Коканде, где ее предприняло общество «Одамийлик, инсонпарварлик» («Гуманизм и милосердие»).

Зак. 153. Тир. 1000. Тип. ВВЦ

Ислам —
это не религия
догматического ритуала,
косности и архаики...
Ислам —
это доктрина Пророков,
продолжающая духовный авангардизм
Авраама, Моисея, Иисуса
(мир им всем).
Ислам —
это гностическое христианство
современности.
Тот, кому претит неподлинность
интеллектуально-духовного
пространства современной России,
тот, кто устал от теорий
"открытого общества",
"народной монархии",
"евразийского пространства"
и тому подобных панацей,
должен нас знать!